

- [Нина Берберова](#)
- [Первый день](#)
  -
  - [Декларация В. А. Кравченко](#)
  - [Речь Клода Моргана](#)
  - [Речь Вюрмсера](#)
  - [Инциденты](#)
- [Второй день](#)
  -
  - [Показания Мартэн-Шоффье](#)
  - [Показания Фернан Гренье](#)
  - [Показания Пьера Дебрей](#)
  - [Кравченко сердится](#)
  - [Показания Пьера Куртада](#)
- [Третий день](#)
  -
  - [Показания Веркора](#)
  - [Глубокомыслие профессора Баби](#)
  - [Показания д'Астье де ля Вижери](#)
  - [Комический инцидент](#)
  - [Еще французские свидетели](#)
- [Четвертый день](#)
  -
  - [Герой «Норманди-Неман»](#)
  - [Франко-русский инженер Борнэ](#)
  - [Первые ди-пи: Семен и Ольга Марченко](#)
- [Пятый день](#)
  -
  - [Показания инженера Кизило](#)
  - [Инциденты](#)
  - [Кревсун из Полтавы](#)
  - [Показания журналиста Силенко](#)
  - [Бланш-Ирэн-Ольга Лалоз-Горюнова](#)
- [Шестой день](#)
  -
  - [Специалист пятой колонны](#)
  - [Митинг и самореклама](#)
  - [Перестрелка](#)

- [Чей же, все-таки Кравченко агент?](#)
- [Что русскому здорово, то немцу — смерть](#)
- [Седьмой день](#)
  -
  - [Прокурор заговорил...](#)
  - [Свидетель Романов](#)
  - [Проклятая самостоятельность](#)
  - [Обстрел Романова](#)
  - [Академик Трайнин](#)
  - [Драматический диалог](#)
  - [Председатель сердится не на шутку](#)
- [Восьмой день](#)
  -
  - [Центротруба](#)
  - [«Я вас высеку!»](#)
  - [«Я тот, который уцелел»](#)
  - [Показания Василенки](#)
  - [Василенко топит себя](#)
  - [Человек лучшего общества](#)
  - [Документ Нордманна](#)
- [Девятый день](#)
  -
  - [Математик Николай Лаговский](#)
  - [Первая очная ставка](#)
  - [Речь мэтра Изара](#)
  - [Борис Удалов, друг семьи Горловых](#)
  - [Неожиданная сенсация](#)
  - [Вторая и третья очные ставки](#)
  - [Пасечник — жертва ГПУ и Гестапо](#)
- [Десятый день](#)
  -
  - [«Красный» генерал Пети](#)
  - [Симпатичный свидетель ответчиков](#)
  - [Молотов или не Молотов?](#)
  - [«Белый» генерал — советский патриот](#)
  - [Неожиданная защита власовцев](#)
  - [Опять: Молотов или не Молотов?](#)
- [Одиннадцатый день](#)
  -

- [Речь Руденко](#)
- [Поединок](#)
- [Генерал защищается](#)
- [Генерал уходит](#)
- [Скандал с историком](#)
- [Американские меньшевики](#)
- [Владимир Познер и Брюа](#)
- [Двенадцатый день](#)
  -
  - [Опять Пасечник](#)
  - [Библиотека Корниенко](#)
  - [Женщина-врач Анна Кошинская](#)
  - [Николай Якубов](#)
  - [Свидетель Лужный](#)
  - [Инженер-электрик Бобынин](#)
  - [Свидетель Жебит](#)
- [Тринадцатый день](#)
  -
  - [Депутат компартии Гароди](#)
  - [Комментарии Изара к советской ноте](#)
  - [Николай Федорович Антонов](#)
  - [Инцидент](#)
  - [Жена Антонова](#)
  - [Васильков и его семья](#)
- [Четырнадцатый день](#)
  -
  - [Приговоренный к смерти](#)
  - [Еще одно мнение](#)
  - [Интермедия](#)
  - [Вдова Гейнца Неймана](#)
  - [Последний свидетель Кравченко](#)
- [Пятнадцатый день](#)
  -
  - [Нагрудный крест патриарха Алексия](#)
  - [О Чаплине, Левине и Лайонсе](#)
  - [«Я вернусь в освобожденную Россию»](#)
- [Шестнадцатый день](#)
  -
  - [История написания книги](#)

- [Изар оглашает письма из Америки и Европы](#)
- [Выводы Нордманна](#)
- [Экспертиза Владимира Познера](#)
- [Неожиданный скандал](#)
- [Семнадцатый день](#)
  -
  - [Еще экспертиза Познера](#)
  - [Последние эксперты](#)
  - [Документы via prague](#)
  - [Демократия — что дышло!](#)
- [Восемнадцатый день](#)
  -
  - [«Свидетель нравственности» г. Жолио-Кюри](#)
  - [Д'Астье де ля Вижери оправдывается](#)
  - [Разведка г. Нордманна](#)
  - [Ответ Кравченко экспертам](#)
  - [Речь мэтра Жильбера Гейцмана](#)
- [Девятнадцатый день](#)
  -
  - [Политики, христиане и профессора](#)
  - [Наши свидетели](#)
  - [Цена иска](#)
  - [Мэтр Изар начинает свою речь](#)
- [Двадцатый день](#)
  -
  - [Сим Томас только призрак](#)
  - [О кулаках и коллективизации](#)
  - [Чистки](#)
  - [НКВД](#)
  - [Лагери](#)
  - [О дезертирстве](#)
  - [Что такое предательство?](#)
  - [Заключение](#)
- [Двадцать первый день](#)
- [Двадцать второй день](#)
  -
  - [Звезды первой величины](#)
  - [«Каниферштан» Дон-Левин](#)
  - [«Американский метод»](#)

- [Начало речи Блюмеля](#)
  - [Двадцать третий день](#)
  - [Двадцать четвертый день](#)
    -
    - [Первая часть речи Нордманна](#)
  - [Двадцать пятый день](#)
    -
    - [Вторая часть речи Нордманна Антисоветский заговор](#)
    - [Г-жа Нейман сама приехала в Равенсбрук](#)
    - [Возражения мэтра Изара](#)
    - [Речь прокурора](#)
    - [Последнее слово Кравченко](#)
    - [Последние речи ответчиков](#)
    - [Приговор](#)
    - [Первый иск](#)
    - [Второй иск](#)
    - [Третий иск](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

Нина Берберова

Дело Кравченко

История процесса

Французский перевод книги В. А. Кравченко «Я выбрал свободу» вышел в 1947 году, и тогда же получил премию Сент-Бева, одну из многочисленных французских литературных премий. 13 ноября 1947 года, в прокоммунистической еженедельной газете «Лэттр Франсэз», была напечатана корреспонденция, подписанная «Сим Томас», присланная якобы из Америки, под названием «Как был сфабрикован Кравченко». В этой статье автор, американский журналист, рассказывал о своей встрече и беседе с неким агентом ОСС, т. е. американской секретной службы. Этот агент открыл журналисту «тайну книги Кравченко».

«Чаплину (рассказывал агент Симу Томасу) явилась мысль заказать Кравченко книгу. Кравченко с удовольствием принял за работу. В несколько месяцев он родил около шестидесяти страниц, они были неудобочитаемы и никуда не годились. Мне их показывали однажды, как курьез. Но в то время, как мне их показывали, Кравченко, как писатель, был уже позабыт: книга в 1000 страниц, подписанная его именем, была сфабрикована нашими знакомыми меньшевиками. После говорили, что Кравченко никуда не показывается, так как жизни его грозит опасность. Скорее — он прятался, потому что не был автором книги, о чем даже самые большие дураки могли при личном знакомстве легко догадаться».

Кравченко, узнав об этой статье, сейчас же привлек к суду французскую газету. На основании ст. 92, 32 и 33 закона 29 июля 1881 года и дополнения, сделанного 6 мая 1946 года, он требовал с «Лэттр Франсэз» три миллиона франков.

Через восемь дней газета уже опубликовала список своих свидетелей, которых она вызывала на процесс, ей вчиненный. В такой короткий срок она успела снестись не только с Америкой, но и с СССР. Свидетелей было около сорока.

Дело было назначено к слушанию в июле месяце, но тут выяснилось,

что главный обвиняемый, автор информационной статьи, Сим Томас, явиться на суд не может, и возникли первые сомнения в его реальном существовании. Таким образом, на редактора еженедельника пала вся ответственность. Этим редактором был Клод Морган, писатель, чье имя до войны было мало известно. Во время резистанса^[1] он, вместе с другими товарищами, начал печатать газету «Лэттр Франсэз», которая выходила тайно во время немецкой оккупации.

Но со времени первой статьи Сима Томаса до июля 1948 года, другой редактор газеты, Андрэ Вюрмесер, тоже писатель и критик, продолжал оскорблять Кравченко в своих статьях, так что Кравченко пришлось привлечь к суду и его. Залог для иностранца, затевающего процесс во Франции, был исчислен судом в два миллиона франков, и Кравченко его внес. За несколько дней до процесса, который вторично был назначен на январь 1949 г., его противники пытались оттянуть дело, заявив, что залог был внесен слишком поздно, но Кравченко, приехавший во Францию строжайшим инкогнито, внезапно созвал пресс-конференцию и объявил, что намерен процесса не откладывать.

13 января «Лэттр Франсэз» обратилась во французское министерство иностранных дел с просьбой дать въездные визы 16-ти советским свидетелям и трем, живущим в Америке и Англии. Визы эти тотчас были даны. Однако, свидетели из Москвы явились только в последнюю минуту перед выступлением в суде, когда процесс уже был начат, и лишь в количестве пяти человек. Свидетели же Кравченко, количеством более 20-ти, были заблаговременно привезены из Германии, где они проживают в качестве «Ди-Пи» в американской и французской зонах.

Как выяснилось позже, адвокаты Кравченко и он сам получили более 5 000 предложений от новых эмигрантов приехать свидетельствовать на процесс. Из этого количества были выбраны люди, знавшие Кравченко или знавшие его первую жену, Зинаиду Горлову, или жители Днепропетровска и Харькова, которые могли лучше других помнить условия жизни, описанные в книге. Таким образом, в Париж приехали инженеры, сотрудники Кравченко, его учитель по Харьковскому институту, колхозники, раскулаченные в 1931-32 гг., студентка-медичка, учившаяся вместе с З. Горловой в свое время, и другие лица. Часть из них говорила по-русски, часть по-украински. Инженер Борнэ и г-жа Лалоз говорили по-французски, как и лейтенант Иуанэ.

Приехавшие из Германии остановились в гостинице Сен-Ромэн, на улице Сен-Рош. Их привозили на суд в специальном автокаре. Постепенно, по мере дачи показаний, они возвращались в Германию. Жена известного

немецкого коммуниста, Неймана, г-жа Маргарета Бубер-Нейман, была выписана из Стокгольма. Она показывала по-немецки.

Число свидетелей, которых выставила французская газета, постепенно уменьшалось. Среди них были коммунистические депутаты, писатели, журналисты, резистанты, генералы и пр. Из СССР, в конце концов, прибыло — как уже было сказано — всего пять человек. Это были первая жена Кравченко, Зинаида Горлова, генерал Руденко, инженер Романов, инженер Василенко и инженер Колыбалов. Горлова и Колыбалов через несколько дней после показаний на суде вернулись в Москву. Остальные вылетели обратно на самолете через Прагу 12-го марта.

Дело должно было слушаться в 17-ой камере сенского исправительного суда, но так как зал этой камеры слишком мал и ожидалось большое стечение публики, то 17-ая камера перешла на все время процесса в зал 10-ой камеры, как самой большой. Этот зал вмещал около 300 человек, сидящих и стоящих очень тесно друг к другу. Три огромных окна выходили на набережную Сены, на юг, так что в солнечные дни приходилось спускать жалюзи от яркого света.

Председатель Дюркгейм и двое судей сидели, как обычно, на возвышении. Третий судья (запасной) сидел тут же за столом. Слева от председателя, тоже на возвышении, находился прокурор Куассак, человек еще молодой; за ним были размещены рисовальщики и художники. Справа от председателя сидела французская пресса, по другую сторону, ниже прокурора — представители французских и иностранных телеграфных агентств. Перед столом председателя и судей происходило самое действие: справа, лицом к председателю, разместились ответчики, слева — истец: Кравченко, его личный переводчик и два его адвоката, мэтры Жорж Изар и Жилебер Гейцман, а напротив них — гг. Вюрмесер, Морган, их переводчик и четыре адвоката: мэтры Нордманн, Блюмель, Матарассо и Брюгье. Между сторонами находился «барьер», то есть короткие перила, к которым вызывались свидетели.

Затем, уже в самом зале, сидели иностранные журналисты (около ста), адвокаты (человек 50) и гости: жены председателя, судей и адвокатов, члены дипломатического корпуса и др. В конце зала был высокий деревянный барьер и за ним стояла публика, которой было не менее 70–80 человек, и которая простаивала часами в очень большой тесноте и духоте.

Человек десять жандармов в форме и много полицейских в штатском занимали свои места заблаговременно. Фотографы являлись тоже ранее других и устанавливали свои аппараты. Киносъемки были запрещены. Во втором часу появлялись ответчики и их адвокаты. Затем раздавался звонок.

Из главной двери появлялись Кравченко, его переводчик и переводчик трибунала, г. Андроников, адвокаты Кравченко в сопровождении помощников, несших «дело» — три огромных папки, чемодан, саквояж и портфель, а затем появлялся трибунал, и публика вставала со своих мест, как полагается во всем мире.

Контроль был очень строгий, адвокатов впускали только в тогах, журналисты должны были иметь личную карточку с фотографией. Желаящих проникнуть в зал было в три раза больше, чем можно было впустить. Из иностранных журналистов были представители всех без исключения больших газет: г. Сандберг из Амстердама, г. Винде из Стокгольма, г. Матьюс из Лондона и т. д. Среди французских журналистов можно было видеть ежедневно: Пьера Сиза (из «Фигаро»), представителей «Орор», «Эпок», «Юманитэ» и т. д. Постоянных представителей русской антикоммунистической прессы, кроме пишущей эти строки, не было.

В. А. Кравченко в перерыве не выходил на широкую мраморную лестницу, куда выходили все остальные. Он уходил в специальную комнату, где с переводчиком и своими адвокатами продолжал заниматься процессом. Очень часто его задерживала публика в самом зале: он подписывал свою книгу, которую ему подавали стоявшие в очереди к нему поклонники и поклонницы. Некоторые приносили фотографии, и он подписывал их. С публикой он иногда перекидывался несколькими словами по-английски.

Мэтр Жорж Изар, адвокат Кравченко — бывший социалистический депутат департамента Мерт-и-Мозель (1936–1940). Он был делегатом группы резистанса во время временной Ассамблеи (1944–1945). Кавалер военного креста, медали Резистанса и Почетного Легиона, он был автором книг «От Маркса к марксизму» и «Человек революционер». Он уже вел в своей жизни несколько диффамационных процессов.

Мэтр Жильбер Гейцман — адвокат еще молодой. Во время войны он был в немецком плену.

Дело Кравченко началось слушанием 24 января 1949 г. Предполагалось, что оно продлится 9 дней. Оно закончилось 22 марта, после 25-го заседания. Приговор был вынесен через 10 дней.

Предлагаемый читателю репортаж не есть стенограмма процесса. Записанный непосредственно в течение 25-ти заседаний суда, он занимает немногим более ста страниц, в то время, как стенограмма тех же 25-ти заседаний занимает более 2 000.

Поэтому, автор репортажа заранее просит простить его, если его работа покажется недостаточно полной. Непосредственная запись, конечно, не может конкурировать с записью стенографической, но у нее есть перед

этой последней одно преимущество: она, схватывая самое главное, старается быть живой.

Н. Берберова

Первый день

Десятая исправительная камера Сенского суда никогда не видела такого наплыва публики. В 1 час дня все скамьи полны: журналисты французские и иностранные, адвокаты, публика, фотографы, художники.

В высокие окна бьют солнечные лучи яркого зимнего дня. Здесь, в зале, вспыхивает магний, щелкают аппараты. Цепь жандармов проверяет пропуска.

В без четверти два председатель Дюркгейм и судьи, занимают свои места.

Кравченко со своим адвокатом и редакторы «Лэттр Франсэз» — уже в зале. На лестнице Кравченко был встречен аплодисментами.

Мэтр Жорж Изар, один из лучших адвокатов парижского барро, мэтр Гейцман и два его помощника листают громадные папки с «делом».

Прежде, чем огласить статьи французского еженедельника, оскорбившего Кравченко, пропускаются свидетели: первая группа — знаменитые французские имена, лица, вызванные поддержать своим авторитетом коммунистическую газету. Среди них: Жолио-Кюри, Веркор, Жан Кассу, Куртал, Гренье, Мартэн Шоффье. Свидетели из СССР еще не прибыли — их привезут ко дню их показаний.

Затем — группа иного вида: изможденные лица, поношенные пальто. Это — новые эмигранты, люди, как и сам Кравченко, «выбравшие свободу», невозвращенцы, выписанные на процесс из Германии. Среди них: инженер Кизило, Кревсун, Силенко, Горюнова, Семен и Ольга Марченко, Николай Лаговский и т. д.

Ген. Руденко, брата прокурора нюрнбергских процессов, одного из главных свидетелей против Кравченко, нет.

После того, как переводчиков привели к присяге, председатель читает статьи редактора «Лэттр Франсэз» Вюрмесера сотрудника Сима Томаса. В них, как уже известно, В. А. Кравченко обвиняется, во-первых, в том, что писал книгу не сам, а во-вторых, — что он субъект аморальный, пьяница, предатель своей родины и куплен американской разведкой. Кроме того: в книге его сплошная ложь.

Председатель: Я предупреждаю вас, господа, что, по закону, не Кравченко должен доказать, что в книге его — правда, но вы должны доказать, что он написал ложь.

Бледный, как полотно, Вюрмесер и красный, как кумач, Клод Морган,

пытаются сразу же напасть и напоминают, что книгу Кравченко цитировал Гебельс в 1944 году и что, таким образом, Кравченко — коллаборант.

Но председатель предоставляет слово Кравченко.

Декларация В. А. Кравченко

— Я счастлив быть во Франции, — сказал автор нашумевшей книги, — Америка спасла мне жизнь. Я прошу французский суд восстановить мое доброе имя. Я прошу не только осудить моих клеветников, но и назвать их вдохновителями. Я оставил на родине, которую горячо люблю, близких и родных. Я не знаю, что с ними стало. До этого, я никогда за границей не был и иностранных языков не знал, у меня не было никого, когда я порвал с советским режимом. И все-таки, я сделал это, потому что я должен был сказать миру о том, как страдает мой народ.

Страдания этого народа, мои страшные личные разочарования и ужасы режима привели меня к этому решению. Не я решил — действительность решила за меня.

Миллионы людей хотели бы сделать то, что сделал я, и среди тех свидетелей, которых Политбюро пришлет на мой процесс, будут люди, которых я знаю, которых я знал, и которые думают, как я, но у них остались заложники в Москве, их жены и дети, и они ничего об этом не скажут.

То, что я сделал, я сделал и для русского народа, и для всего мира, чтобы все люди знали, что советская диктатура есть варварство, а не прогресс.

Я — сын и внук рабочего. Я сам рабочий. Из рабочих я поднялся на советские верхи. И теперь я говорю советской власти:

Вы украли революцию.
Вы научили русский народ страху.
Вы задушили его террором.
Вы украли у него его победу над внешним врагом.
Вы грозите миру неслыханным ужасом новой войны.
Вы грозите ему оружием мирового коммунизма.

(Переводчик переводит речь Кравченко; зал, затаив дыхание, слушает его).

Весь мир научили вы страху.
Вы сорвали мир.

Мне хочется сказать французскому народу: коммунизм враг ваш. Опомнитесь, пока не поздно! Кремлевские владыки — Каины рабочего

класса. Боритесь за лучшую жизнь демократическими, а не коммунистическими способами. Рабочие, крестьяне, интеллигенты Франции, жертвы моего народа будут напрасны, если вы не поверите мне!

Затем Кравченко переходит к самому процессу:

— Цель моих врагов, — говорит он, — меня испачкать. Цель моей жизни — борьба с коммунизмом. Но грязь — обычный прием Политбюро. Книга моя имеет успех и потому в меня кидают клеветой.

Французские коммунисты — слуги Кремля. Я никогда ничего не писал против Франции, но я писал против их хозяев. Пока я был в России, эти хозяева хвалили и выдвигали меня, и даже послали меня за границу. Но теперь, когда я порвал с режимом, меня называют предателем и вором.

В России меня не могут опорочить, меня слишком многие знают там. За четыре года в прессе СССР не было ни одного слова обо мне, но здесь дано задание опорочить меня.

«Сим Томас» — которого не существует — только ширма. Кремль делает дело руками своих рабов, французских коммунистов.

Для этих людей Америка — это только Уолл-стрит. Для меня Америка — большая демократия.

Пусть докажут, что я оплачен американской секретной службой! Меня называют предателем, и я попадаю в хорошую компанию, ибо предателями называют в Москве Леона Блюма, Бовина, Эттли и Трумана. Только Торээ, Тольяти и сам Сталин — честные люди.

Переходя к своему разрыву с СССР, Кравченко говорит:

— Это случилось в апреле 1944 года. Если бы я был фашист и гитлерист, меня бы выдала Америка. Я был и остаюсь русским патриотом; пока моя страна была в войне (хотя бы и союзницей Соединенных Штатов), я отказался выдать американской прессе какие бы то ни было сведения касательно военно-экономического положения моей страны. В 1940 году, когда я был на фронте, Торээ сидел в Москве под крылышком у Сталина.

(Тут адвокат Вюрмсера, мэтр Нордманн требует с большим уважением говорить о французском государственном деятеле. Громкий смех в зале).

— В то время Сталин был другом Гитлера, и французские коммунисты были за него, потому что они не слуги французского народа, но слуги Москвы. Теперь мне говорят, что немецкие газеты использовали мои статьи. Но в 1939—40 гг. немецкие газеты использовали речи и статьи Молотова!

Пусть меня не упрекают в преувеличении, когда я говорю о советском

строе. Помните, что вы называли преувеличением рассказы о немецких концлагерях смерти и крематориях, и это оказалось правдой. Я буду говорить о режиме, не смешивая его с русским народом: Сталин и Молотов приходят и уходят, а Россия будет жить вечно. (Движение в зале.)

— Вы увидите моих свидетелей. Это люди без родины. Они отказались от всего, они выбрали голод. Они знают, что их родные будут замучены, но они будут говорить правду. Они любят свою родину, и скажут вам, почему они остаются здесь. Они, как я, предупредят мир об опасности, ему грозящей, они, как я, готовы пожертвовать жизнью в борьбе. Я ищу борьбы!

Несколько слов посвящает Кравченко вопросу о денежных средствах. Процесс стоит дорого, но книга принесла ему деньги. Он ведет процесс на свои собственные деньги. Он ничего не получал от американских властей. Его издатель находится в зале и может подтвердить, что книга его переведена на 22 языка.

— Где сила добра, и где сила зла — это вам надо решить! — заканчивает Кравченко свою речь.

Речь Клода Моргана

Редактор «Лэттр Франсэз», Клод Морган, волнуясь и краснея, пытается свернуть на совершенно новую дорогу: он говорит о резистансе. С пафосом вспоминает он о расстрелянных немцами соратниках, о том, как возникла «Лэттр Франсэз» и как трудно было издавать ее во время оккупации. Декур, один из ее основателей, был расстрелян.

— Его тень взывает к вам! — говорит Морган председателю.

Однако, подробно рассказывая героическую эпопею «Лэттр Франсэз», Морган почему-то умалчивает об одном из главных ее зачинателей, Жане Полане, который, как известно, некоторое время тому назад ушел из этой газеты, обозвав ее руководителей лгунами.

Морган подчеркивает все время то обстоятельство, что он сам — француз, товарищи его — французы, газета — французская, и иностранцу неуместно давать французам во Франции уроки жизни и чести.

После его речи председатель объявляет перерыв.

Речь Вюрмсера

Восковое лицо Вюрмсера искажается нервной улыбкой, когда, после перерыва, председатель дает ему слово.

— Мой долг журналиста, резистанта и француза, — говорит Вюрмсер, — был прочесть роман Кравченко. Я утверждаю, что американской своей книги он не писал. Может быть, он перевел американский текст на русский язык (по-русски книга вскоре выйдет), — это самое большое, что он мог сделать.

Кравченко — это Дорио! — восклицает Вюрмсер. — Он — враг своей страны, а следовательно, и нашей. Каждый, кто антикоммунист, в то же время — антифранцуз...

Мэтр Изар, адвокат Кравченко, вскакивает с места при этих словах и вздевает руки к небу. Председатель призывает к порядку. В публике гул.

— Что это за издательство, где Кравченко выпустил свою книгу? Это издательство издает Буллита, который призывает к войне, воспоминания немецких генералов, мемуары секретаря Лавалья. Тем, что Кравченко в апреле 1944 г. предал советскую власть, он, быть может, задержал высадку союзников во Франции!.. (Протесты в публике. Гул.)

Я, как француз, вижу в нем пятую колонну... Его свидетели расскажут нам сказки про концлагеря. Может быть, нам скажут, что наши товарищи были сожжены не в Бухенвальде, а на Кубани... Если от этого господина отнять его книгу, то от него не останется ничего, в то время, как за каждым из нас — действия резистантов!

Этот процесс нелеп: пропагандист, оплаченный иностранной державой, судит писателей. Мы — французы, и это недопустимо.

Инциденты

Вслед за речью Вюрмсера председатель предлагает ответчикам задать Кравченко ряд вопросов. Вюрмсер, с помощью своего адвоката, ставит Кравченко следующий:

— Расскажите содержание «Кукольного дома».

В публике недоумение. Переводчик Цацкин, заменивший в этот момент г. Андронникова, переводит:

— Как скончался дом куклы?

Кравченко недоумевают. Его личный переводчик хочет ему что-то объяснить:

— Я требую, чтобы ему не подсказывали! — кричит Вюрмсер.

— По-русски это называется иначе! — кричит мэтр Изар.

— Скажите мерзавцам, чтобы не хамили! — кричит Кравченко, понимая, что ему хотят расставить западню.

— Какой дом? — переспрашивает ничего не понявший переводчик. — Какие куклы?

— Это Ибсен! — шумит зал.

Оказывается, в книге Кравченко есть упоминание о женщине, судьба которой похожа была на судьбу «Норы».

Вюрмсер, чтобы доказать, что Кравченко не писал своей книги, ловит его на незнании ибсеновской драмы. Но Кравченко объявляет, что отвечать на такие вопросы не будет:

— Здесь не московский процесс! Я требую, чтобы прекратилась эта комедия!

Тогда Вюрмсер предлагает Кравченко ответить на другой вопрос:

— Назовите революционные драмы Достоевского.

Кравченко ударяет кулаком по столу. Он бледен. Мэтр Изар спокойно отвечает:

— Посмотрим, как завтра ваши свидетели будут отвечать на наши вопросы.

После этого инцидента адвокат «Лэттр Франсэз» произносит длинную речь, где прославляется коммунистическая партия, Торэз, Марта и др.

Затем Мэтр Изар в блестящей речи цитирует Сталина по поводу советско-германского пакта, вспоминает раздел Польши, поведение Марта в Черноморском флоте...

Оба адвоката, возвыся голос, ведут острую, ядовитую политическую

полемику. Но аргументы Изара, его голос, его жесты, производят видимое впечатление на судей. Публика встречает сочувственным гулом ударные места его речи.

Лампы давно зажжены. Шесть часов на громадных часах над головой публики. Председатель предлагает закрыть заседание.

Завтра — вызов первых свидетелей.

Второй день

Заседание суда начинается в 1 час дня при совершенно переполненном зале.

Второй адвокат Кравченко, мэтр Гейцман, задает Клоду Моргану, редактору «Лэттр Франсэз», ряд вопросов:

— Каким образом были вызваны свидетели из Советского Союза?

Морган: Очень просто: на это существуют почта, телеграф и телефон.

Мэтр Гейцман: Каким именно образом ответчики узнали, что будут говорить их свидетели?

Морган: Контакт установить было очень легко.

Мэтр Гейцман: Как и каким образом г. Морган мог проверить поведение Кравченко в Никополе в 1937 году, а также установить, якобы, справедливость того, что было напечатано в статье Сима Томаса?

Морган: Я не проверил Сима Томаса. Я абсолютно верю ему. Кроме того, я имел свое мнение, так как читал книгу.

Мэтр Гейцман: Если «Сим Томас» — американский журналист, то каким способом он мог узнать, что делалось в СССР во время войны?

Морган пожимает плечами.

Мэтр Гейцман: Печатали ли что-нибудь советские газеты о Кравченко предосудительное за эти четыре года?

Морган: Я не читаю по-русски.

Мэтр Гейцман: Г. Моргану раздражил успех книги. Только ли из-за ее содержания?

Морган: Нет. Я был возмущен, что она вышла в таком большом тираже, когда для французских писателей нет бумаги.

Мэтр Изар, адвокат Кравченко, вступает в спор:

— Коммунистических писателей не читают во Франции не потому, что нет бумаги, а потому, что, как они сами говорят, никто их книг не покупает.

(В зале хохот. Председатель Дюркгейм очень строго призывает публику к порядку).

Показания Мартэн-Шоффье

Начинается вызов свидетелей.

Первым выходит Луи Мартэн-Шоффье, председатель Национального союза французских писателей, из которого, как известно, около года тому назад ушло очень большое количество писателей, так как организация эта приняла отчетливо коммунистический оттенок.

Адвокат «Лэттр Франсэз», мэтр Нордманн, рекомендует Шоффье: это резистант. Он сражался в войне 1914—18 гг.; был депортирован немцами; написал работу о Шатобриане.

— Что может сказать Шоффье о двух ответчиках?

— Это его друзья.

Адвокат «Лэттр Франсэз»: Что бы сказали ваши друзья по немецкому концлагерю, если бы прочли книгу Кравченко?

Шоффье: Я думаю, они бы осудили его.

Нордманн: Что вы думаете о «Лэттр Франсэз»? Неужели эта газета способна на диффамацию?

Шоффье: Это очень хорошая газета.

Мэтр Изар встает с места: он напоминает Шоффье, что писатель Поль Низан, который был его другом, был обозван коммунистами предателем за то, что ушел из коммунистической партии после советско-немецкого пакта.

— Считаете ли вы вашего друга Низана предателем или держитесь особого мнения?

Шоффье мнется: Мне кажется, он не был...

После него выходит на середину зала Фернан Гренье, депутат Национального Собрания, видный коммунист. Он рекомендует себя, как булочника, но мэтр Нордманн сейчас же поясняет, что Гренье — депутат, и в 1944 году были министром авиации. Он — один из первых резистантов и был депортирован немцами.

Показания Фернан Гренье

Гренье подготовил основательную критику книги Кравченко по существу. Она у него в руках. Он то и дело цитирует ее, предварительно заявив, что, по его мнению, Кравченко не только не писал ее, но даже не был советским гражданином.

Сам Гренье был в России два раза: в 1933 и в 1936 гг. Он видел в России совсем не то, что видел Кравченко: сытых крестьян, веселых колхозников, истово молившихся прихожан в только что отремонтированной церкви, где счастливого вида священник исполнял требы; он видел богатую, счастливую жизнь («хотя жареные курицы и не падали в рот», замечает он). В книге Кравченко он нашел одни противоречия и неправдоподобия:

— Как можно помнить, что говорил отец, когда ребенку было восемь лет!

Но Кравченко поясняет, что все, что касается отца, он запомнил потому, что об этом много раз говорилось в семье, после того, как отец был арестован (при царском режиме).

По сравнению с первым днем процесса, Кравченко держит себя уверенно и почти весело. Он привык к обстановке, он легко парирует противника, наладился перевод, и иногда кажется, что Кравченко схватывает какие-то французские слова, настолько ловко он вступает в споры.

Он совершенно уверен в себе, и действительно, с блеском выходит из положения. Иногда реплики его остроумны, часто они язвительны.

Гренье упрекает автора «Я выбрал свободу» за то, что он писал об одном и не писал о другом.

Мэтр Изар собирается за Кравченко вступить, но тот сам отвечает коммунистическому депутату:

— Я писал то, что считал нужным, то, что было близко моей теме.

Гренье считает, что книга слишком «романсирована». Кроме того, есть ошибки в географии: Ашхабад назван Сталинбадом, а потом опять переименован. Одно время он назывался Полторацком, по имени начальника ГПУ. В советской России названия меняются часто.

Мэтр Нордманн достает карту Туркестана и начинается долгий спор о местностях «вокруг Гималаев». Председатель смотрит на карту.

Кравченко: Скажите им, что есть под Москвой станция, Маленково

называется. На ней и доска висит «Маленково». А в железнодорожном указателе она иначе называется, никакого Маленкова там нет.

(Гул в публике. Председатель с интересом слушает переводчика.)

Кравченко: Я вспоминаю, что в «Чикаго Трибюн» меня тоже упрекали за Ашхабад-Сталинабад. Я имел время исправить эту ошибку во французском переводе, но я оставил все так, как было, потому что это правда.

Гренье поочередно атакует: любезные разговоры 1925 года, которые, по его мнению, запомнить было нельзя, затем — систему распределения жалованья партийцам, описанную Кравченко.

Кравченко парирует. Затем Гренье переходит к коллективизации.

Кравченко: Мои свидетели через неделю расскажут вам о коллективизации, тогда мы увидим, что вы скажете! Это будут — колхозники. Знайте, что коллективизация — это вторая революция, но только еще кровавее, еще страшнее, чем первая.

Гренье: Да, но Кравченко не кончил в своей книге историю Кати...

Кравченко: Могу вам сказать, что Катя вышла замуж и я подарил ей на свадьбу столовый сервиз. Удовлетворяет это вас?

Гренье, видимо, удовлетворен историей Кати и переходит к чисткам, которые чрезвычайно интересуют председателя суда.

Гренье: Я был на одной чистке, но ничего особенного не заметил.

Кравченко: Мои свидетели расскажут вам и про чистки! Для вас они — спектакль, на который вас водили, а для меня это десять миллионов жертв, выбитые зубы, погибшие близкие. Впрочем, я понимаю вас: если вы скажете что-нибудь в пользу моей книги, вас вышибут из партии.

Гренье (стараясь быть хладнокровным): Если правда то, что вы писали, значит надо сказать, что Гитлер был прав, когда ринулся на Россию.

Продолжительное молчание.

Затем начинается спор об индустриализации.

Гренье показывает, что СССР обладал громадным потенциалом перед войной. Кравченко говорит, что Америка ввезла на 11 с половиной миллиардов пушек, танков, медикаментов, сала и пр. в Россию.

— Победа над фашистами, — возвышает Кравченко голос, — не победа советского режима, но победа моего народа. Его жертвенность, его труд, его мужество победили немцев. Революции делаются не для индустриализации, — продолжает он, — но для человека! Если бы не страх, не хаос, не террор, Россия была бы могущественная страна.

Но Гренье припас для конца камень за пазухой: этот камень — Дорио. Он считает, что Кравченко — новый Дорио. Сперва — коммунист, затем —

антикоммунист, а потом — ходил в немецкой форме.

На этом эффекте французский депутат кончает свои показания.

Показания Пьера Дебрей

Пьер Дебрей — первый французский критик Кравченко. Это молодой человек с необычайно высоким голосом, обидчивый и многоречивый. Он — сотрудник «Темуаньяж Жретьен» (редактор этого журнала, О. Шайе, через телеграфное агентство сделал заявление, что П. Дебрей выступал не от еженедельника, но исключительно от себя самого). В свое время, когда вышла книга Кравченко, Дебрей написал, что она слишком «романсирована» и что в ней есть противоречия.

— Слава Богу, она романсирована! — восклицает мэтр Изар. — Такой мы ее и любим, такой она нашла широкий доступ к массам.

— Если вы ищете статистики, то читайте «Юманитэ», — вторит ему Кравченко. (Смех в публике).

Дебрей: Я бы хотел узнать, сколько героев выведено под вымышленными и сколько под настоящими именами?

Кравченко: Я подсчитаю к завтрашнему дню.

Дебрей: Вы тут обманули женщину (читает в книге, но никто ничего не слышит). Вы рассказали о смерти Орджоникидзе, при которой не присутствовали.

Кравченко: Я имел информатора и я могу его назвать при закрытых дверях.

Председатель: Это не необходимо.

Дебрей внезапно меняет тон:

— Вот есть тоже один человек, который порвал с режимом. Это Михаил Коряков. Он в Соединенных Штатах очень нуждается. Он даже жалеет, что уехал. Вот это честный человек!

Кравченко: Во-первых, он не в Соединенных Штатах, а в Южной Америке. Во-вторых — он издал книгу, которая имела некоторый успех и сейчас он не нуждается. В третьих — он как раз о моей книге написал очень сочувственную статью. Я переведу ее и доставлю сюда завтра, чтобы суд мог с ней ознакомиться. (В зале продолжительный гул одобрения).

Внезапно встает Вюрмсер, редактор «Лэттр Франсэз» и обращается к свидетелю с предложением рассказать на прощание о том, как он действовал в резистансе. Публика протестует. Председатель призывает ее к порядку.

Дебрей пытается что-то рассказать, но его никто не слушает.

Внезапно вспыхивает инцидент.

Кравченко сердится

Перед тем, как отпустить свидетеля, мэтр Нордманн задает Кравченко вопрос: была или не была Елена (одно из действующих лиц книги) его любовницей? На странице такой то — как будто бы да. На странице такой то — как будто бы нет.

Кравченко срывается с места, он бледен, сосредоточен. Он почти кричит:

— Почему, когда я атакую вас, вы защищаетесь резистансом, а меня обливаете грязью? Любовница или нет — какое вам дело? Она была жертва. Она заплатила за все своей жизнью — об этом вы не говорите, а это тоже есть в моей книге. Вы — циники! Вы ухмыляетесь теперь, пошляки! Оградите меня, г. председатель, от этой грязи, от этих спекулянтов и провокаторов!.. Вам бы только уйти от ответственности! Но миру известны вульгарные преступления ваши! Не создавайте здесь фарса!

Пока он кричит, публика, корреспонденты, не понимая русского языка, пытаются догадаться о смысле его слов. Как только переводчик начинает переводить, зал стихает, слышно каждое слово, которое ловится сотнями людей, плечо к плечу сидящих и стоящих в душном зале.

— Мне сказали, что тираж «Лэттр Франсэз» — 65 000 экземпляров. Неужели всего только 65 тысяч людей спасало Францию? — продолжает Кравченко. — Резистанты! Кроме вас их и нет!

Мэтр Изар, в свою очередь, встает и перед тем, как расстаться с Пьером Дебрей, спрашивает его:

— Вот вы — верующий католик. Неужели вас не покорило от статейки «Сима Томаса» и от всей этой кампании?

Дебрей (окончательно плачущим голосом): Моя вера — мое частное дело. Она здесь ни при чем.

Показания Пьера Куртада

Следующим вводится Пьер Куртад. Это — редактор коммунистической «Аксион», сотрудник «Юманитэ», крупный французский журналист.

— Почему г. Кравченко все знает? Всюду был? Все видел? Это невероятно! — говорит он.

Он читает две выдержки: одну о том, как Кравченко вступил в коммунистическую партию, другую — как он из нее ушел. Куртаду кажутся они неестественными. Кроме того, в то время, как проходили самые страшные дни Сталинграда, у Кравченко болели зубы. Он просмотрел событие, самое крупное за всю войну.

— Это ложь! — отвечает Кравченко. — Зубы болели позднее.

Но Куртад настаивает, что зубы болели именно тогда. Главная же вина Кравченко это то, что, порвав с советским режимом в апреле 1944 года, он мог повлиять на ход войны. И как повлиять! (Намек на отсрочку десанта союзников).

Мэтр Нордманн: Думаете ли вы, что книга Кравченко вредная и даже опасная?

Куртад: Да, мы, члены коммунистической партии, думаем, что книга его вредная и даже опасная.

В 6 час. 15 мин. заседание закрыто.

Третий день

Третий день процесса. Иностранные журналисты обсуждают с жаром вопрос о том, что до сих пор советские свидетели против Кравченко не прибыли в Париж. Некоторые осведомленные люди говорят, что они и не придут. Другие считают, что они поедут в последнюю минуту.

Если советская власть решила их не выпускать, то этим самым она дезавуировала «Лэттр Франсэз».

Возможно ли это? Но никто ничего не знает. Известно лишь одно: до сих пор их приезд не объявлен.

Прежде, чем возобновить допрос свидетелей, председатель Дюркгейм предоставляет слово Кравченко. Он доставил статью Мих. Корякова в своей книге. Переводчик читает ее по-французски. Статья хвалебная и производит впечатление. («Социалистический Вестник», октябрь 1947 г.)

Показания Веркора

Вызывается первый свидетель: Веркор, известный резистант и писатель. Обычные вопросы адвокатов «Лэттр Франсэз»: что думает свидетель о газете «Лэттр Франсэз»? Что он думает о ее редакторах?

Веркор: Я думаю, что это прекрасные резистанты. Я работал с ними в условиях полной свободы. Полемика наша всегда дружеская.

Адвокат «Лэттр Франсэз» Нордманн: Что думали бы резистанты, если бы узнали в 1944 году о Кравченко?

Веркор: Они думали бы, конечно, о нем так, как мы думаем об антибольшевицкой лиге.

Нордманн: Могла бы эта книга появиться при немцах во Франции?

Веркор: Конечно.

Нордманн: Но она не могла бы появиться сразу после «либерасион»?

Веркор: Конечно, нет!

Нордманн: Есть ли в ней «эспри де Виши»?

Веркор: Да.

Мэтр Изар, адвокат Кравченко, задает свои вопросы.

— Г. Веркор возмущался репрессиями (в «Юманитэ»), которым подвергаются в Америке коммунисты. Возмущался ли он репрессиями, которыми подвергаются поляки антикоммунисты в Польше?

Веркор считает, что в Польше был саботаж.

Мэтр Изар извлекает из своего дела рецензию Ильи Эренбурга на книгу Веркора и читает ее. Рецензия уничтожающая: в ней Веркор назван слабым писателем, а книга — оскорбительной для французского народа.

Веркор выгораживает Эренбурга, говоря, что в это время у него были запутанные отношения с компартией.

— Меня ругал не только Эренбург, но и Кестлер. Эренбург живет в свободной стране, он свободный критик, он может писать обо мне что хочет.

Мэтр Изар: Мы все это выведем на чистую воду и докажем связь компартии французской с компартией русской.

Председатель Дюркгейм: Я считаю, что литературная дискуссия закончена.

Глубокомыслие профессора Баби

Профессор политических наук, член компартии Баби, дает свои показания. Он комбатант, резистант, потерял на войне сына. Он доказывает, что Кравченко не мог написать свою книгу, так как в ней чувствуется совершенно не русский дух.

Председатель: А вы читаете по-русски?

Баби: Нет. Но я знаю русских авторов в переводе. (Смех в публике.) Кроме того, Кравченко слишком все хорошо помнит: он помнит себя, когда ему было два года.

Председатель: Ясно, что он не писал по личным воспоминаниям о дне своего рождения!

Баби: Он рассказал в своей книге, как полумертвые от голода крестьяне праздновали с песнями и плясками сбор урожая.

Кравченко доказывает по книге, как праздновалась уборка хлеба. Для того, чтобы сварить кашу, скосили незрелое поле.

Баби: Не может быть, чтобы в России было 10 миллионов заключенных. Каким образом тогда может быть так силен прирост населения? В 1917 году было 117 миллионов жителей...

(Следует заметить, что цифры эти абсолютно неверны: последняя перепись была в 1913 году, когда в России насчитывалось 170 миллионов).

Мэтр Изар цитирует женевского профессора Гравена, который считает, что в России больше 10 миллионов заключенных.

— Смею уверить вас, — говорит мэтр Изар, что Гравен — не член антикоммунистической лиги! (Смех.)

Кравченко встает с места. Он с жаром говорит о том, сколько партийцев погибло при чистках. Куда девались члены партии после 50-ти лет? Что случилось с партийной верхушкой к концу 30-х годов?

Баби: Книга «Я выбрал свободу» написана американцем: все женщины в ней красивы. Это — голливудский вкус! (Смех в зале.)

Председатель: Пожалуйста, потише. Чтобы понять свидетеля, мне, кажется, самому скоро понадобится переводчик...

Баби: Американская полиция дала Кравченко документы Нюрнбергского процесса, там он и почерпнул свои картины ужасов.

После этой фразы свидетеля с благодарностью отпускают.

Показания д'Астье де ля Вижери

Это был первый свидетель, чьи показания не вызвали ни одного смешка. Как француза и резистанта, если с ним и невозможно было согласиться, то его возможно было понять. Он говорил, что интервью Кравченко, данное в апреле 1944 года (когда он порвал с советской властью), могло разделить союзников, и если бы оно было дано, например, в Алжире (где д'Астье был при министерстве внутренних дел), то его автор был бы арестован.

— Так мне говорили мои коллеги по министерству, а также некоторые англичане.

Мэтр Изар: Можете ли вы их назвать?

Д'Астье: Нет.

Свидетель считает, что то, что Кравченко говорил, генерал Власов делал. Зато он тоже написал книгу «Я выбрал виселицу». (Как известно, книга эта — апокриф.) Затем д'Астье чернит издателя Кравченко, Сельфа, называя его «крупным банкиром».

Мэтр Изар: Правда ли, что вы принадлежите к партии, родственной коммунистической, которая насчитывает 14 членов?

Д'Астье: Да, это правда.

Комический инцидент

Цель «Лэттр Франсэз» доказать, что Кравченко не умеет писать по-русски и не мог написать свою книгу.

Мэтр Нордманн спрашивает Кравченко: печатал ли он вообще что-нибудь когда-нибудь в России? Да, Кравченко печатал статьи по разным вопросам. А с какого языка переводились его книги в 22 странах? С американского.

Несмотря на то, что к делу приложены фотокопии русской рукописи, мэтр Нордманн сомневается, что Кравченко способен что либо написать по-русски.

Председатель: Не хотите ли вы сказать, что г. Кравченко и не говорит по-русски?

Но вот выводят нового свидетеля: это Перюс, профессор русского языка Клермон-Ферранского университета. Он держит в руках вырезку «Нового Русского Слова» от апреля 1948 г. Там — не то статья Кравченко, не то — интервью с ним. Написано все на таком русском языке, который сразу выдает, как утверждает Перюс, безграмотность автора. (Зал слушает профессора Перюса с напряженным вниманием). Профессор приводит три примера:

— Во-первых, тут написано «они обвиняют». Так по-русски не говорят. По-русски никогда местоимение не ставится перед глаголом, надо сказать «обвиняют». Во-вторых: слово «апеллировать» пишется через одно «п» и два «л». Здесь же написано через два «п» и одно «л»^[2]. В третьих, тут сказано «граждане своих правительств», — так по-русски нельзя сказать...

К сожалению, не говорящие по-русски не могли по достоинству оценить показание этого свидетеля.

Еще французские свидетели

Г. Ланг, председатель Федерации комбатантов и депортированных, Союза резистантов и военнопленных (коммунист), пространно рассказывает о том, как в Германии, во время войны, русские не шли работать к немцам.

— Те, кто становились эс-эсами затем стали ди-пи, — сказал он. — Русские люди любят свое отечество и жертвуют своей жизнью за него. Те, кто выбирают, якобы, свободу, выбирают предательство.

Мэтр Изар устало машет рукой. Не в интересах Кравченко затягивать процесс. Но к этому, видимо, стремится противная сторона.

После г. Ланга выступает известный полковник Маркье, смещенный со своего поста в свое время, когда он дал в Москве пресловутую пресс-конференцию по поводу Борегара и высылки советских патриотов из Парижа.

Мэтр Изар: Какое наказание понесли вы за это?

Маркье: Тридцать дней крепости.

Мэтр Изар: Судя по «Юманитэ», в Болгарии за это расстреливают.

Вторично пришедший давать показания Жолио-Кюри опять не был заслушан. Будет ли он вызван в понедельник, или обойдется без него? Прибудут ли, наконец, советские свидетели? На эти вопросы пока ответа нет.

Следующее заседание — 31 января.

Четвертый день

Четвертый день процесса был посвящен допросу свидетелей со стороны Кравченко.

Перед началом заседания, в громадном холле Дворца Правосудия можно было видеть приехавших из Германии «перемещенных лиц», одного из которых внесли на носилках.

Перед Дворцом Правосудия, на набережной, стоял привезший невозвращенцев из отеля «Сен-Ромэн» громадный, голубой автокар.

В 1 час дня — все на своих местах: адвокаты, журналисты, истец, ответчики и трое переводчиков: личный переводчик Кравченко (парижский житель), переводчик трибунала, г. Андронников, и переводчик, приглашенный «Лэттр Франсэз» для проверки официального переводчика — г. Зноско-Боровский (сын известного шахматиста).

Мэтр Изар, адвокат Кравченко, отсутствует по болезни. Мэтр Гейдман заменяет его. Рядом с ним — его помощники: мэтры Альперович и Эспиноза.

Прежде чем вызвать первого свидетеля, адвокат «Лэттр Франсэз» желает задать Кравченко несколько вопросов.

Нордманн: Я хотел бы знать, кого видел Кравченко между тем моментом, когда он покинул советское посольство в Вашингтоне и тем временем, когда он (через два дня) дал «Нью-Йорк Геральду» свое интервью? (Апрель 1944 г.). Кто был посредником между ним и журналистами?

Кравченко: Было несколько интервьюеров, не только от одной газеты. Их привел тот человек, который им переводил мое интервью. Я могу его назвать только суду, но не при публике.

Нордманн: В 48 часов все было организовано. Это доказательство, что секретная полиция Америки все уже знала.

Кравченко: Нордманн играет крадеными картами. Идея интервью была мною продумана много времени до этого.

Нордманн: Все это невероятно! Америка находилась в войне. Полиция должна была знать все о Кравченко.

Кравченко: Американская полиция мною не интересовалась, но советская заинтересовалась очень скоро.

Мэтр Гейдман: Вспомним, как был убит Троцкий!

Председатель: Дайте мне это интервью!

(Ему подаются перевод интервью Кравченко.)

Нордманн: Кем, когда и где был Кравченко допрошен в американской полиции?

Кравченко: Я никакого отношения к американской полиции не имею. Я слишком дорого заплатил за свою свободу, и теперь я свободный человек. В ту субботу (апрель 1944 года) вечером я отчитался перед советской закупочной комиссией, взял чемодан и выехал из Вашингтона в Нью-Йорк. В низкопробном отеле я снял комнату. (Было около 3-х часов ночи.) Полиции я не видел. Через несколько дней я переехал на частную квартиру. Докажите, что я связан с американской полицией! Я, так и быть, могу назвать имя человека, который привел ко мне журналистов, если близкие его это разрешат.

Внезапно, мэтр Нордманн раздраженно требует, чтобы Кравченко не сидел, а стоял перед ним, когда он его спрашивает.

Председатель поясняет, что Кравченко стоять не обязан перед адвокатом ответчиков.

В публике сильный шум, возгласы, возмущение. Председатель требует вывести кого-то.

Нордманн: Я хотел бы знать, когда и кем был Кравченко допрошен в секретной полиции Америки?

Мэтр Гейцман просит переводчика перевести Кравченко, чтобы он пока не отвечал на этот вопрос.

Кравченко кивает головой.

Мэтр Гейцман: Мой клиент ответит на этот вопрос после опроса советских свидетелей.

Кравченко: Американская полиция меня не касается. Советских агентов у моего дома я видел на третий день после моего приезда в Нью-Йорк.

Нордманн: Я прошу ответить мне: кто такой Павел Кедрин? Знаете ли вы, Кравченко, такого человека?

Кравченко (широко улыбаясь): И да, и нет. В полицейских вопросах вы очень просвещены. Но я знаю советскую полицию еще лучше, чем мэтр Нордманн. Если он поработает с Вюрмсером подольше, он ее лучше будет знать.

(Смех в публике).

Нордманн: Павел Кедрин — это вы!

Кравченко (опять улыбаясь): И да, и нет.

Председатель: Я не понимаю, к чему вы клоните?

Нордманн: Сим Томас писал, что Кравченко агент американской

секретной службы. Я хочу это доказать.

Кравченко: Какое убожество! Я меняю имена очень часто, к этому вынуждают меня мои противники, Сим Томас — просто трус, иначе бы он явился на процесс.

Нордманн: Вы путешествовали под именем Павла Кедрина?

Кравченко: Вы докажете сперва, что Кедрин — агент Америки. Это мое личное дело, под какими именами я путешествую.

Председатель: Это вполне его дело.

Но мэтр Нордманн продолжает свои вопросы, по которым можно понять, что он хочет выяснить отношения Кравченко к Америке: есть ли у него обратная виза, заплатил ли он налоги, живет ли в штате Нью Йорк? Затем он переходит на Францию: под какой фамилией он живет? Кому была дана виза?

Председатель: Куда вы клоните? Это его дело.

Нордманн (в возбуждении): Павел Кедрин находится во Франции!

Председатель: Ну, и что же из этого?

Нордманн: Значит, три министерства сговорились, чтобы дать возможность Кравченко приехать под чужим именем. Значит — американская разведка ему покровительствует.

Но мэтр Гейцман считает, что вопросов довольно. Он читает речь Сталина, которую цитирует в своих книгах Кравченко и о которой коммунистический депутат Ф. Гренье сказал, что он ее процитировал неправильно.

Гренье находится в зале. Он выходит на середину. Гейцман доказывает, что Кравченко цитировал Сталина совершенно правильно. Гренье смущен.

Председатель: Мы проверили вопрос об Ашхабаде. Он, действительно, назывался одно время Полторацком.

Герой «Норманди-Неман»

Авиатор, командир Почетного Легиона, кавалер многих советских орденов, в 27 лет — герой войны, ныне депутат, Муанэ — один из участников знаменитой эскадрильи «Норманди-Неман». Он был в России, он видел русскую жизнь. Он считает, что книга Кравченко — правдивый рассказ об этой жизни. Он передает свой разговор с советским механиком, о том, что рабочим «живется так же плохо, как при царе, даже хуже».

Председатель: Словом, он был немножко недоволен?

Муанэ: Очень недоволен, г. председатель.

Далее Муанэ рассказывает, как в Туле женщины работали, как каменщики, на дорогах, под надзором других женщин, вооруженных пулеметами. Он то и дело цитирует книгу, которую держит в руках и, по поводу каждой небольшой цитаты, рассказывает свои собственные впечатления. Женщины эти, говорит Муанэ, провинились в том, что опоздали на службу на свой завод.

Между прочим, свидетель касается вопроса о зубной боли Кравченко во время Сталинграда. У него самого сильно болели зубы, и он не считает это пороком, о котором следует говорить громкие слова. Он рассказывает о ресторанах Москвы, об официальном черном рынке, о неравенстве жизни сановников и пролетариев, о НКВД.

Особенное впечатление производит на суд его рассказ о том, что в России нельзя слушать заграничное радио, даже союзное, но только советское, для чего всюду устроены громкоговорители.

— Русский народ сражался за свою родину, а не за режим! — восклицает Муанэ.

У французских летчиков не было отпусков, они не имели права ездить в Москву, они с трудом установили отношения с местным населением. Россия — страна привилегий. Есть вагоны топлёные и нетоплёные. Когда французский летчик сказал советским комиссарам, что в нетоплёном вагоне едут женщины и что их надо бы перевести в топлёный, ему ничего не ответили.

Муанэ: Я видел, как страдал русский народ. Я видел 80 000 русских, которые были убиты немцами...

Вюрмсер (патетически): Мы с вами не забудем немецких зверств!

(Увы, это было сказано так театрально, что зал ответил Вюрмсеру смехом).

Муанэ проводит параллель между тем, как принимали французских летчиков в России, и как в Англии, Черчилль и Иден посетили их и разговаривали с ними. В России никто никогда не видел высокопоставленных лиц.

— Мы видели грубость. Мы слышали ругательства, которым нет равных во французском языке.

Председатель: Может быть, переводчик нам их скажет? (Смех).

Мэтр Гейцман: Может ли свидетель переписываться со своими друзьями, советскими летчиками?

Муанэ: Конечно, нет. Я писал много раз, но не получил ответа.

Гейцман: Странно! Морган пишет и получает ответы. Суд оценит эту разницу.

Морган: Я переписываюсь, и сколько угодно!

Гейцман: Предатель ли Кравченко, по вашему?

Муанэ: Я думаю, нет. Тут говорилось о том, что он дал интервью, когда еще шла война. Но мы все знаем, что Кашен подписал афишу, которая была расклеена при немцах.

Вюрмсер: Скажите еще, что это мы подожгли рейхстаг!

Муанэ: Ведь Торэз сделал еще хуже. Он уехал в Россию, когда Россия была экономическим союзником Германии. Это была коллаборация.

Гейцман: Когда вы сражались с немецкими аэропланами, они были наполнены советским бензином.

Муанэ: Это все знают.

Мэтр Нордманн пытается доказать, что некоторые члены эскадрильи «Норманди-Неман» думают иначе, чем свидетель.

Мэтр Гейцман: Есть мнения, а есть факты.

Франко-русский инженер Борнэ

Инженер Франциск Борнэ — фигура знакомая. Это тот человек, который прожил в России с 1909 года по 1947, и, вернувшись, написал книгу, которая была издана издательством Плон.

Он рассказывает свою жизнь и работу в СССР.

Адвокаты «Лэттр Франсэз» стараются подловить его на противоречиях. Они пытаются доказать суду, что Борнэ был заключен в советскую тюрьму потому, что в душе предпочитал Петэна генералу де Голлю.

Борнэ не отвечает на это, но ведет подробный и основательный рассказ о своей работе в Магнитогорске, об арестованных поляках, о ссылках в Сибирь, о трудовых лагерях, о чистке инженеров.

Адвокат «Лэттр Франсэз»: У вас остались близкие в России? Вы с ними переписываетесь?

Борнэ: О, нет!

Адвокат «Л. Ф.»: Что с ними будет после ваших показаний на этом процессе?

Борнэ: У меня с ними давно все кончено.

Он рассказывает о голоде, который был так же силен в 1939 году, как и в 1946 (колхозники мешали муку с древесной корой), о произволе.

— Полковник Маркье, который свидетельствовал здесь на прошлой неделе, был в России тогда же, когда и я. Он объявил однажды, что арестованных французов больше в Советском Союзе нет. Мы об этом прочли в концлагере. (Смех в зале.)

Нордманн и другие адвокаты ответчиков напоминают свидетелю, что в 1925 году он просился в партию, но его не приняли. Затем они читают письмо некоего г. Рибара, который в свое время устроил доклад, на котором, якобы, разбил все положения Борнэ.

На этом показания Борнэ кончаются.

Первые ди-пи: Семен и Ольга Марченко

Показания Ольги Марченко взволновали весь зал.

В пестром платочке, с круглым лицом, певучим голосом она рассказала о том, как советская власть раскулачивала крестьян. Кулаками были признаны крестьяне, имевшие (как Марченко) одну корову и две лошади. Тюрма, ссылка, издевательство, выселение, разлука с близкими — Ольга Марченко все это прошла и обо всем подробно и необычайно красочно рассказала.

— Мы своими чубами платили за все, — сказала она. — Когда меня из дому гнали, я на колени пала перед председателем совета и просила его о милости... Я на восьмом месяце была. Дал бы родить в родном доме!

Но председатель совета сам пришел к ней в дом:

— Мы заставим вас любить нас, — сказал он, сев за стол и наливая себе принесенную водку. — Это было издевательство над моей душой!

Мэтр Блюмель задает Ольге Марченко, видимо, давно обдуманый вопрос:

— А на каком языке прочла свидетельница книгу Кравченко?

Свидетельница смотрит на него серьезно:

— Дети мои научились по-английски. Они и перевели мне главу о коллективизации. Мы с мужем плакали, когда они нам читали ее, так все правдиво в ней описано.

В том же роде показывал и Семен Марченко. Их две истории могли бы составить два законченных рассказа: тракторист, в серебряных очках и вышитой рубашке, он степенно, медленно и основательно повествовал о том, как справлялась власть с «кулаками».

Адвокаты ответчиков несколько раз пытались ставить свои вопросы, когда Марченко попали в Германию? Кто их вывез? Куда именно? На все это, спокойно, почти равнодушно, ничуть не смущаясь публики, фотографов, переводчиков, муж и жена Марченко отвечали с достоинством и серьезностью, которые произвели на публику большое впечатление.

После допроса супругов Марченко начинается допрос инженера Кизило. Заседание закрывается в 6 час. 45 мин.

Продолжение допроса Кизило во вторник.

Пятый день

Вторник, 1 февраля, пятый день процесса, был снова днем показаний свидетелей Кравченко. В течение шести часов зал Дворца Правосудия слушал показания людей, испытавших в течение многих лет то, что западному человеку, живущему в условиях свободы демократического режима, почти невозможно себе представить.

Из сотен тысяч «перемещенных лиц» Кравченко сумел выбрать людей, горячих патриотов своей родины, на основании фактов, с цифрами, датами и именами в руках, пришедших рассказать французскому суду о русской жизни. Все они были — на высоте!

Дельно, точно, спокойно, отчетливо рассказывали они и о голоде времен коллективизации, и о ссылках в Сибирь, и о советско-германском союзе, и о неравенства классов — о страшной, горькой доле целой страны каторжан.

Ответчики и их адвокаты, ставя свои вопросы, старались уличить депортированных немцами людей в коллаборации, в том, что они вольно выехали в Германию при приближении красной армии. Но чем больше ставились вопросы, тем яснее становилось, что за каждым свидетелем — стоит правда, о которой они говорят так, как могут говорить только люди с абсолютно чистой совестью.

Зал еще более полон, чем был все эти дни. Среди публики — несколько послов, знаменитые французские писатели (слух был, что в зале находится Андрэ Жид).

В 1 час дня заседание начинается с допроса свидетеля Кизило, начавшего давать свои показания накануне, в седьмом часу вечера.

Показания инженера Кизило

Красивый человек, с умным, энергичным лицом, Кизило год тому назад излечился от туберкулеза, которым болел, вследствие испытанных мучений в подвалах НКВД. Он рассказывает подробно о пытках, которым подвергался после того, как его обвинили в бухаринско-троцкистской ереси, о том, как в камере, рассчитанной на 24 человека, помещалось 136 заключенных, которые могли только стоять, а если ложились, то им отмерялось место спичками.

Он видел избиваемых женщин, детские камеры; он видел, как водили на расстрел. Он объяснил суду, что такое «ласточка» (когда ребенка связывают по рукам и ногам, бросают об пол и бьют), что такое «кошка» (решетка у колес последнего вагона поезда, в котором едут заключенные, чтобы они не могли проскочить под колесами).

В пути, в скотских вагонах, заключенным давали соленую рыбу и хлеб, с сибирской станции шли сто километров пешком по сорокаградусному морозу. По пути слабых пристреливали (так погиб директор треста в Казахстане и знакомый свидетеля, врач).

В Северо-Уральском лагере те, кто был осужден более, чем на 10 лет (как сам свидетель), были назначены на тяжелую работу — делать ружейные болванки.

— Здесь я увидел академиков, наркомов, 14-летних мальчиков, евреев, грузин, поляков, киргизов. Это был тоже Советский Союз, только другой... Возвращаясь после работы (12 километров пешком), сушили одежду, ложась на нее на ночь.

Кизило написал домой жене жалобу. Она размножила эту жалобу и разослала во все учреждения. В это время Ежов был смещен, и Кизило был помилован. Он вернулся на родину и спросил: «за что меня 18 месяцев тиранили?» Но ему дали понять, что лучше обо всем забыть и ни о чем не спрашивать.

Затем Кизило продолжает свой рассказ и говорит о том, как живут, что едят и как одеваются стахановцы.

— Картошка, капуста, хлеб, — говорит он спокойно и дает цифры жалований и продуктов. Выходит так, что рабочий в месяц может купить на все заработанное им... 100 кило белого хлеба.

— В СССР — монополия хлеба, — говорит Кизило, чтобы объяснить французскому суду, почему в такой нищете находится русский народ. —

Иногда хлеб не распределяют в наказание за дурное поведение.

Адвокаты «Лэттр Франсэз» ведут свою тактику:

— Что делал свидетель в 1941 году, когда началась эвакуация?

— Паника была, — говорит Кизило, — члены компартии бежали, начальство бежало, мне оставили четыре старые клячи. Я не мог на них уехать с женой и двумя детьми.

Адвокат «Л. Ф.» выражает по этому поводу удивление.

Инциденты

Кравченко не выдерживает:

— Вы думаете, он предатель? Вы — предатель, а не он! — кричит он и бросается вперед.

При невероятной тесноте в зале, от Кравченко до свидетеля — один шаг и от свидетеля до адвоката ответчиков — другой.

Жандармы быстро занимают позиции, но Кравченко уже вернулся на свое место.

Председатель: Мы удаляемся от темы.

Адвокат «Л. Ф.»: Когда, на каком языке прочел свидетель книгу Кравченко?

Кизило: Все знают эту книгу. Я читал ее по-немецки, моя жена прекрасно говорит по-французски.

Адвокат «Л. Ф.»: Как снесся свидетель с Кравченко, чтобы свидетельствовать на его процессе?

Кизило: Я написал два письма. Одно — эс-эру Зензинову, в Нью Йорк, другое — в Париж.

Адвокат «Л. Ф.» хочет поставить еще вопрос, но предстатель его обрывает:

— Я буду ставить вопросы, мэтр. Сядьте, пожалуйста.

Но Бюрмсер тоже хочет вставить слово: он не понимает, как это в лаптях можно идти 12 километров в сорокаградусный мороз?

Кизило: Я присягал и рассказал правду. А вот придут другие, так те еще лучше вам расскажут.

Однако, ответчики желают знать, какой величины была камера, где «стояли» 136 заключенных? Как этот зал? Как четверть зала?

Кизило, вначале сказавший, что она была 12 на 18, опять повторяет эти цифры.

Бюрмсер уверяет, что на такой площади спокойно могут улечься 136 человек. (В публике топот).

— Свидетель сказал нам, что прочел книгу Кравченко по-немецки. Но Кравченко сказал в прошлый раз, что книга по-немецки еще не вышла! — эффектно говорит Нордманн.

Кравченко пожимает плечами:

— Да это же было швейцарское издание, по-немецки! (В публике смех, председатель стучит по столу, жандармы призывают к порядку.) Но

Нордманн не сдаётся:

— В книге Кравченко писал, что все дороги и степи в России завалены трупами...

Кравченко опять вскакивает.

— Почему вы врете? В 1933 г. в деревнях были трупы умерших от голода, в 1939 году никаких трупов не было. Там так не написано! Вы лжец! Вы провокатор!

Жандармы быстро разделяют Кравченко от Нордманна.

Теперь жандарма сажают между Кравченко и Нордманном, у самого свидетельского барьера.

Кизило: Я сказал, что пристреливали на дорогах слабых, а потом говорили, что убит при попытке к бегству.

Председатель: Мы это знаем, мы это видели.

Нордманн: Нам скоро скажут, что Бухенвальд был в Сибири!

Кизило: Все, что я говорю — правда. Я рассказываю об ужасах своих и моего народа. СССР — тоталитарная страна.

Нордманн читает вырезку из канадской газеты о каком-то коллаборанте, французского происхождения. Он хочет провести параллель между этим французом и Кизило.

Председатель: Это уже не вопрос, а начало вашей будущей речи.

Кревсун из Полтавы

Следующий свидетель — Кревсун, родом из Полтавы. Его судьба, быть может, еще страшнее судьбы Кизило: он не был помилован. Он отбыл свое наказание на Колыме.

Крепкий, основательный, с загорелым строгим лицом, он повествует о своей жизни, как если бы дело шло о ком-то третьем. Его обвинили в заговоре против Сталина (он называет статьи, под которые его подвели) и дали 10 лет ссылки в Магадан. Он был на золотых приисках. Работал на морозе в 65 градусов (Вюрмсер удивленно переглядывается со своими адвокатами), а когда вернулся на Украину, то ничего не нашел — ни дома, ни хутора; жена была силой введена в колхоз.

Скитался он по Казахстану, по Мурману, по Сибири.

Председатель: Но почему же с вами так поступили?

Кревсун: Я не знаю.

Мэтр Гейцман: Мы проверим статьи, под которые его подвели.

Теперь адвокаты ответчиков начинают свой обстрел: им надо точно знать, что делал Кревсун в 1941 году, в 1942, 43, 44, 45? Где его арестовали немцы? Когда вывезли?

Кревсун толково объясняет, что привезен он был в Цвикау и там работал на немецком аэродроме. Он хорошо помнит даты и украинские месяцы «грудни, травни, липни, сични», так и летают по воздуху.

Нордманн: Все они бежали от красной армии, но не от немцев. Как он стал свидетелем Кравченко?

Кревсун: Сам написал. В русскую газету. В Германии выходит... (он думает с минуту, напрягает память). «Эхо»! — радостно восклицает он.

Нордманн: г. председатель, я хочу задать еще один вопрос.

Председатель: Только не произносите речей!

Нордманн: Сколько населения было в 1939 году в Магадане?

Ответ Кревсуна тонет в протестующем гуле публики.

Показания журналиста Силенко

Молодой, с веселыми глазами, живым лицом и быстрыми жестами, украинский журналист Силенко, рассказал французскому правосудию о нравах советской печати. Но прежде, чем дать ему слово, председатель, опережая Нордманна, задал ему ставший обычным, вопрос:

— Почему вы бежали от красной армии?

Силенко: Да потому, что Сталин сказал, что все пленные — предатели. Французы, англичане, были в Германии, они вернулись к себе, их встретили чуть ли не как героев. Русским Красный Крест ни одной посылки не послал, русские у немцев дохли с голоду. А вернуться нельзя было — Сталин прямо так и заявил: нам пленные не нужны. Все они — трусы и изменники.

Силенко родился в 1921 году. Время коллективизации для него — время ареста его отца, выселение из родной хаты, блуждание в степи, в снегу.

— В те годы у нас в стране умерло 30 процентов населения. Трупы лежали до весны, на морозе. Колхозники пухли с голоду. А когда все кончилось, поставили на селе памятник Сталину.

Мэтр Гейцман: Расскажите суду о шпионстве в университетах.

Силенко красочно рассказывает, как не только в университетах, но в школах и пионерских отрядах процветает слежка товарищей друг за другом и особенно — детей за родителями. Затем он переходит к своей работе, как журналиста.

Он писал в харьковской газете «Электроэнергия».

Председатель: Что же вы там писали?

Силенко: Меня посылал редактор в цех. Я там записывал три-четыре фамилии рабочих, потом приходил и писал от имени этих рабочих рассказы об их счастливой жизни.

Председатель: Странная профессия!

Силенко: Эти рабочие потом читали подписанные их именами рассказы. Если они спрашивали: что это такое, им отвечали: а разве ты не счастлив? Мой товарищ писал за самого Алексея Стаханова. Комплект этой газеты за 1940 год имеется в Москве в библиотеке им. Ленина.

Мэтр Гейцман: Расскажите суду о немецко-советской дружбе.

Когда Силенко говорит о немцах, в голосе его начинает звучать страстная ненависть: видимо, он немало от них натерпелся.

До пакта с Гитлером население никаких симпатий к Германии не питало, но в Доме красной армии, в Кременчуге, начальство объяснило красноармейцам (среди которых был Силенко), что могущественная Германия теперь «наша союзница» и мы поставим англо-американскую буржуазию «на колени».

Адвокаты «Л. Ф.» опять начинают свои вопросы: когда, кем, куда именно был перевезен Силенко? Увезли его или он уехал?

Силенко: Увезли, в скотском вагоне. Поляки в Польше нам подали сквозь прутья хлеб... Я говорю о страдающем русском народе! Я на эшафот пойду за мой народ! Я говорю о России... Россия — не Политбюро...

Его молодой голос звенит. И когда он стихает, в этом зале, где его слушает столько людей — благожелателей и неблагожелателей — на минуту воцаряется странное молчание.

Председатель медленно переводит глаза на адвокатов:

— Нет больше вопросов?

Мэтр Нордманн бойким голосом объявляет, что прочтет сейчас статьи, которые, хоть не подписаны свидетелем, но он их, конечно, написал: следуют два отрывка из писаний «Матэн» и «Гренгуара», начала 30-х годов, о каннибальстве в России.

Мэтр Гейцман: Простите, но я совершенно не оценил вашего остроумия!

Публика шумно протестует.

Бланш-Ирэн-Ольга Лалоз-Горюнова

— Сколько лет вы прожили в России?

— Сорок пять лет, господин председатель.

Г-жа Лалоз — 68 лет, и только в прошлом году она вернулась из России. До 1918 года она была учительницей французского языка, затем — акушеркой.

В 1921 году вступила в партию.

— Чем вы живете сейчас?

— Я вышиваю, господин председатель.

Маленькая старушка, с черным узлом волос на затылке, смущена количеством публики и вспышками магния. Сначала она никак не может нащупать нить своих мыслей. Но постепенно привыкнув к обстановке, на французском языке, в котором она уже не слишком тверда, она начинает рассказывать о своей жизни.

Двух сыновей она потеряла в красной армии. Никакой пенсии государство ей за них не платит. Она получала 150 рублей в месяц пенсии, как бывшая акушерка.

— Расскажите, свидетельницей каких фактов вы были.

Г-жа Лалоз: Я могу рассказывать три дня и три ночи.

Председатель: Что вы думаете о книге Кравченко?

Г-жа Лалоз: Кравченко не только выбрал свободу. Он выбрал и борьбу. Он имел смелость бросить этот ужасный режим и рассказать о нем миру.

Будучи партийной коммунисткой, г-же Лалоз пришлось присутствовать и при арестах, и на заседаниях трибунала. Она ищет, с чего бы начать, ее усиленно снимают фотографии.

Кравченко: Дайте возможность свидетельнице спокойно говорить! Она знает, о чем ей говорить.

Переводчик, г. Андронников, переводит первую фразу Кравченко. Г. Зноско-Боровский, переводчик «Лэттр Франсэз», сообщает суду, что г. Андронников не все перевел: Кравченко сказал, что «известно, что свидетельница будет говорить». (Очевидно, намекая, что и Кравченко это известно, т. е., что все заранее условлено.)

Г-жа Лалоз: Какой народ! Как он страдает! Ни один народ так не страдал! Работают всю жизнь, обращаются с ними, как с собаками...

Бесхитростно, иногда не без юмора, она говорит без умолку теперь, под ободряющим взглядом председателя.

— Вы — все мои дети, — сыплет она, показывая на публику, — я старше всех. Я всем говорю, кого встречаю: все, что Кравченко писал, все правда! Только он мало написал, надо было в десять раз больше. И коммунисты ко мне ходят. Я и им говорю... Мы, говорят, верим вам... Там, за драку в пьяном виде, пять лет тюрьмы дают. Как в Сибирь их гнали! Как бабы выли... Я думала с ума сойду. А тут — «Юманитэ» и всякое такое. Одна порнография! Народ очень мучается. Никто об этом знать не хочет. Оказывается, когда Торез приехал в Москву, никто не знал, кто это (из непартийных обывателей).

(Смех. Возгласы.)

— Мне сказали, он в Кремле сидит, а у меня два сына на фронте!... Очень мне стыдно было быть француженкой. Дезертир он...

Она рассказывает о зарплате рабочих, о том, как брали из этой зарплаты на французские забастовки.

Председатель: На наши забастовки?

Г-жа Лалоз: Ну, конечно. В России же нет забастовок... Когда я захотела уехать, спрашиваю: где наш посол? Мне говорят: никакого посла нет. Все французы — интервенты. Но я добралась до Москвы и все объяснила. И уехала.

— Меня не купишь! — восклицает она... — Стыдно в мире жить, зная, что такой режим существует. Книга Кравченко... Да я не прочла ее, я ее проглотила!.. В России людей запрягали пахать, я сама видела.

Председатель: Вы это видели сами?

Г-жа Лалоз: Да.

Председатель: А церкви?

Г-жа Лалоз: Это — комедия, или лучше сказать — трагедия. Когда Гитлер подходил, все церкви открыли. Русский народ религиозен. Это, чтобы он лучше воевал... Вся моя жизнь там прошла...

Большие часы показывают семь часов.

Адвокаты «Л. Ф.» молча отпускают Ирэн-Ольгу Лалоз-Горюнову, не задав ни одного вопроса.

Председатель встает. Заседание закрыто.

Шестой день

Вторая неделя процесса В. А. Кравченко закончилась. В среду, в заседании, продлившемся пять часов, были заслушаны два свидетеля: это была атака «Лэттр Франсэз» против Кравченко. В эту атаку были пущены два тяжелых орудия: американец, «специалист пятой колонны», Альберт Кан, и англичанин, член рабочей партии в палате общин — Цилиакус.

Мэтр Изар, оправившийся от болезни, был в своей «лучшей форме» и прения, благодаря его выпадам, часто носили весьма оживленный характер.

Специалист пятой колонны

Говорящий только по-американски, именующий себя журналистом, Альберт Кан — автор трех книг: «Великий заговор против России», «Саботаж» и «Заговор против мира».

Адвокат «Л. Ф.» рекомендует его книги суду, читает хвалебную критику о них и предупреждает суд, что свидетель будет говорить о сношениях Кравченко с фашистами в Америке.

Председатель: Что вы можете сказать по делу?

Кан: Моя специальность разоблачать фашистов и пятую колонну, открывать антисоветские интриги. Я работал в комиссии, которая занималась разоблачением пропаганды наци в Америке. В этой комиссии были такие лица, как Томас Манн, проф. Эйнштейн, Жак Маритэн, Дороти Томпсон...

Мэтр Изар: ...которая восторженно писала о книге Кравченко!

Кан: Это она позже писала, когда подпала под влияние Пауля Шеффера, правой руки Геббельса. И я арестовал ее. Во время войны она была прогрессисткой. Мы вылавливали шпионов и саботажников.

Мэтр Изар: Если я правильно понимаю свидетеля, то это он как раз и есть «секретный агент американской службы?» (Смех.)

Кан: Я не агент. Я боролся с врагами моей страны и вашей страны, и с врагами СССР.

Председатель: Знаете ли вы Сима Томаса?

Кан: Никогда о нем не слышал. (Недоумение. Смех в зале.)

Председатель: Вы не знаете, что диффамация была подписана «Сим Томас»?

Свидетель этого не знает. Суд удивлен.

Председатель: Но вы знаете, что была статья, в которой была диффамация?

Кан: Я узнал об этом вчера.

Председатель: Читали ли вы ее?

Кан: Нет.

Мэтр Изар: Свидетель заявил, что он сделал 3500 миль, чтобы присутствовать на этом процессе. Мне кажется, он сделал это напрасно.

Кан: Дело для меня идет не только о Кравченко. Для Кравченко я бы не вышел и за ворота своего дома. Дело идет о гораздо большем.

Мэтр Изар: Значит, он приехал не для дела Кравченко. Зачем же он

здесь?

Кан: Я расскажу о связи Кравченко с украинскими фашистами. В Америке находится миллион украинцев. Они все фашисты и продолжают шпионаж, которым занимались наци. Они работают под началом бюро, которым в свое время руководил Альфр. Розенберг. Их штаб в Берлине. Ими руководили полк. Николай и Своропадский. У нас, в Америке, есть также белые русские, они тоже фашисты и царисты. Многие работали с немцами и японцами. Я специалист по изучению их работы.

По словам свидетеля, японские шпионы были частично арестованы во время войны. К ним Кан причисляет Вонсяцкого.

Он рассказывает, как этот последний совершал похищение богатых людей и брал выкуп, как соблазнил в Париже богатую американку и обобрал ее: как у Вонсяцкого был найден целый арсенал оружия. Это он устроил убийство Кирова. Но власти, в конце концов, посадили его в тюрьму.

Председатель: Много ли в Америке людей, которые, как вы, борются с антисоветской пропагандой?

Кан: Их очень мало. Гораздо больше людей, которые эту пропаганду сеют. Во время войны тех, что борются, было больше. Сейчас им трудно. Враги СССР сеют войну.

Председатель: Вы приехали во Францию свободно? И можете после процесса вернуться в Америку?

Кан: Я мог выехать на 10 дней. Каждый гражданин Америки может вернуться на свою родину. (Возгласы в зале.) Я не хочу, чтобы вы думали, что Кравченко представляет Америку. Он выбрал свободу, потому что ему Соединенные Штаты понравились.

Мэтр Изар: Как объяснит г. Кан тот факт, что Сим Томас не приехал на процесс, если так легко можно ездить туда и обратно?

Кан: Может быть, у него другие причины не являться...

Митинг и самореклама

Кан рассказывает о значении своих книг, о том успехе, который они имели, называет людей, которые писали для них предисловия. «Моя первая книга... моя вторая книга... моя третья книга...»

Председатель: Скажите ему, что Сим Томас — главный обвиняемый.

Переводчик «Лэттр Франсэз», г. Зноско-Боровский, явно не успевает переводить быструю речь оратора, который, видимо, привык выступать в публичных местах и говорит без умолку. Он раздражается, когда ему недостаточно быстро переводят колкие выпады мэтра Изара.

Лишний раз приходится отметить совершенно исключительную способность г. Андронникова, казенного переводчика, схватывать мгновенно все оттенки речи.

Председатель: Скажите, что вы думаете о книге Кравченко?

Кан (развязно): Она похожа на книгу Кинслея «Сексуальная жизнь американца», но она хуже. В ней тоже много написано о половом вопросе. В Америке этот вопрос приносит деньги. Таких книг у нас выходит очень много, никто не обращает на них внимания.

Председатель: Что думает свидетель об интервью Кравченко в апреле 1944 г.?

Кан: Интервью было в 1945 г. (Смех.) Много было интервью. Я не все читал. Я очень занят.

Председатель: Но как же цензура пропускала статьи предателей и шпионов?

Кан: С 1932 года у нас существует немецкий Интеллидженс Сервис. Он устроил сеть саботажа. В этой организации все присягали Гитлеру, было 20 000 членов. Правительство все это допускало. Некто Лук Мишуа был главой этого американо-немецкого «бунта». Он был украинцем. Он друг Кравченко.

Кравченко с недоумением поднимает голову и смотрит на свидетеля.

Кан: То-есть не друг, но он печатал в своей газете «Свобода» книгу Кравченко и ее рекламировал. Во время войны Мишуа ездил к Геббельсу в гости и виделся с Питекантропом.

Кан начинает длинную историю о том, каким именно способом он выводил на чистую воду во время войны японских шпионов. Затем он берет книгу Кравченко и хочет прочесть цитату на странице такой-то.

Мэтр Изар: Спасибо! Нам это тоже читал наш дорогой Баби!

(профессор-коммунист).

Кан: Книга Кравченко — результат конспирации против СССР. Эта конспирация началась в 1918 году. Гитлер пришел к власти потому, что ему помогли это сделать немецкие, английские, американские и другие капиталисты. Он обещал им уничтожить СССР.

Затем свидетель переходит к рассказу о своем путешествии в Польшу, где он видел страшные следы нашествия немцев.

Мэтр Изар: Мы с вами совершенно согласны. Это было ужасно.

Председатель: Мы все это знаем и испытали сами.

Перестрелка

Кан закончил свои показания.

Кравченко встает со своего места:

— Я ни с фашистами, ни с монархистами, ни с сепаратистами не имею никакого дела. В Германии, в монархической газете^[3] было напечатано две недели тому назад нечто вроде приветствия по моему адресу. Мэтр Изар прочтет копию телеграммы, которую я туда послал.

Мэтр Изар читает телеграмму Кравченко, который сообщает газете, что ничего общего с ней не имеет.

Кравченко: Почему свидетель говорил о немецких зверствах и ничего не сказал о страданиях русского народа?

Кан: Ужасы советского режима все выдуманы.

Кравченко: Чем объясняет свидетель, что моя книга печаталась фельетонами в сорока американских газетах одновременно? Неужели в Америке сорок фашистских газет?

Кан: Это были газеты Херста... Он — фашист и был за «Ось».

Чей же, все-таки Кравченко агент?

После перерыва мэтр Изар объявляет, что задаст свидетелю несколько вопросов:

Изар: Был ли свидетель в России?

Кан: Нет.

Изар: Если вы только вчера узнали о существовании «Сима Томаса», то что вы знали третьего дня?

Кан: Я знал, что есть процесс.

Изар: Мне кажется, вы должны были доказать, что Кравченко — агент?

Кан: Я приехал свидетельствовать о деятельности Кравченко в Америке.

Изар: Если только для того, чтобы нам сказать, что он — против советов, то ехать, пожалуй, не стоило? Или то плохо, что его Херст печатал?

Кан: Я сказал о связи Кравченко с Мишуа и о том, на кого работает его книга. Впрочем, он никогда ее не писал. Ее писал Лайонс.

Изар: Только что я прочел в газете «Франс-Суар», что Сталин приглашает Трумана в Москву. ТАСС дал об этом телеграмму как раз в прессе Херста. (Смех, публику призывают к порядку)... Я хотел бы знать, был ли Кравченко агентом секретной американской службы или агентом американских наци?

Кан: Он не мог быть агентом американской службы. Он работал на немцев.

Это заявление свидетеля производит известное впечатление: из этих слов следует, что Кан и «Лэттр Франсэз» обвиняют Кравченко в совершенно различных вещах.

Изар: Вы не сражались во время войны?

Кан: Нет. Я был полезнее, как журналист. Я разоблачал фашистов, я...

Председатель: Покороче, пожалуйста. Мы уже поняли.

Изар: Надо ли так понять ваши слова, что цель русских в Америке — заставить власть закрыть коммунистическую партию?

Кан: Не только ее, но и все вообще прогрессивные партии.

Мэтр Изар читает показания Кравченко в комиссии по расследованию антиамериканских действий. Из этих показаний явствует, что Кравченко совершенно не считает нужным запрещение американской компартии.

Далее мэтр Изар приводит статью из «Дэйли Уоркера» (коммунистическая газета) от 1939 г., из которой следует, что американские коммунисты были изоляционистами. «Янки не придут к вам.» — писалось там в обращении к воюющей Европе. — «Мы не поможем вам никак!»

Кан: Я не отвечаю за эту газету.

Изар: Что вы думаете о последней резолюции Коминформа?

Но Кан, не отвечая на вопрос, снова пускается в рассуждения об американских фашистах.

— Я желаю вам, — говорит ему мэтр Изар. — вернуться домой благополучно и нежно взглянуть по приезде в Нью-Йорк на статую Свободы!

Тогда встает мэтр Нордманн и спрашивает Кравченко, почему он в Америке не начал этого процесса в свое время, когда о нем коммунисты писали, что книга не его.

Кравченко: Во-первых — у меня не было тогда денег. Это стоит очень дорого. Во-вторых, компартия Америки так ничтожна, что не стоит и бороться против неё. Во Франции же компартия очень сильна, и тут-то и надо ее разоблачать.

Нордманн (иронически): Она насчитывает 33 процента населения.

Изар: Но ведь мы тоже представляем две трети!

Что русскому здорово, то немцу — смерть

Второй свидетель защиты — депутат английского парламента Цилякум. Он был в России в 1918 году, в 1931, 1936 и, наконец, в 1947, когда беседовал «три часа с Молотовым и два часа со Сталиным». Он считает, что все, что было сделано советской властью, было необходимо. Все мероприятия удались, все идет к лучшему, а если и были «преувеличения», то без них невозможно.

Цилякус принадлежит к тем иностранцам, которые считают, что Россия до 1917 года пребывала в средних веках, что при царях во всех войнах ее били, что народ — темный, страна — отсталая, и что хоть и много в ней достижений за последние 30 лет, однако, далеко ей до Англии. Конечно, европеец бы не выдержал такого режима, но русский человек выдержать может очень многое, и потому, собственно, волноваться особенно не надо. Книга Кравченко — лживая, все в ней преувеличено или искажено.

— Коллективизация была полезна, — говорит флегматически Цилякус. — Беспорядки всегда бывали. Сталин говорил мне лично, что хочет жить со всеми в мире. Жизнь русских, конечно, трудна, но они идут к светлому будущему и лет через тридцать эволюционируют. Там иные, чем у нас, концепции...

Мэтр Изар нападает сразу со всех сторон: выясняется, что о Коминформе свидетель «думает без энтузиазма», что Черчилля считает «виновником войны», что 3 февраля он будет выступать в Париже на коммунистическом митинге «Кравченко против Франции», что во время итальянских выборов он поддерживал социалиста Ненни, который был за объединение с коммунистами.

Изар: Думаете ли вы, что Кравченко может теперь спокойно вернуться в Россию?

Цилякус (слегка запинаясь): Там, как я уже сказал, несколько иные концепции...

Заседание закрывается.

В понедельник — допрос советских свидетелей.

Седьмой день

В понедельник, 7 февраля, началась третья неделя процесса В. А. Кравченко. Этот седьмой день носил драматический характер: Зинаида Горлова-Кравченко-Свет-Гончарова, первая жена Кравченко, давала свои показания Сенскому суду. До нее показывал инженер Романов, член советской закупочной комиссии в Вашингтоне, прямое начальство Кравченко в 1943—44 гг.

Заседание началось в 1 ч. 30 м. Прежде, чем вызвать свидетелей, мэтр Нордманн, адвокат «Лэттр Франсэз», просит прокурора ответить на три вопроса.

Прокурор заговорил...

Первый допрос Нордманна касается визы Кравченко и Кэ д'Орсэ, второй — виз его свидетелей и третий — министерства информации, давшего Кравченко «трибуну» для его политических речей, разрешившего устроить телефонные будки в суде для журналистов, и вообще придавшего процессу «характер грандиозности».

Две недели молчавший прокурор заявляет, что обо всем он в подробностях скажет в своей речи. Пока же может сказать только, что визы все были даны законно, а телефонные будки и пр. устроены потому, что так министерство сочло нужным распорядиться.

Нордманн возражает против нынешнего французского правительства.

Председатель: Мы судим здесь не наше правительство, а диффаматоров из «Лэттр Франсэз».

Мэтр Изар предупреждает суд, что свидетели, которые будут выступать сегодня и во вторник — в большинстве своем — коммунисты: он читает те наставления, которые дают Вышинский и др. всякому коммунисту, вступающему в спор с беспартийным: политика партии выше закона, говорит Вышинский. Если партийная линия говорит одно, а закон — другое, надо держаться партийной линии. Поэтому, говорит Изар, все слова свидетелей, которых мы услышим сейчас, продиктованы свыше.

Блюмель (адвокат «Лэттр Франсэз»): Свидетели будут присягать и показывать совершенно свободно.

Свидетель Романов

В голубом костюме, видимо, накануне купленном, громадный, с толстым и несколько кислым лицом (которое делалось постепенно все кислее), инженер Романов начинает свой рассказ о грехах юности Кравченко:

— В семье это был урод. Мы с ним — земляки. Знакомы с 1926 года, — говорит Романов. — Отцы наши работали вместе на заводе. Его младший брат был в одном со мной цехе. Кравченко был в юности тщеславен и любил легкую жизнь. Хотел всюду быть первым. В семье из-за него были скандалы. Жил не по средствам. Был элегантен (в публике смех), кутил, волочился, хвастал успехами (продолжительный смех в публике).

Затем Романов рассказывает гнусную историю о том, как некий старый рабочий Афанасий изобрел способ улучшения производства и как Кравченко этим изобретением завладел.

Кравченко (равнодушно): Романов знает, что он врет.

Романов: Я постараюсь говорить правду. Кравченко не глуп. (Мэтр Изар: Спасибо и на этом!) У него прекрасная память. (Мэтр Изар: Так и запишем! Это очень важно). Он умеет себя подать. Но его отец мне говорил, что он позорит семью.

Кравченко: Романов, да побойтесь вы Бога! (смеется).

Романов: В Техническом институте он славился распутством и вел себя не совсем хорошо. Например, когда он провалился на экзамене у проф. Емельяненко, он потом распустил слух, что Емельяненко, по классовым причинам, его провалил. Время у него уходило на все, кроме ученья. Как ему дали диплом, я даже не знаю...

Мэтр Изар: Но вы, кажется, сказали, что он не глуп? (Смех.)

Романов: В 1942 году на Урале мне говорили о нем инженер Герардов: сколько лет этому жулику еще удастся надувать людей? Он дал Кравченко свой проект...

Кравченко: Да я тогда с Герардовым не работал!

— ...и Кравченко присвоил этот проект. Зарегистрировал его, как свой, — невозмутимо продолжает Романов. — В 1948 году я встретил Кравченко в наркомате внешней торговли. Он сказал мне, что едет в Америку, что его назначили потому, что он прекрасно говорит по-английски.

Кравченко: Какая чепуха!

Романов: Кравченко сказал тоже, что отец и мать его повешены немцами, так же, как и жена. Он к этому времени бросил металлургический завод...

Кравченко: Потому что меня взяли в армию.

Романов: Потому что он воевал и сказал, что отморозил ноги.

Кравченко: Никогда не было такого разговора.

Романов: Но я знал, что жена его жива и эвакуирована с сыном.

Председатель: А у них был сын?

Романов: Да. В Америке я опять увидел его. Несмотря на то, что я знал, что он такое, я все-таки с ним общался, земляки мы, знаете, ну и так далее... Но у него было поведение самостоятельное, и уже мнение об Америке тоже самостоятельное. (Продолжительный смех в публике.)

Председатель: Читали ли вы книгу Кравченко?

Романов: В СССР нет. Но здесь мне перевели две главы. Противно слушать было. Да и он ли ее написал?

Проклятая самостоятельность

— Я могу рассказать подробно про закупочную комиссию, — предлагает свидетель.

Председатель: Нет, нет! Покороче, пожалуйста.

Романов: Я был его начальством.

Председатель: Но ведь вы знали, что это за человек, как же вы ему доверяли?

Романов: Земляки, знаете... И потом, что же, за такое у нас в тюрьму не сажают. Он, впрочем, никогда не занимал ответственного поста. И ужасно был независимым.

Кравченко: Старался все ездить по городу без переводчика! (Смех.)

Романов: Когда я ему сказал, что скучаю по Советскому Союзу, по жене и дочери, он ответил, что хотел бы остаться в Америке подольше. Узнав, что ему нравится Америка, я сейчас же сказал об этом моему начальству. До Кравченко это дошло. Он почувствовал, что не может вернуться: у него сделался животный страх перед отправкой на фронт, и вот, однажды, в какой-то понедельник, в апреле 1944 г., он не явился на службу. Мы забеспокоились, поехали к нему на дом. И так мы узнали, что он совершил гнусное преступление: он вступил в дебаты с нашим правительством.

Кравченко: А почему нет?

Обстрел Романова

Председатель: Читали ли вы статью Сима Томаса?

Романов (плачущим голосом): Читал! Я понял, что он предатель и не может больше смотреть в глаза!

Кравченко: Да вы не плачьте! Я смотрю вам в глаза!

Романов: Истинно-русский человек не может сделать такую пакость.

Мэтр Нордманн задает Романову вопрос: был ли Кравченко в комсомоле?

Но, оказывается, Кравченко был в комсомоле до знакомства с Романовым.

Нордманн: Был ли Кравченко студентом в Харькове?

Романов: В Днепропетровске.

Нордманн: Значит, опять ложь! Он не был в комсомоле, не был в Харькове. А в Никополе он был?

Романов: Нет. Это фарс.

Кравченко: Я был в Харькове, был в Никополе, с Цыпляковым и Борецким. И я все это докажу.

Романов (флегматически): Да, фамилии он называет правильно.

Кравченко: Я хочу спросить, в свою очередь: пусть нам свидетель скажет, когда он вступил в партию?

Романов не отвечает на этот вопрос. Вюрмсер с места кричит что-то, мэтр Изар, в свою очередь, возвышает голос:

— Тут судят не Кравченко, а вас. Вы — диффаматор!

Романов: Я был беспартийный.

Кравченко: Это секрет, когда вы вступили в партию?

Романов (нехотя): В 1939 году.

Из этого ответа следует, что Романов вообще не мог знать очень многого касательно жизни и работы Кравченко до 1939 года.

Нордманн: Пусть Кравченко скажет, когда он поступил и когда окончил Харьковский институт!

Кравченко: Не скажу! Через два дня здесь будут три свидетеля говорить об этом. Один из них — мой харьковский профессор, у которого я учился. (Движение в публике.) Романов не был в партии и ничего обо мне не знает.

Романов (вяло): Но мы земляки.

Опять начинается сильный шум. Адвокаты вскакивают со своих мест и

все кричат в одно и то же время.

Кравченко и Романов по русски ругаются, переводчики за ними не поспевают.

Слышен голос Кравченко: Поцелуйте Сталина от меня, когда увидите!

Романов: Поцелую, да не от вашего имени!

Нордманн (возвышая голос): Ясно, что Кравченко нигде не был и ничего не видел.

Кравченко: Может быть, я и не водился? (Смех.)

Академик Трайнин

Председатель хотел бы знать, была ли закупочная комиссия милитаризована, т. е. иначе говоря — дезертир ли Кравченко? Романов отвечает: нет, но переводчик, г. Зноско-Боровский, этого «нет» не переводит, и мэтр вскакивает со своего места.

— Вы аккредитованы при Сенском суде, вы присягали! Почему вы не переводите этого «нет», которое мы все поняли?

Затем спор поднимается о трубах, которые были заказаны Советами в Америке: Романов утверждает, что Кравченко принял бракованный товар, мэтр Изар доказывает, что бракованные трубы были приняты Романовым.

Нордманн: Как вел себя Кравченко в денежных расчетах?

Романов: Подробно не могу рассказать, но нечистоплотно.

Мэтр Изар: В 1942—43 гг. Кравченко состоял при совнаркоме. Известно ли это вам?

Романов: Такой нуль! Никогда он не был в совнаркоме! Я помню, он был не согласен с нашим вождем...

Мэтр Изар: Каким образом в апреле 1944 года, после того, как было дано знаменитое интервью, советское посольство четыре дня отвечало журналистам в Вашингтоне, что никакого Кравченко оно не знает?

Но Романов на это ничего ответить не может. По просьбе председателя, он рассказывает через кого он узнал о процессе и от кого получил приглашение в нем участвовать: это был академик Трайнин. Судя по показаниям свидетеля, Трайнин был тем лицом, которому было поручено вербовать свидетелей в СССР для процесса Кравченко.

Суд отпускает свидетеля до среды, когда назначается очная ставка между ним и Пасечником, свидетелем со стороны Кравченко, знавшим Кравченко в Харьковском институте.

Драматический диалог

После перерыва, в накаленной атмосфере переполненного зала, в пять часов пополудни, появляется Зинаида Горлова.

Это — миловидная блондинка, 36 лет, обладательница, как выражались в старину, «роскошных форм», крепко затянутая в корсет. На ней черное платье. Лицо ее бледно и мрачно. Она рекомендует себя, как женщину-врача.

— Мне было 19 лет, когда я встретила с Кравченко. Это была позорная страница моей жизни. В 1932 году мы поженились. Мои родители были против. Мой отец сказал про Кравченко, что это «безграмотный Дон-Жуан».

Далее идет мелодраматическая повесть о том, как сначала по желанию Кравченко, она сделала себе аборт, а затем родила ребенка, на которого он отказался давать «алименты».

— Он меня бил. Он бил посуду, — говорит Горлова монотонным голосом, как заученный урок, — он ревновал меня. Едва не убил...

Председатель: Он стрелял в вас?

Горлова: Нет, хотел стрелять.

Председатель: То-есть, целился из револьвера?

Горлова: Он грозил...

Когда Кравченко узнал, что она во второй раз беременна, он опять начал бить посуду, а потом заявил: теперь тебе время от меня уходить, а то ребенок испортит мне карьеру. «Тогда я ушла к родителям», — заканчивает свой рассказ свидетельница.

Председатель: Что же было потом?

Горлова: Кравченко не помогал мне. В 1935 году я вторично вышла замуж. Мой второй муж хотел усыновить ребенка от Кравченко, но этот последний долго не давал своего согласия на это.

Председатель: И никогда не давал денег на сына?

Горлова: Он сказал, что банкрот. Но теперь я свободна и молю Бога, чтобы сын не был похож на отца, а то я буду так же несчастна, как его мать. Кроме презрения и отвращения я к Кравченко ничего ни питаю.

Мэтр Нордманн начинает ставить свои вопросы: они сводятся к тому, чтобы доказать, что Кравченко лгал, когда писал свою книгу. Горлова говорит, что ни о коллективизации, ни об Орджоникидзе Кравченко никогда ей ничего не говорил.

Кравченко, бледный, взволнованный, с горящими глазами, встает со своего места. Он напоминает Горловой, что она с ним вместе была в колхозах, что ходила к Орджоникидзе.

Горлова: Это все сплошная ложь!

Мэтр Изар достает из портфеля документ, из которого явствует, что Горлова была в Кремле у Орджоникидзе и Кравченко прав. Бывшая жена Кравченко начинает медленно краснеть и просит стул, чтобы сесть.

Кравченко: Не я лгу, а вы лжете! Вы скрыли от суда, что замужем не два, а три раза. (Впрочем, это не грех!) Ваш отец, Сергей Николаевич Горлов меня любил. О первой беременности вы признались мне через три дня после нашей свадьбы и сами захотели операцию, как этого хотела и ваша мать. В колхозах вы были со мной вместе, не выдержали этой жизни, но скрывали это, а то бы вас выгнали из Медицинского института, где вы учились. Затем вы поехали в Бердянск, отдохнуть от колхозных впечатлений. А по приезде из Бердянска мы, по обоюдному согласию, разошлись. И я тогда не знал, что вы вторично беременны.

Горлова: Это все сплошная ложь!

Кравченко: Я прошу суд вызвать в среду моих свидетелей — которые знали Зинаиду Горлову, когда она была моей женой. Они подтвердят все, мною сказанное. (Горлова опускается на стул, голос ей изменяет). Вы помните Мишу Щербаня и Черникова?.. (Кравченко смотрит в глаза Горловой).

Председатель: Хочет ли он сказать, что предполагает, что сын — не от него?

Кравченко: Нет, я этого не говорю... Я платил за него в клинике. Его принимал проф. Шмундак...

Председатель сердится не на шутку

В эту минуту мэтр Нордманн, все время прерывавший Кравченко, возвышает голос. Он требует, чтобы ему дали возможность задавать свидетельнице вопросы. Это — суд, а не трибунал для речей Кравченко!

Председатель: Мэтр Нордманн, вы были храбрым офицером во время войны, но здесь я не допущу вашего авторитарного тона! Кравченко продолжает рассказывать дальше. Он иногда встречал Горлову на «проспекте», у него есть фотографии, где он снят с сыном...

Горлова: Это он гулял по проспектам, а не я!

Затем он говорит об ее отце. Он не умер, как утверждает свидетельница, а отбывает наказание в Сибири. Он — бывший офицер царской армии. А сама Горлова — жертва советской полицейской системы.

— Я требую, — говорит Кравченко, — чтобы она не выезжала до среды из Парижа, когда будет очная ставка ее с моими свидетелями. Я ей гарантирую жизнь до конца ее дней, если она хочет...

Мэтр Нордманн встает с места: Этот человек бросил жену с ребенком!

Председатель: О брошенном ребенке вы скажете в вашей защитительной речи!

Нордманн: Он предал женщину и свою родину!

Председатель (возвышая голос): Мэтр Нордманн, я прошу у вас слова!

Нордманн: Довольно мы слушали Кравченко!

Председатель: Мэтр Нордманн, я лишаю вас слова!

Нордманн: Я протестую!

В сильном шуме не слышно слов.

Горлова пытается «под занавес» сказать, что Кравченко «негодяй и подлец».

Кравченко кричит: «Опять грамофонная пластинка».

Мэтр Изар сияет, как и мэтр Гейцман: свидетели «Лэттр Франсэз» никого ни в чем не убедили: Нордманн и другие адвокаты противной стороны пытаются докричаться до председателя, который, рассерженный, встает и объявляет заседание закрытым.

Кравченко долгим взглядом смотрит на свою бывшую жену. Он взволнован и этого не скрывает, его волнение отчасти передалось в публику. Все встают со своих мест.

На часах — без четверти семь.

Восьмой день

После бурных инцидентов понедельника и в ожидании очных ставок, назначенных на среду, заседание вторника, 8 февраля, было сравнительно спокойным, если не считать едва не начавшейся рукопашной между Кравченко и свидетелем Колыбаловым.

Два советских свидетеля и один ученый француз (привыкший, как он выразился, вращаться в самом лучшем обществе) заполнили день. Заседание началось в 1 ч. 30 м. дня. Один из адвокатов «Лэттр Франсэз», Матарассо, напоминает, что желание ответчиков увидеть, наконец, русскую рукопись Кравченко, до сих пор не исполнено.

Мэтр Изар отвечает, что он ее покажет тогда, когда сочтет это нужным.

Вводят свидетеля Колыбалова. Это — инженер, знавший Кравченко в СССР и бывший с ним одновременно в Америке. У него хмурое лицо, низкий лоб, тихий голос.

Центротруба

Специалист по трубам, Колыбалов, начинает свою речь с длинного пояснения. Он говорит о своей работе в Главтрубостали, о нормах производства, о перевыполнениях плана, об организации строительства. Такие слова, как конвейер, ревизия, цех, бригада, освоение техники, — медленно и неуклюже переводятся по-французски.

Председатель: Что вы можете сказать о Кравченко?

Колыбалов: Работал плохо. Растратил 60 000 рублей. Никогда не был директором завода, был директором несуществующего строительства. (Смех.)

Из показаний свидетеля выясняется, что Кравченко был приговорен к двум годам каторжных работ за растрату, что он, хоть и воевал, но был скоро освобожден от военной службы, так как врачи нашли у него «дефективное развитие».

Как и свидетели, выступавшие накануне, Колыбалов хочет доказать суду, во-первых, что Кравченко дезертир, во-вторых — что вся его позорная жизнь привела его логически к «гнусному концу» и, в третьих — что он был нулем и таким остался.

Мэтр Изар несколько раз вступает в спор с Нордманном. Колыбалов не понимает по-французски и нервничает.

— Держите ваши нервы в руках! — смеясь, говорит ему Кравченко.

Но очень скоро дело оборачивается серьезно.

«Я вас высеку!»

— Это Колыбаловы виноваты в том, что тысячи инженеров были сосланы и загублены! — отвечает суду Кравченко на обвинения советского инженера. — Это круглые бездарности. Они зарабатывают теперь себе политический капитал, свидетельствуя на моем процессе. Я вас высеку. Колыбалов, вы — технический Хлестаков! Вы бездельник, вы — интеллектуальное ничтожество!

Кравченко держит в руках документ, из которого явствует, что начальство обоих, Меркулов был доволен работой Кравченко.

— Все это происходило по приказу Лазаря Кагановича, а не по приказу Колыбалова, — говорит Кравченко.

Но свидетель настаивает, что это ложь. Оба повышают голос, переводчики не успевают за криком, адвокаты вскакивают.

— Мне наплевать на Сталина! — покрывает Кравченко своим сильным голосом голос Колыбалова. — Я всю жизнь ждал этого дня! Я в свободной Франции.

Председатель: У него некоторый темперамент.

Кравченко: Я докажу вам, что врете вы, а я говорю правду.

Следует оживленный рассказ о комиссии, которая приезжала проверять работу Главтрубостали, о подтасовке в перевыполнении плана, о наркоте Меркулове, о «растрате» (о которой все рассказано подробно в книге Кравченко), о командировках.

Колыбалов, оглушенный цифрами и фактами, стоит неподвижно и молчит. Да, Кравченко был отдан под суд, сначала ему дали два года, потом заменили на год. Он отработал его на производстве, где работая до суда, и штраф заплатил десятью процентами своего жалования.

Мэтр Изар: Вы встретились с Кравченко в Америке, вы говорите, что он был осужден по суду. Но вчера свидетель Романов нам сказал, что Кравченко никогда не был осужден по суду.

Колыбалов молчит, держа в руках фотокопию письма Меркулова с комплиментами по адресу Кравченко и его работы. Он в недоумении.

Изар: Я задаю свидетелю вопрос: на московских процессах...

Колыбалов: Какие такие процессы?

(Ему поясняют.)

Колыбалов: Я приехал по делу Кравченко и ни о чем другом говорить не буду.

Изар: Ну, конечно, в советском кодексе имеется статья 51.1. Литера С. (Статья касается оставшихся в России родных). Из-за этой статьи советские свидетели ничего и не могут сказать!

«Я тот, который уцелел»

— Я тот, который уцелел, — говорит Кравченко взволнованно, — а сколько из нас погибло? И погибло из-за таких бездарностей, как вот этот! Я бы оторвал вам голову, если бы встретил вас в Париже не на процессе, а на улице. Но подождите: я вернусь в Россию и тогда вы все ответите!

Кравченко приближается все ближе к свидетелю. Жандарм быстро становится между ними обоими.

Председатель: Я прошу сказать Кравченко, чтобы он был вежливее со свидетелями. Они позже сведут свои счета. (Смех.)

Колыбалова уводят. На его место приходит второй советский свидетель: инженер Василенко, депутат верховного совета Украины с 1938 года.

Уровень интеллигентности приблизительно тот же, что и Колыбалова, но в нем больше уверенности в себе и голос его громче.

Этому свидетелю было суждено потопить и себя, и своих единомышленников.

Показания Василенки

Началось, впрочем, все самым обыкновенным образом: была вновь пущена в ход пластинка, которая служила накануне Романову: плагиат, растрата, успех у женщин. В Америке свидетель застал однажды у Кравченко на квартире... даму!

— Назовите ее! Она завтра же будет здесь! — смеется Кравченко.

Василенко: Когда я уезжал из Америки (февраль 1944 г.), Кравченко дал мне письмо к своей матери. Он всегда производил впечатление человека, который жаждет славы, хочет быть известен повсюду. Это ему не удалось! (Продолжительный смех в публике.)

Василенко кончил свои показания и перед тем, как дать адвокатам возможность задавать ему вопросы, председатель Дюркгейм объявляет перерыв.

Журналисты и публика, выходят из душевного зала. Выходит и Зинаида Горлова, находившаяся в зале между Романовым и своей спутницей, женщиной средних лет, небольшого роста, которая заявляет журналистам, что она говорит только по-французски и по-армянски, а по-русски не говорит. Принимая во внимание, что Горлова не говорит ни по-французски, ни, конечно, по-армянски, это кажется несколько невероятным.

На широкой площадке Горлова, ее спутница, Романов, Колыбалов и редакторы и адвокаты «Лэттр Франсэз» оживленно беседуют. Горлова позирует фотографам, улыбаясь. Вид у нее довольный. На ней коричневое зимнее пальто с мехом и высокая шляпа. После Кривого Рога, где она прожила свою жизнь, парижские фотографы доставляют ей удовольствие, которого она и не скрывает.

Через 20 минут заседание суда возобновляется.

Василенко отвечает на вопросы адвокатов: Кравченко никакими заводами не управлял. То, что он под присягой говорил комиссии по расследованию антиамериканских действий — сплошная ложь, закупочная комиссия была «как бы» милитаризована и поэтому Кравченко — дезертир.

Василенко: Я был советским ректором...

Кравченко: Я был русским, и это лучше!

Василенко: Вы себя продали!

Кравченко: Кому я себя продал? Вы себя продали! (Внезапно он переходит на «ты».) Мои свидетели завтра придут, они тебя хорошо знают, они все расскажут про тебя!

Василенко: Ты меня знал с хорошей стороны.

Кравченко: Я тебя знал с хорошей стороны, а они все-таки расскажут!

Мэтр Изар просит выслушать документ, полученный им из американского посольства: из него следует, что советское правительство, после того, как Кравченко 3 апреля 1944 г. уехал из Вашингтона, только 18 апреля сообщило властям о его бегстве, и только 6 мая потребовало его выдачи, как дезертира. Если бы он был дезертир, оно бы на следующий день сделало соответственное заявление.

Василенко топит себя

После короткой схватки между мэтром Изаром и Вюрмсером, обвинившем адвоката в коллаборации, мэтр Изар приступает к вопросам:

— Был ли свидетель на Украине?

— Да, в 1934 году.

— Что случилось со следующими членами партии, бывшими в правительстве Украины: Коссиор?

— Не слышал такой фамилии.

— Хатаевич?

— Не слышал никогда.

— Любченко?

— Не знаю... (Кравченко, тихо: не крути, не крути, отвечай!

— Якир? Строганов? Марголин?

Василенко сердится, нервничает.

— Почему я знаю!

Мэтр Изар: Куда девались старшие инженеры: Блинов?

— Где-то работает.

— Бирман? Радин? Калашников? Беликов?

Вюрмсер: Это что-же, телефонный указатель?

Изар: Да, тюремный и лагерный! Отвечайте, где Вишнер, Стрепетов, другие? Они все погибли во время чистки!

Нордманн: Потому русские и выиграли войну, что у них не было пятой колонны.

Но Василенко, отвечающий все время: не могу знать, не слышал, что вы ко мне пристали! — как-то сразу отпал, съезжился, примолк.

В зале движение. Судьи угрюмо слушают список ничего не говорящих им фамилий!

Мэтр Изар еще не кончил. Он спрашивает, слышал ли свидетель что-нибудь о «тройке», которая могла приговаривать заочно?

— Нет... Впрочем, я никогда не вмешиваюсь в дела НКВД.

— А что вы слышали об Особом Совещании, так называемом ОСО, которое было учреждено после того, как убрали Ежова и Ягоду?

Василенко (плаксиво): Я не знаю... Что было бы, если бы я спросил господина адвоката о производстве труб?

Изар: Куда девались 50 из 71 членов большевицкой головки после чисток?

Василенко (совершенно потерянный): Я не буду больше отвечать. Я не занимаюсь статистикой.

Мэтр Альперович: Что вы знаете о коллективизации и раскулачивании? О голоде на Украине? О гибели скота?

Василенко: Я мало занимался этим. Я жил всегда в городе и не выезжал в деревню.

Ему читают речь Сталина, от 1930 года, в которой этот последний требует насильственной коллективизации.

Кравченко: Это слова самого Сталина!

Василенко: Я думаю, мы прекратим этот разговор... ну, что это, право!

(В зале поднимается гул, председатель призывает к порядку.)

Вюрмсер: Что было бы, если бы мы вас спросили: куда девались Дорио, Фроссар, Кламамюс, Бержери?^[4]

Мэтр Изар подхватывает последнее имя:

— Если это камень в мой огород, то я сотрудничал с Бержери ровно столько времени, сколько вы сами!

Человек лучшего общества

Жак Николь, запоздалый французский свидетель ответчиков, ученый, друг Жолио-Кюри и покойного профессора Ланжевена. Это господин весьма почтенной наружности с волосами двух разных цветов и длинной губой. Он бывал в России, понимает по-русски.

— Я много раз был в этой стране и должен сказать, что всем там живется превосходно, — начинает свои показания Николь. — Прежним «гран-сеньорам» и новым людям — всем одинаково свободно и хорошо жить. Писатели и артисты, как молодые, так и старые, очень довольны своей жизнью, все имеют возможность работать, ученые процветают, нас кормили обедами, потом мы гостили у знаменитых академиков в гостях. В нашу честь был устроен суд над преступниками. Суд этот был так гуманен, что в антракте обвиняемым подавался чай и все, что им было нужно. Мои друзья — прежний «гран-сеньор». Николай Крылов, знаменитый украинский писатель, академики Гамалея, Трайнин — все отлично себя чувствуют.

В эту минуту мэтр Изар не выдерживает и что-то тихо говорит, видимо, не очень лестное для свидетеля. Тот немедленно обижается:

— Я привык вращаться в лучшем обществе, — заявляет он, — и не позволю себя оскорблять.

Председатель: Что вы можете еще сказать?

Николь: Я мог свободно ходить по улицам и днем и ночью, меня никто не трогал.

Свидетеля отпускают, поблагодарив, и не задав ему ни одного вопроса.

Документ Нордманна

Прежде чем закрыть заседание, мэтр Нордманн просит председателя предоставить ему слово.

Нордманн желает обнародовать один документ, который он считает капитальным для всего дела. Это — анкета, заполненная Кравченко в 1942 году. Оригинал ее привезен советскими свидетелями из Москвы. Из этой анкеты явствует, во-первых, что Кравченко назвал только одно учебное заведение, в котором учился, не написал, что был в комсомоле, не имеет никаких наград и т. д.

Кравченко внимательно осматривает документ и заявляет, что он не может сейчас сказать, подлинный ли он или поддельный. Что касается до ответов на вопросы, то в России каждый человек на своем веку заполняет сто анкет и не во всех все пишет.

— Я думаю, завтра, после очных ставок, все и без того будет ясно, — говорит он.

Мэтр Изар, со своей стороны, считает, что завтрашнее заседание все решит.

Нордманн: Может быть, Кравченко желает графологическую экспертизу документа?

— Нет, пока в этом необходимости нет.

Заседание закрывается в 7 часов вечера.

Девятый день

Третья неделя процесса В. А. Кравченко закончилась в среду, 9 февраля, в обстановке такого напряжения, какого мы еще не видели.

«Лэттр Франсэз», с которыми мэтр Изар и мэтр Гейцман играли, как кошка с мышью, получили поражение, которого, конечно, не ожидали.

Растерянность редакторов этой газеты и раздражение их адвокатов доведены были до предела, публика шумно выражала свои чувства, председатель и судьи с олимпийским спокойствием взирали на происходящее.

Математик Николай Лаговский

Тот, кого ждали уже несколько дней, появился у свидетельского барьера. Это — учитель Кравченко, Лаговский, знавший его в Харьковском институте. Он говорит по-французски и это чрезвычайно облегчает его допрос.

Мэтр Гейцман, на основании документов, рассказывает суду судьбу Лаговского. Сейчас он живет в департаменте Орн. Во Франции — с 1944 года, участвовал во французском резистансе.

О Кравченко этот свидетель говорит, как об одном из лучших своих учеников. Кравченко был коммунист. Лаговский — беспартийный. Политикой он не интересовался.

Перед нами тип русского педагога, математика, который старался делать все, чтобы его ученики «грызли гранит науки», несмотря на то, что 600 часов курса было посвящено изучению ленинизма.

Вскользь касаясь голода на Украине, чистки в Черкассах, Лаговский отвечает на вопросы адвокатов «Лэттр Франсэз», касательно своего пребывания в Германии. Но главная тема его показаний — это харьковский институт, в котором, как накануне утверждал советский свидетель Романов, Кравченко никогда не был.

Первая очная ставка

Романов, по приглашению председателя, выходит к барьеру и становится рядом с Лаговским.

Романов: Кравченко никогда не учился в Харьковском институте. А этот — никогда и профессором там не был! Я представляю здесь советский народ... (Шум в публике.)

Кравченко (пользуясь своей близостью к свидетелю): Мы еще встретимся, мерзавец!

Романов: Господин председатель, я требую, чтобы Кравченко извинился.

Председатель: Инцидент исчерпан. Вы можете сесть на свое место. Лаговского тоже отпускают.

Мэтр Изар встает.

Речь мэтра Изара

Речь мэтра Изара была ответом на документ, который накануне был предъявлен суду мэтром Нордманном. Это — анкета 1942 года, из которой, якобы явствует, что Кравченко больших должностей не занимал, в Харькове не учился и в комсомоле не состоял.

— Вчера, — сказал мэтр Изар, — вы предъявили этот документ, подлинность которого мы не оспаривали. Прочтя его, я готов был подумать, что в России тоже бывают «марсельцы», т. е. люди, которые любят преувеличивать свои достоинства, что Кравченко (это грех не большой) принадлежит к хвастунам, и нам придется с этим считаться. Но, изучив документ, я увидел, что Кравченко — не «марселец», о нет! Документ этот вами переведен недобросовестно. Вчера же вечером присяжный переводчик Цапкин нам его перевел; позвольте же вам вручить копию этого перевода.

Кроме того, анкета Кравченко была заполнена за три месяца до кассации его дела — следовательно, наказание, здесь указанное, есть наказание первоначальное — 2 года вместо одного, Кравченко отбытого. Затем — вопрос об учебном заведении ставился в анкете иначе, чем вы сказали, надо было ответить только о том, какая школа была окончена, поэтому Харьковский институт и не фигурировал в ответе.

На основании книг Ивона и Бетелэма, я могу сказать, что никакого противоречия нет, когда Кравченко говорит, что занимал «большое место», так как цех в России — не наше ателье. Цех — это громадный заводской коллектив, и чтобы им управлять, надо быть старшим инженером, а вовсе не контро-метром, как у нас.

Ваши свидетели, — продолжая мэтр Изар, — нам ввали под присягой вчера целый день. Крепитесь, потому что вас ждет великое разочарование: я держу в руках заявление самого Молотова, в котором он, в связи с третьей пятилеткой, говорит о важном значении комбината, которым заведовать назначается Кравченко. Это было на 18-м съезде компартии и этот комбинат был включен в третий пятилетний план.

Нарком тяжелой промышленности самолично назначил Кравченко на этот пост. Кроме того, вы назвали анкету «биографией», она же называется «справкой о кадрах». Вы смущены? (В публике смех.) Вчера вам казалось, что мы смущены? Но это было вчера. А сегодня мы торжествуем!

Нордманн немедленно старается сделать диверсию, но это ему не

удается. Мэтр Изар смеется: Смотрите, осторожно! Вам нельзя не быть согласным с Молотовым.

Борис Удалов, друг семьи Горловых

Из тысячи предложений свидетельствовать на процессе, Кравченко выбрал нужных ему людей. Перед нами — Удалов, друг его жены по Днепропетровску. Зинаида Горлова, находящаяся в зале, впивается глазами в свидетеля.

Удалов был арестован, подвергнут пыткам, отсидел в тюрьме и затем был освобожден. Он рассказывает суду свои мытарства и страдания людей, которых знал. Некто Бойкович был расстрелян за то, что «якшался с французом Пуанкарэ» (который давно был уже мертв в то время). Эти показания чрезвычайно веселят гг. Вюрмсера и Моргана.

Этот свидетель, в противоположность советским инженерам Василенко и Колыбалову, хорошо знает, как окончили свою жизнь украинские деятели: Хатаевич, Левинсон, Левитин и др. Предупреждая вопросы Нордманна, он рассказывает о том, как он сам был арестован Гестапо.

Мэтр Гейцман: Знаете ли вы Зинаиду Горлову?

Удалов: Да. Я знаю ее с 1926 года. В 1938 году я был с ней в довольно близких отношениях, хотел жениться, но предложения не сделал. Она жила тогда в Кривом Роге и была замужем за неким Светом.

Мэтр Гейцман: Что вы знаете об ее отце?

Удалов: Он был арестован и сослан без права переписки. Мать была административно выслана.

Неожиданная сенсация

Мэтр Матарассо (адвокат «Лэттр Франсэз») задает вопрос: На каком языке читал Удалов книгу Кравченко?

Удалов совершенно спокойно достает из бокового кармана пиджака небольшую книжку.

— По-русски, вот в этом, сокращенном издании.

Все четыре адвоката «Л. Ф.» вскакивают со своих мест. Как? Книга имеется по-русски? Но ее уже целый год ищут по всему свету и не могут найти! Нельзя ли просить свидетеля пожертвовать ее суду, чтобы приобщить к делу?

Удалов с удовольствием передает книжку адвокату. Кравченко поясняет, что сокращенный перевод с немецкого был сделан без его согласия и что издание это им опротестовано.

Удалов: А еще я читал отрывки в одной газете в Германии, на русском языке.

Опять сенсация! Где читал? Когда? В каком городе? Как называлась газета? Но Удалов точно не помнит.

Нордманн: Кто свидетелю дал эту русскую газету?

В зале продолжительный шум. Удалов пожимает плечами.

Вторая и третья очные ставки

Рядом с Удаловым становится Зинаида Горлова. Она начинает с места в карьер с брани:

— Негодяй, провокатор! Это ложь, что мой отец — враг народа.

Удалов: Я вовсе не считаю, что человек, сосланный НКВД — враг народа. Наоборот!

Горлова: Мой отец — умер. Провокатор! Вам хотелось сделать меня вашей любовницей, но это не удалось. (Голос ее приобретает весьма визгливые ноты.)

Удалов (спокойно): г. председатель, гарантируйте меня, пожалуйста, от комплиментов г-жи Горловой.

Председатель Горловой: Вы можете вернуться на ваше место.

Но Удалова еще не отпускают: на место Горловой, тучный, сердитый, выходит Романов. В публике движение.

Романов, видимо, пораженный французским судом, свободой, с которой публика выражает свои чувства (весьма недружелюбные к его особе), дерзким поведением адвокатов, смелостью самого Кравченко, привыкший к решению всех вопросов «единогласно», становится в позу и начинает речь:

— Мы не хотели больше приходить сюда, — говорит он, — общаться с изменниками нашего народа. Нам было неприятно все это (обводит рукой зал). Здесь несколько человек предателей...

Кравченко: Их сотни тысяч!

— ...говорят все о сексуальных сюжетах. Грязь всякую выносят... А я скажу, что через три недели после приезда, Кравченко в Америке сошелся с одной дамой...

Продолжительный шум в публике, смех, гул. Председатель грозит очистить зал.

Мэтр Изар: Зачем он, собственно, здесь?

Романов: Но мы решили оставаться до конца процесса!

Мэтр Изар: Он очень хорошо представляет свою страну.

Романов: Пора знать правду об этих гадах! Здоровенный человек рассказывает нам о пытках. Они все хотят сказать, что в СССР — ад, но председателю ясно, что мы победили Гитлера. Этот господин (на Изара) перевернул все наши факты. Это адвокатская хитрость переворачивать все вверх дном. (Обращаясь к председателю.) Но мы к вашим услугам и готовы

всегда разоблачать...

Конец речи тонет в шуме, поднятом публикой. Романов злобно окидывает взглядом зал, и видят насмешливые лица.

Морган: Это кагуляры, а не публика!

Удалов: Он говорит, как говорил Громыко в ООН.

И Романов возвращается на свое место.

Пасечник — жертва ГПУ и Гестапо

Бывший вольноопределяющийся Белой армии (при Деникине), инженер Пасечник, когда его спрашивают, где его арестовали и как, неизменно задает вопрос: вы про какой арест говорите? Этот человек в 1930 году прошел все мытарства ГПУ, а в 1943 — тюрьму и суд Гестапо.

Он работал с Кравченко в Днепропетровске, знал его 16 лет, помнит его комсомольцем, кандидатом в партию, партийцем. Арестовало его ГПУ за то, что он не желал писать доносы на своих товарищей. Гестапо обвинило его в саботаже.

Его показания касательно работы Кравченко, находятся в противоречии с показаниями советского свидетеля Василенко.

Председатель: Знаете ли вы Василенко?

Пасечник: Которого?

Председатель: Вот этого! (показывает на Василенко, который встал в зале).

Пасечник: Знаю.

Председатель: Г. Василенко, подойдите сюда, к барьеру.

Василенко (угрюмо): Не желаю стоять рядом с этим типом.

Смех в зале. Василенко оставляют в покое.

Мэтр Гейцман: Может ли свидетель сказать, где находится отец Горловой?

Пасечник: Он был арестован и сослан в 1938 году, это все знают.

Он рассказывает суду об эвакуации Днепропетровска. Поездов не хватало, партийцы уехали первыми. На вокзале днями и ночами сидели толпы — преимущественно еврейские бедные семьи, с детьми, и ждали возможности уехать.

Мэтр Матарасо: Я хочу задать свидетелю вопрос. Вчера мэтр Изар спросил вашего свидетеля, что случилось с некоторыми членами украинской компартии. Знает ли свидетель следующих лиц в Германии, раз он живет в этой стране:

— Шандрук?

— Нет.

— Кубийович?

— Нет.

— Генерал Стефан?

— Нет.

— Генералы Туркул, Абрамов, Глазенап?

Пасечник: Фамилию Туркула я слышал еще в 1919 году. Я стою довольно далеко от политики.

Нордманн встает и начинает, по своему обыкновенно, ловить свидетеля: что делали вы в 1943, 45, 41, 44, 42 годах. Вопросы задаются в разбивку, он требует точности, где, когда, почему, с кем, куда?.. Пасечник отвечает тщательно, но Нордманну все мало.

— Вы вышли из немецкой тюрьмы?

— Я вышел из немецкой тюрьмы.

— Ну, если бы я сидел в немецкой тюрьме, то я бы, наверное, не вышел!

Гул возмущения в публике.

Нордманн: Мы требуем очной ставки свидетеля с Романовым.

Председатель: Мне кажется, г. Романов сделал свою декларацию, и она годится для всех свидетелей?

(Смех в зале).

Кравченко (с места): Что вы человека мучаете! Это инквизиция!

Изар и Гейцман встают и требуют, чтобы Пасечника отпустили.

Нордманн и Матарассо протестуют.

Председатель отпускает свидетеля.

Часы показывают половину восьмого. Адвокаты столпившись вокруг председателя и судей, начинают громкий спор о дальнейших свидетелях и расписании очных ставок.

У мэтра Изара припасены еще полтора десятка лиц, приехавших из Германии. У него припасены и документы сенсационного значения, и большой неожиданности. Нордманн нервничает, ему не до шуток...

Заседание закрывается. Возобновление суда в понедельник, 14-го февраля.

Десятый день

Десятый день процесса В. А. Кравченко был посвящен опросу свидетелей со стороны ответчиков: их ожидалось большое количество, но без четверти три выяснилось, что свидетельская комната пуста.

Председатель объявил перерыв на целый час, после чего появилось еще три человека, и в 5 ч. 45 м. заседание было закрыто.

Мэтр Нордманн и другие адвокаты не могли дать этому факту никакого объяснения, обещав, что на следующий день их свидетели непременно будут.

Мэтр Изар в начале заседания отсутствовал.

«Красный» генерал Пети

Французский генерал Пети начинает свои показания:

— Все мы были готовы биться, чтобы сбросить с себя советское ярмо, — говорит он.

Смех в зале.

Генерал оговорился! Он хотел сказать «фашистское ярмо». После такого блестящего начала, генерал переходит сразу к критике книги Кравченко:

— Советские писания все длинные и тягучие, — говорит он, — а эта книга написана так бойко, что она не может принадлежать перу бывшего советского подданного. В ней чувствуется перо американского журналиста. Память автора совершенно неправдоподобна. Однако, есть и ошибки: так, например, зима 1941 года была поздней, а не ранней, как утверждает Кравченко.

Я был три года в советской России, — продолжает далее генерал, — люди умирали не только за Родину, но и за режим. Режим обещал им счастливую жизнь в будущем. Сталин лично мне говорил: мы заботимся о массах. (Смех.) Солдаты бросались на вражеские танки потому, что у них был идеал.

После Лавалю, я был первый француз, принятый генералиссимусом. (Смех.) Сталин сказал мне: мне нечего скрывать от французов! Он позволил мне ходить всюду и смотреть на все, на что я захочу. Все, кого я встречал, были энтузиасты советского режима. Бывали исключения, но они незначительны.

Молотова я тоже встречал. На одном рауте он благосклонно беседовал со мною полчаса, а с остальными только поздоровался. Когда немцы пришли на Украину, они хотели «расколхозить» крестьян, но те не пожелали этого. Они были довольны своей жизнью.

Мэтр Гейцман: Я хочу задать свидетелю один вопрос: что меньшевики — русские?

Генерал Пети (чесет в затылке и в этот момент его снимают): Я не понимаю вопроса.

Мэтр Гейцман: Сим Томас написал «Лэттр Франсэз», что книгу Кравченко сочинили меньшевики. Свидетель говорит, что ее могли написать только американцы. Что же, меньшевики американцы, что ли?

Мэтр Нордманн: Меньшевики живут в Америке 20 лет.

Мэтр Гейцман: Второй вопрос: есть ли в России свобода слова?

Генерал Пети: Я не могу ответить. Там это соответствует режиму. Режим не похож на наш.

Мэтр Гейцман вынимает из портфеля номер «Фран-Тирер» от 11-го февраля. В этом номере было напечатано письмо свидетеля Циликауса, выступавшего на суде от «Л. Ф.», который подтверждает письмом в эту газету, что в России свободы слова не существует.

Движение в зале.

Симпатичный свидетель ответчиков

К барьеру выходит тугой на ухо, престарелый французский инженер, долго живший в России, Жюль Кот.

Мэтр Нордманн рекомендует его, как автора книги «Французский инженер в Советском Союзе», вышедшей в 1946 году в изд. Кальман-Леви. Кот, по словам адвоката «Л. Ф.», всю жизнь прожил в России.

Кот: Нет, не всю жизнь, но с 1911 года по 18-ый, затем с 1929 по 1932 и три месяца в 1936 году. Я получал долларами и очень много. Работал по контракту. Было очень приятно.

Старенький инженер настолько туг на ухо, что его подводят под самое кресло председателя.

Председатель: Что вы знаете о чистках?

Кот: Ничего не знаю. Но был процесс промпартии при мне. 7 000 инженеров было арестовано. Вообще же люди были довольны своей жизнью; некоторые, впрочем, выражали свое недовольство. Один директор завода очень был недоволен.

Председатель: Что же с ним сделали? Арестовали его?

Кот: Да, арестовали. (Смех).

Председатель: Судили?

Кот: Да. И приговорили к смертной казни. (Шум в публике).

Он говорит быстро, не слышит вопросов, ему хочется рассказать как можно больше о том, какие русские симпатичные и как, вообще, ему самому хорошо жилось в этой стране.

Мэтр Гейцман: Я хотел бы знать, кто лгал: депутат Гренье или Кравченко? Гренье нам сказал, что в России жалованья все более или менее одинаковы. Кравченко же говорит в своей книге, что между рабочим и инженером — огромное расстояние.

Кот: Разница жалований очень большая!

Мэтр Гейцман: Значит, лгал Гренье!

Молотов или не Молотов?

На часах — 2 часа 40 минут.

Выясняется, что никаких свидетелей больше нет, что ответчики не позаботились их вызвать. Мэтр Нордманн встает и просит слова.

Нордманн: Вся пресса говорила на прошлой неделе о том, что Молотов назначил Кравченко директором завода. Между тем в документе, который был нам представлен, наркомтяжпром назначил Кравченко на эту должность, а Молотов только говорил о значении самого предприятия.

Председатель: Мы так и поняли.

Нордманн: В стенограмме прошлого заседания я вижу неясность.

Вюрмсер: Пресса была введена в заблуждение!

Мэтр Гейцман: Обратитесь к документам. Мы их представили председателю.

Председатель (читает): Наркомтяжпром назначил молодого инженера Кравченко...

Нордманн: Это текст Молотова?

Председатель (читает): Молотов на 18-ом съезде... третья пятилетка... крупное предприятие...

Мэтр Гейцман: Мэтр Изар ответит вам на это. Вы вызываете этот инцидент, когда он отсутствует, для того, чтобы протянуть время: ваших свидетелей нет!

Председатель соглашается с Гейцманом и прерывает спор. Он принужден объявить перерыв, так как свидетели защиты не явились.

«Белый» генерал — советский патриот

Перерыв длится час.

Внезапно проходит слух, что явился генерал Говоров. Белый? Красный?.. Заседание возобновляется.

Генерал Говоров, эмигрант, с 1923 года — шофер такси, член центрального комитета Союза советских патриотов, появляется у барьера. Это желтолицый, лысый человек 63-х лет.

Говоров с места в карьер начинает ругать Кравченко: он предатель, дезертир, преступник перед родиной, грязная личность.

— Мы хотим, чтобы французы знали о наших эмигрантских разномыслиях, — говорит Говоров, — «настоящее высокое учреждение» (так называет Говоров суд) должно пригвоздить этого субъекта. Немцы использовали его интервью. Он в нем предал не только свою страну, но и всех союзников. Могли быть замедлены поставки. Измена — очевидна. Все свидетели это подтверждают. Какое может быть доверие к его инсинуациям?

Говоров не говорит по-французски, но и в русском языке он не слишком силен: бутылки с эссансом, к сожалению, не могут быть по достоинству оценены французами. Он говорит о том, что Россия была приговорена к войне.

Председатель: Он не был в России. Обо всем этом уже было сказано.

Мэтр Блюмель: Да, но важно, что он русский белый!

Мэтр Гейцман: Мы можем привести десять человек белых, которые будут говорить как раз обратное.

Говоров: Кравченко не внушает доверия. И вообще он не писал своей книги.

Гейцман: Вы говорите, что вы генерал? Как и где вы сражались в последнюю войну?

Говоров: Я предложил советскому правительству, когда началась война, отправить меня на родину.

Гейцман: Ну, и что же?

Говоров: Мне сказали, что это невозможно. (Смех).

Гейцман: Почему вы не возвращаетесь в СССР?

Говоров: Я уже назначен в очередь и скоро уеду.

Кравченко (по-русски) и Гейцман (по-французски) одновременно: Он зарабатывает себе на будущее!

Гейцман: На каком языке вы читали книгу Кравченко?

Говоров: По-французски. (Смех в публике).

Гейцман: Суд оценит знание французского языка свидетелем.

Говорова отпускают. Он проходит в публику и садится рядом с советским свидетелем Романовым.

Нам удалось узнать следующие подробности о генерале Говорове: во время гражданской войны он был начальником штаба Донского корпуса в Крыму. Затем у него была небольшая неприятность на о. Лемносе, после которой его в должности заменил ген. Есевич. С 1923 г. Говоров живет в Париже. Когда он узнал, что в финской войне отличился советский генерал Говоров, то он стал выдавать себя за его брата. Сейчас же после войны, в 1944-45 гг., он стал членом центрального комитета Союза советских патриотов, откуда был после первой же чистки вычищен за антисемитизм. Его сделали членом ревизионной комиссии. Сейчас он один из немногих членов этого Союза, оставленных во Франции, остальные почти все высланы в СССР. Он служит в советском учреждении на улице Фезандери № 49.

Неожиданная защита власовцев

Следующий свидетель «Лэттр Франсэз», комбатант Тома, рассказывает, как в лагерях в Германии, во время войны, русские себя вели геройски и как мечтали попасть обратно к себе домой.

Тома встречался с власовцами. Все это были смелые люди, многие перешли во французский резистанс, — говорит он, — а когда кончилась война, с радостью репатриировались. Власовцы, — говорит свидетель, — были силой мобилизованы немцами и это были все — настоящие патриоты.

Комитет, в котором работал Тома, занимался водворением пленных русских и власовцев, а также их семей на родину. Все они были верны своей стране, ни один не дезертировал, все вернулись назад! Работал г. Тома вместе с грузинским «патриотом» Гегелия.

Председатель: Мы здесь говорим о процессе Кравченко.

Тома: Мы благодарны русской армии. Она спасла мир. Те люди, которых я видел, все с энтузиазмом ехали к себе домой. Из всех лагерей, и из Борегара, и вообще — все вернулись, никто не остался.

Мэтр Блюмель: Вы были в России. Расскажите нам об этом.

Тома: Я был в 1929 году. Коллективизация очень удалась. Строили большие дома. Все были очень довольны.

Свидетеля отпускают и вызывают следующего: это доктор Фишез, который был в лагере Матаузен и видел там русских пленных.

Он тоже подтверждает героизм, жертвенность, храбрость русских и так же, как и предыдущий свидетель, утверждает, что все до одного, пленные и депортированные, с радостью вернулись к себе домой.

Опять: Молотов или не Молотов?

Мэтр Изар, появившийся во время заседания, протестует против того, что свидетели «Лэттр Франсэз» не явились.

На часах — 5 час. 45 мин.

Мэтр Нордманн: Я хотел бы выяснить, Молотов или не Молотов назначил Кравченко директором завода?

Председатель: Мы сейчас говорим о неприбытии ваших свидетелей, а не о Молотове.

Мэтр Нордманн: Я хочу знать, кто назначал Кравченко директором в Кемерово? Молотов ничего не говорил про Кравченко. Это газета «Индустрия» писала о назначении его на завод.

Мэтр Изар: Свидетели ваши не пришли. У вас оказалось время и вы ищите инцидентов. Мною уже была сделана демонстрация и я могу ее повторить: Молотов говорил на 18-ом съезде партии о заводе в Кемерово. Наркомтяжпром назначил Кравченко директором этого завода. Завод был включен в третью пятилетку. Но вы говорили о все время о проблематическом строительстве, и свидетели ваши, как я уже сказал в прошлый раз, под присягой ввали нам о несостоявшемся строительстве. Между тем, завод был выстроен.

Председатель: Мы все так и поняли в прошлый раз. Мэтр Нордманн ломится в открытые двери.

Мэтр Изар: Вам мешает то, что мы показали, что Кравченко был крупной величиной.

Но мэтр Нордманн старается парировать удары, наносимые адвокатами Кравченко.

В общем шуме председатель требует, чтобы на завтра были приведены обещанные свидетели. Адвокаты «Л. Ф.» сообщают, что от некоторых своих свидетелей они откажутся.

На скамьях прессы движение: будет ли показывать Руденко, приехавший из Москвы в субботу, 11 февраля?

Заседание закрывается в 5 часов 50 минут.

Одиннадцатый день

После полупустого дня понедельника, этот одиннадцатый день, вторник, 15 февраля, был насыщен инцидентами: показания генерала Руденко и четыре свидетеля со стороны «Лэттр Франсэз» заполнили заседание суда, продлившееся около шести часов.

Появление Руденко, в военном мундире, в сопровождении адъютанта, с которым он не пожелал расстаться даже у свидетельского барьера, произвело некоторое впечатление на публику. Весь в орденах, с мрачным, бледным лицом, генерал Руденко был тотчас отрекомендован одним из адвокатов «Л. Ф.»: герой Сталинграда, кавалер более десяти орденов, в том числе два раза — ордена Ленина, генерал-лейтенант, депутат верховного совета СССР и пр. и пр. и пр.

Речь Руденко

— Прежде, чем давать показания, — так начал свою речь Руденко, — я хотел бы высказать суду свое мнение о деле. Этого человека, неизвестно какого подданного, я считаю изменником. Это — офицер, нарушивший присягу. Он не только военный преступник, он и уголовный преступник. Он должен был бы по настоящему предстать перед трибуналом СССР. Не было прецедентов в истории суда, чтобы такой человек становился истцом в деле, в каком он должен был бы быть подсудимым. Перед всем демократическим человечеством я хочу помочь французскому суду вынести справедливое решение.

В конце 1943 года, — продолжает Руденко, рассказав сначала, как он воевал с немцами, — я был вызван с северо-западного фронта в Москву. Там мне дали поручение: ехать главой закупочной комиссии в Соединенные Штаты. На самолете, 21 декабря, я прибыл в Вашингтон. Под моим началом находилось более 1 000 человек служащих комиссии. Из них я должен был вскоре отправить в СССР всех военнообязанных. Я был главой всех офицеров и генералов СССР в Америке. Мне подчинены были филиалы в Портланде и Фербенксе, авиаполк на Аляске и морская группа. Комиссия насчитывала несколько отделов: танковый, металлов, авиационный и т. д.

В середине февраля я собрал начальников отделов и велел им пересмотреть личный состав для отправки служащих (военнообязанных) на родину.

Была составлена группа офицеров запаса. Товарищ Романов сделал мне доклад, в котором обратил мое внимание на поведение инженера-приемщика Кравченко, который являлся на службу в пьяном виде.

Кравченко (прерывая): Вы же все врете!

Генерал Руденко: Я принял решение отправить Кравченко на родину: я велел сказать об этом Кравченко. Романов мне доложил, что Кравченко должен закончить приемку труб. Мы не могли сразу отправлять людей большими партиями, так как грузили материалы, в которых нуждалась в это время наша страна, которая, в лице красной армии, производила серьезные операции в Румынии. Отправка офицеров запаса растянулась на три месяца.

4 апреля я узнал из газет, что военный инженер третьего ранга Кравченко нарушил дисциплину, отказался вернуться, и 5-го апреля я моим

приказом исключил Кравченко из состава закупочной комиссии, как дезертира и предателя. Мы все работали в это время, как мобилизованные солдаты за демократическое человечество. Я никогда не забуду героических французских летчиков эскадрильи «Норманди-Неман».

Мэтр Изар: Одного мы здесь видели.

Руденко: Это — залог дружбы между двумя народами. Мы вместе проливали кровь против фашизма. И вот 6–7 апреля германское радио сообщило заявление Кравченко американским газетам. Фашисты говорили, что это начало раскола между союзниками. Немецкие прокламации предлагали русским следовать примеру Кравченко. Так Кравченко помог немцам.

Кравченко (встает): А как вы помогали им в 39–40 годах?

Руденко: 5 апреля газета «Балтимор Сэн»...

Кравченко: Какая память!

— ...«Балтимор Сэн» спросила «Нью-Йорк Геральд» (где было интервью), что это за Кравченко? Не стоят ли за его спиной русские, враги своей родины, в том числе некто Чаплин, известный антисоветчик. Затем «Дшунш Джорнал Моргон» назвала Кравченко предателем. Кравченко не одинок. За ним стоят реакционные силы Соединенных Штатов, которым нужен был специалист по антисоветским вопросам. Воссоединить реакционные силы и разъединить демократию необходимо, чтобы устроить новую войну.

Поединок

Руденко: Советский народ стремится к миру.

Кравченко: А пока что вы забрали всю Восточную Европу!
(Продолжительный смех в зале).

Руденко: Мы заняты мирным строительством. Мы работаем над тем, чтобы победить природу, заставить реки, которые текут на север, течь на юг.

Кравченко: Лучше дать человеку свободу! (Смех.)

Руденко: г. председатель, я прошу дать мне возможность говорить.

Председатель (строго): Если публика будет невежлива к иностранному генералу, я попрошу очистить зал.

Руденко: Мы электрифицируем, газифицируем нашу страну. Этим заняты миллионы. Все средства идут на мирное строительство.

Затем свидетель переходит к работе Кравченко в строительном тресте.

Выясняется, что Кравченко был в тресте главным инженером.
(Движение в зале.)

Руденко: Там он растратил 150 тысяч рублей.

Кравченко: Он врет, мерзавец!

Руденко: Но суд был милостив к нему.

Кравченко: Вы — холуй диктатуры!

Руденко: Мне здесь угрожают, но я не боюсь.

Председатель: Мы в этом не сомневаемся.

Руденко: Я прошу оградить меня от оскорблений.

Председатель: Он говорит их по-русски, и я их не могу понять.

Руденко: Вместо того, чтобы раскаяться, Кравченко на новой своей работе опять обманул людей и попал в закупочную комиссию. Ему нужна маска политического борца, чтобы укрыться от советского суда. Он уголовный преступник, дезертир и предатель. Не такие люди поворачивают историю. СССР борется за мир. Демократический народ Франции...

Мэтр Изар: Советские газеты выражаются иначе.

Руденко: ...и народы СССР останутся в дружбе!

Генерал защищается

Показание свидетеля закончено. Теперь адвокат «Л. Ф.» Блюмель задает ему вопросы. Они касаются работы Кравченко при Совнаркоме. Защита пытается уже не в первый раз доказывать, что Кравченко никогда при Совнаркоме не состоял.

Мэтр Блюмель: Кравченко писал, что из Совнаркома он мог вызывать к себе людей в любой час дня и ночи.

Мэтр Изар: Это о парикмахерской было сказано!

Руденко: Я ничего об этом не знаю.

Председатель: Чем же он, по вашему, был в Совнаркоме?

Кравченко: Позвольте мне сказать. Я был в Совнаркоме РСФСР советником и ведал вопросами инженерного вооружения. (Сенсация.) Я подчинен был Уткину, Косыгину и Воробьеву.

Мэтр Изар: Доказательство, что Кравченко был в Совнаркоме РСФСР исходит от советского посольства в Вашингтоне.

Адвокат Кравченко читает документ, который кладет конец спорам о Совнаркоме: это письмо американского посольства, которое сообщает, что в архивах Стэтс Департамент имеется курикулум витэ Кравченко, составленный в свое время советским посольством в Вашингтоне: из него следует: 1) что Кравченко работал пять лет директором цеха, главным инженером и 2) был в Совнардоме РСФСР «инженером, советником».

Адвокаты «Л. Ф.», поднимают сильный шум.

Руденко упорно повторяет: Кравченко никогда не был членом Совнаркома.

Мэтр Изар (стараясь перекричать шум): Никто этого никогда и не говорил!

Когда шум стихает, мэтр Блюмель продолжает задавать свои вопросы Руденко. Их более десяти. Один из них касается победы над немцами: народ или режим победил Германию?

Руденко: Народ при другом режиме, в японскую войну, например, победить не мог. Победа принадлежит и правительству, и партии. Слепые это видят.

Другой вопрос Блюмеля: были ли дезертиры в других закупочных?

Кравченко: В Канаде был в свое время Гузенко!

Руденко: В семье не без урода (с ударением на у).

Кравченко: Нас уже два миллиона!

Блумель задает вопрос о чистках.

Руденко: Это не касается процесса.

Кравченко: Но это одна из тем книги!

Руденко: Вовремя, благодаря чисткам, мы освободились от пятой колонны!

Мэтр Изар находит, что между показаниями Руденко и Романова есть противоречие: был или не был дан приказ Кравченко возвращаться в Россию?

Романова (находящегося в зале) вызывают к барьеру. Он повторяет, что приказа не было.

Руденко только что сказал, что приказ был.

Председатель: Нам надо согласовать показания.

Руденко: Я не желаю согласовать показания.

Романов: Меня не интересуют вопросы. Меня интересует, что я сам сказал.

Мэтр Изар: Значат, вы обвиняете Стэтс Департмент, что он не выдал в свое время Кравченко как дезертира?

Руденко: Его не выдали реакционные силы.

Мэтр Изар: Я хотел бы знать, кадровый ли вы генерал? Как известно, в России два рода генералов: кадровые и политические.

Руденко отвечает, что он кадровый генерал.

Мэтр Изар: Почему герои «Норманди-Неман» не могут переписываться со своими русскими товарищами?

Руденко: Это выходит за пределы процесса. Я не могу отвечать.

После еще нескольких вопросов, председатель предоставляет слово Кравченко, но просит его воздержаться от ругательств.

Генерал уходит

Кравченко: Меня ругали здесь предателем. Кто такой Руденко? Где он учился? Какое военное училище окончил? Он — политический генерал, а не кадровый, он представитель Политбюро. Если он пришел в форме — то это маскарад для публики. Он в Сталинграде получал только ордена и погоны. Сражались другие.

Руденко сказал, что меня использовали немцы. Но Сталина и Молотова тоже использовали немцы. А всего важнее, что, по советско-германскому договору, два года советы снабжали Германию военным снаряжением. Что важнее: газетная вырезка или тонны железа, стали, чугуна? Вы убивали французов этим снаряжением.

На 18-й партконференции Маленков выступал и говорил о неподготовленности СССР к войне. Это было за четыре месяца до войны. Из этого ясно, в чем выразилась впоследствии помощь Америки по «лендлизу» — она была огромна!

Руденко молча слушает Кравченко — отвечать он, видимо, не собирается.

Кравченко цитирует официальный советский документ, цифры товаров (миллионы тонн), которые СССР вывозил в Германию в 1939—40 гг.

Поднимается шум.

Мэтр Нордманн кричит, мэтр Изар требует, чтобы Кравченко дали договорить.

Руденко просит, чтобы ему позволили уйти.

Председатель: Я не могу вас держать силой. Делайте, как вам подсказывает долг.

Руденко: Я уйду.

Мэтр Изар: Смотрите, генерал уходит! Он не хочет слушать правды!

Мэтр Нордманн: Я спрашиваю, почему молчит прокурор? Здесь оскорбили генерала!

Кравченко: Вы не только политический преступник, вы и уголовный преступник!

Генерал Руденко, с фуражкой на голове, в сопровождении адъютанта выходит из зала.

Председатель (в общем шуме): Что вы хотите! Мы ничего не можем сказать. Они говорят по-русски!

Объявляется перерыв.

Скандал с историком

Во время перерыва произошли два инцидента: во-первых, коммунистический депутат Гренье, увидав двух молодых людей, идущих к Кравченко просить подписать книгу, в весьма резкой форме остановил их. Во-вторых: два русских были арестованы (и сейчас же отпущены) за то, что выражали по адресу Горловой, Романова и др. свое негодование, подойдя к ним и видимо, испугав их.

Мэтр Нордманн, после перерыва, донес об этом председателю.

Мэтр Изар возразил, что дело происходило не в зале, а на лестнице, так же точно, как инцидент с пощечиной, данной журналисткой «Фран-Тирер» коммунисту Куртаду (две недели тому назад), и что это суда не касается.

Кравченко дают договорить. Он приводит цифры советской тяжелой индустрии перед войной, из которых следует, что Россия не была готова к войне.

Вызывается очередной свидетель «Л. Ф.», Альбер Байе, председатель резистантской прессы, историк.

Байе, пожилой господин, чрезвычайно субтильной наружности, говорит о «цвете французской печати» газете «Лэттр Франсэз». Он смотрит, как говорится, в корень, и доказывает председателю, что, если будет признана диффамация, газета должна будет разориться.

— Вы присудите платить ее миллионы и убьете нашу гордость! — восклицает он. — Да и что такое диффамация? Ведь книга Кравченко продается лучше, чем когда-либо, хотя историческое значение ее — нуль.

Витиевато, хитро, он говорит довольно долго, когда встает со своего места мэтр Гейцман. Он держит в руках пять вырезок. Это статьи Байе разных годов — начиная от 1940. Он просит позволения прочесть их.

Первая касается «Торреза и его банды», как в то время выражался уважаемый историк. Вторая говорит о дезертирстве Торреза. Третья выражает ужас перед тем фактом, что «Сталин бросился в объятия Гитлера». Четвертая говорит о том, что «Сталин с Рейхом идет против Франции» и пятая, наконец, выражает страх перед «выстрелом в спину», которого историк ожидает от коммунистов, если они восторжествуют.

Молчание. Смущение.

Байе (собравшись с силами): Историки иногда ошибаются. (Смех в зале.)

Гейцман: Н-да, конечно.

Байе: Я ошибался, ну, и ошибался! Я в 1917 году считал Петэна героем. В этом тоже каюсь.

Гейцман: Через три года вы скажете, что Кравченко был прав?

Байе: Если я был дураком, то нас много было таких.

Председатель благодарит свидетеля и отпускает его.

Американские меньшевики

У барьера молодой журналист Эрман, секретарь союза журналистов (С Ж. Т.). Он считает, что в Америке очень часто двое пишут книгу. Кравченко конечно помог американец.

— Был в Америке до Кравченко некто Кривицкий, который тоже предал СССР, — говорит Эрман. — В 1939 году его статьи сделали некоторый шум. Ему писал их американский журналист Исаак Дон Левин. Кривицкий не поделил с ним гонорара и застрелился. Реакционеры говорили, что его убили большевики.

Мэтр Нордманн: Расскажите суду, что вы знаете о Левине и других русских меньшевиках.

Эрман: Я хорошо знаю социалистические круги в Америке. Сначала эти люди жили в Париже. Во время войны часть меньшевиков занималась антисоветской пропагандой, играя на руку Гитлuru. Другая же часть на время примолкла. Среди них наиболее влиятельны: Чаплин, Николаевский и Зензинов. Все эти люди опекали Кравченко, когда он изменил своей стране.

Мэтр Нордманн: О Николаевском и Зензинове мы еще будем говорить на процессе. Что вы думаете о них?

Эрман: Николаевский собирает документы о СССР. Его материалы совпадают с материалами Кравченко. Возможно, что он их ему и дал. Что до Зензинова, то он, наверное, имел в своих руках рукопись Кравченко до ее напечатания.

Мэтр Нордманн: А что говорил по поводу Кравченко другой меньшевик, Дан?

Эрман: Он писал о Кравченко очень строго и осуждал его.

Мэтр Изар читает письмо Исаака Дон Левина, где тот категорически отрицает какое бы то ни было свое участие в жизни и работе Кравченко.

Владимир Познер и Брюа

После Эрмана дает показания писатель Владимир Познер. Он, по примеру профессоров Баби и Перюса, доказывает, что Кравченко не мог написать своей книги, что ее вообще не мог написать русский.

Мэтр Изар: Это меньшевики, что ли, писали по-американски?

Познер находит в книге типично английские словосочетания, игру слов, цитаты английской литературы, цитаты французские.

Кравченко вскакивает и декламирует по-русски Вольтера — двестише, включенное в книгу на английском языке. Познер продолжает говорить о литературных реминисценциях, о некоторых выражениях, которые не имеют перевода по-русски, удивляется цитате из Байрона и пр.

Мэтр Изар: Значит, не меньшевики писали, как говорил нам Сим Томас!

Познер: Я думаю, что писал американский журналист.

Мэтр Изар: Это меньшевики дали ему, значит, информацию?

После Познера выходит к барьеру профессор истории Брюа.

Делается поздно, председатель торопит свидетеля (члена компартии).

Брюа говорит, что Кравченко в своей книге искажил действительность: голод бывал и при царе; совхозы существовали всегда (в виде артелей и кооперативов) и нечего об этом столько говорить. Чистки бывали у якобинцев, так же, как и анкеты. Это — чистейшая французская традиция. Он читает якобинские исторические документы, которые являются, по мнению свидетеля, несомненными предшественниками нынешних протоколов советских процессов.

На этом заседание закрывается.

Двенадцатый день

Председатель Дюркгейм и обе стороны согласны в том, что темп процесса должен быть ускорен: он длится уже четыре недели.

Неизвестно, сколько еще свидетелей выступит со стороны истца, но ответчики объявили, что они отказываются от многих из своих свидетелей. Эти лица должны были явиться из СССР, но они не приедут.

Вот их, далеко неполный список: г-жи Тило, Шаро и Чернова, гг. Астахов, Шампенуа, Вислогубов и Кострюк. Из живущих в Париже не явятся: свящ. Гуэс, Катала и Окутюрье. Напротив, гг. Ив Фарж, Жан Кассу, Пьер Кот, Жолио-Кюри и г-жа Марти-Капра будут выслушаны на будущей неделе.

Манускрипт книги Кравченко его адвокаты обещают представить суду в конце текущей недели.

Заседание начинается в 1 ч. 20 м.

Свидетели ответчиков, которые были твердо обещаны мэтром Нордманном накануне, вновь не явились, и в течение всего дня суд выслушивал показания русских Ди-Пи, выступавших со стороны В. А. Кравченко, который сам отсутствовал по болезни: еще накануне он чувствовал боли в области сердца и был освидетельствован врачом Дворца Правосудия. Кроме того, Кравченко страдает язвой желудка.

Опять Пасечник

По просьбе советского инженера Василенко, свидетель Пасечник вторично вызывается к барьеру.

Начинается очная ставка.

Василенко: Пасечник — военный преступник, коллаборант. Как и другие граждане Днепропетровска, Хохлов и Батичко, он сотрудничал с немцами.

Председатель: В чем вы можете упрекнуть свидетеля?

Василенко: Он работал в городской управе при немцах.

Пасечник: Василенко — депутат верховного совета. От него я ничего и не ожидал услышать другого. Я работал на заводе при немцах простым рабочим, после чего у меня был гнойный плеврит.

Мэтр Гейцман спрашивает Василенко, что сделала советская власть, чтобы американцы выдали этого военного преступника?

Василенко этого не знает.

Мэтр Изар: Что же это, он ничего не знает? И Руденко ничего не знал! Зачем тогда они здесь? Чтобы грязнить свидетелей?

Мэтр Нордманн: Они все бежали от красной армии.

Мэтр Изар: Этим несчастных людей СССР теперь приглашает вернуться. Это — не коллаборанты, а депортированные на работы. На Нюрнбергском процессе сам СССР назвал их таковыми.

Василенко называет имена коллаборантов Днепропетровска. Кое-кого Пасечник знал, а один даже, некто Соколовский, работая с немцами, посадил Пасечника в тюрьму Гестапо.

Адвокаты «Лэттр Франсэз» хотели бы знать, много ли в лагерях Ди-Пи коллаборантов?

Пасечник рассказывает о «чистках», которые устраивались американцами: все коллаборанты выловлены и осуждены.

Библиотека Корниенко

Следующая свидетельница — г-жа Корниенко, женщина лет пятидесяти, очень скромно одетая. Она понимает, но не говорит по-французски. Она была библиотекарем завода имени Петровского, где работал одно время Кравченко и где директором был Василенко. 16 лет прослужив в заводской библиотеке, она знала всех, знала и Кравченко, в конце 20-х гг. как талантливого молодого инженера, «подававшего надежды». О его статьях в газетах «Ударник» и «Заря» много говорилось. Его портреты печатались на страницах местных газет.

На вопрос об арестах заводской головки, она отвечает:

— Были арестованы (в течение нескольких лет) Бирман, Калашников, Адаменко, Марушин, Иванченко — всего около пятидесяти человек. И это только — самые главные лица.

Мэтр Гейцман: Знала ли свидетельница Василенко?

Г-жа Корниенко рассказывает свое знакомство с директором завода: НКВД вызвало ее однажды и потребовало, чтобы она следила за пятью лицами: за Коробовым, Тупенковым, Зерновым (директоры), Федоровым (председатель комитета партии) и... Василенкой. (Движение в зале.)

— Я знала его, но старалась никогда не говорить с ним о политике, — говорит Корниенко, — чтобы не было о чем доносить, так как я знала, что он думает обо всем так же, как я.

Мэтр Нордманн: Мы имеем перед собой доносчицу!

Мэтр Изар: Не атакуйте ее! Вы атакуйте тем самым советский режим.

Мэтр Нордманн: Я протестую! Это агрессия против союзной страны. (Смех в зале.)

Корниенко: Я должна была ходить к нему на дом, пить у них чай, следить за ним, и доносить. Я это и делала. Я старалась не топить этих людей. Василенко знает, что режим советский — страшный режим. Дядя его жены, Калашников — погиб в ссылке.

Василенко вызывают с места на очную ставку. Он по внешности совершенно спокоен.

— Я ее знаю. Она знала мою жену. Она бывала часто у нас, но потом все реже. Я благодарен ей за то, что она меня не утопила... (внезапно грозно): Но все это ложь!

Корниенко (улыбаясь не без горечи): Я не могла бывать чаще, у меня было таких пять человек. Да и работала я до одиннадцати в библиотеке.

Василенко: Все бы это было верно, если бы я был выходец из буржуазной среды, старой школы. Но я — новой школы.

Корниенко: Мне сказали в НКВД: эти люди дороги партии, но они, как все, могут свихнуться. У нас беспартийные сплошь да рядом следят за партийными.

Председатель поражен, как и публика.

Ропот на скамьях адвокатов «Л. Ф.».

Василенко отпускают и вызывают Романова.

Романов (уже привыкший к атмосфере суда и чувствующий себя увереннее, чем несколько дней тому назад): Вы меня знаете?

Корниенко говорит, что Романова не знает. Он утверждает, что знаком с ней давно. Он спрашивает, не слышала ли она чего-нибудь на заводе о плагиате Кравченко, но свидетельница ничего не слышала об этом.

Эта очная ставка не дает ничего и обоих отпускают.

Женщина-врач Анна Кошинская

Одетая в пестренькое летнее платье, круглолицая, молодая, Анна Кошинская начинает с ответов на вопросы, которые стали уже привычны: предупреждая мэтра Нордманна, мэтр Гейцман задает всем Ди-Пи одни и те же вопросы: где были во время немцев? Когда приехали в Германию? Что делали там? и т. д.

— Когда большевики пришли в Вену... — говорит Кошинская.

— Когда красная армия пришла в Вену, — переводит переводчик трибунала.

— Свидетельница сказала: большевики! — протестует переводчик «Л. Ф.».

— У вас о каждом слове спор, — раздражается председатель (обращаясь к свидетельнице): — Кто вас посадил в лагерь?

Кошинская: Мы сами пришли. (Смех.)

Председатель: Почему вы не вернулись в Россию?

Кошинская: Сталин сказал по радио, что все мы предатели.

Выясняется из вопросов, что Кошинская училась на медицинском факультете в Днепропетровске и знала Зинаиду Горлову.

Горлову немедленно просят подойти в барьеру.

Зинаида Горлова за время своего парижского пребывания сильно переменилась: лицо ее пожелтело и похудело, глаза запали, волосы, небрежно причесанные, висят. Она становится рядом с Кошинской. Женщина-врач рассказывает, как она училась, как студентов-медиков в 1933 году послали убирать урожай в колхозы, какой был голод, сколько было трупов: она ссылается на Малую Советскую Энциклопедию. Анатомические театры были переполнены. Там свидетельница вместе с Горловой работали у профессора Постоевского.

Председатель: Что скажет на это Горлова?

Горлова (равнодушно): Я впервые вижу этого врача.

Мэтр Изар: Она протестует довольно слабо!

Горлова: Я не была со студентами в колхозе. Я удивляюсь этим показаниям. Никто не опухал от голода, занятия происходили нормально.

Председатель: Кошинская узнает Горлову?

Кошинская: Да, это она.

Председатель: Назовите профессоров факультета!

Кошинская называет несколько фамилий. Горлова (равнодушно): Да,

были такие. (Смех.) Они — однолетки, но Горлова опять говорит, что никогда на факультете Кошинскую не видела. Их обоих отпускают.

Николай Якубов

На обычные вопросы о войне и Германии, Якубов отвечает: эвакуировался в Польшу, затем — в Именштадт. Он знал семью Кравченко, его мать и брата. Семья была дружная, любили Виктора, который был крупный партиец, и работал во главе завода на Урале.

По просьбе председателя он рассказывает о жизни рабочих в СССР. Жалованье строительных рабочих настолько мало, что приходилось платить выше ставок, чтобы они не уходили. Жили они в бараках...

Романова подводят для очной ставки. Он тоже знал брата Кравченко. Оба свидетеля видят друг друга впервые. Советский инженер начинает экзаменовать Якубова: где жила семья Кравченко? Из кого она состояла? (Ропот в публике.)

Свидетель покорно отвечает на все вопросы.

Романов: Откуда могла быть эта дружба у вас с братом Кравченко? Вы же вместе не работали? Жили далеко друг от друга?

Якубов: В Днепропетровске есть трамвай.

Романов: Ничего не было общего! Специальности были разные. (Смех.) По специальности вы ничего не могли иметь общего!

Романов желает, чтобы Якубов описал ему внешность брата Кравченко.

Якубов: Если я скажу, что он был брюнет, вы скажете, что он был блондин.

Но Романов настаивает, настаивают и адвокаты «Л. Ф.».

Якубов говорит: шатен, выше среднего роста.

Романов: Совсем наоборот! Блондин высокий...

Председатель считает, что спор этот не ведет ни к чему.

Объявляется перерыв.

Свидетель Лужный

После перерыва, Лужный, на вопрос «почему он не возвращается», отвечает: я выбрал свободу. Он тоже приехал на процесс из лагеря Ди-Пи.

На вопрос мэтра Гейцмана, как его раскулачивали, он рассказывает свою жизнь, и чувствует, что где-то за ним — миллионы таких жизней: 1930 год на Украине, разорение, арест, вагон-теплушка, потеря семьи, приехал в тайгу. Из Сибири он бежал, вернулся на родину, семьи не нашел. И опять — то же самое: 1932 год, голод, террор, бегство из родного края.

До 1936 года он блуждал по Украине, батрачил, мостил дороги. Его арестовали, велели подписать признание, что он хотел взорвать электростанцию в городе. Он подписал после пыток. Ему предлагали работать для НКВД, он отказался, бежал, опять бродяжничал. Был арестован во второй раз, хотел покончить с собой после второго ареста...

— В книге Кравченко — все правда, — говорит он горячо. — Советская власть обещала рабочим свободу, а дала НКВД, обещала труд, а дала рабство. Там, в СССР сотни Бухенвальдов и Дахау!

Нордманн (все время иронически улыбающийся): Он принимает французов за дураков.

Мэтр Матарассо начинает задавать вопросы, чтобы узнать, не было ли свидетелю от немцев каких-нибудь поблажек? Была ли вывезена семья вместе с ним?

Мэтр Изар: Как вы слышали, его семья была уничтожена советским режимом!

Адвокат «Л. Ф.»: Знает ли свидетель случаи, когда в России арестовывали за дело?

Лужный: Не знаю. А вот невинных арестовывали много.

Нордманн: Я хочу спросить, кто ему приготовил всю эту речь?

Мэтр Изар (громко): Его несчастья!

Инженер-электрик Бобынин

Бобынин был уже назван однажды: это друг Удалова, тоже инженера, из Днепропетровска, в доме которого Удалов был арестован, как и сам Бобынин. Это человек не молодой, с сильною проседью, видимо, много претерпевший, говорящий медленно.

Мэтр Гейцман: Можете ли вы под присягой сказать, что все, что Кравченко писал в своей книге о чистках в Днепропетровске — правда?

Бобынин: Могу. Все — суцкая правда.

Мэтр Гейцман: Расскажите суду про ваш арест.

Бобынин рассказывает, как в 1931 году он и его гости были арестованы. В тюрьме следователь сказал ему: «тут у нас кровавая баня для инженеров». Допрос продолжался четыре дня, после чего Бобынина привели подруки в камеру. Ему ставилась в вину попытка свергнуть советскую власть. Другому арестованному предъявили одно за другим три разных обвинения.

Бобынин переходит к рассказу о пытках.

Председатель: Но в чем же его все-таки обвиняли?

Вюрмсер: Его обвиняли для собственного удовольствия!

Бобынину приписывали участие в вымышленной контрреволюционной организации «Весна». После бесконечных издевательств и мучений он был, наконец, выпущен.

Председатель: Почему он не возвращается на родину?

Бобынин: Представители советской власти в лагерях Ди-Пи приезжали и говорили, что мы должны будем ответить за то, что были депортированы немцами.

Василенко желает очной ставки. Его задела фраза свидетеля о том, что из Днепропетровска члены компартии и крупные люди бежали за месяц до прихода немцев. Он говорит, что сам он оставался до последней минуты в городе. Если бы были убежавшие, их бы вернули и казнили.

Бобынин: Некому было возвращать, все убежали. Немцы — мерзавцы, но вы просто взяли и убежали.

Оба отпускаются и расходятся в разные углы зала.

Свидетель Жебит

Свидетель называет себя сыном кулака: у его отца было три десятины пахотной земли и три — под покосом.

Мэтр Нордманн называет его «бедняком» и удивляется, почему такие, как он, не шли в колхозы.

Сейчас Жебит — шахтер в Бельгии. Он — неграмотный и книги Кравченко не читал, но ему о ней рассказывали.

С 1929 года начинаются его мытарства: раскулаченную семью (5 человек) отправили на Северную Двину, мать и сестер отослали в одно место, его отца и дядю — в другое. Дядя не вынес морозов и погиб. Сам Жебит бежал, под фальшивым паспортом жил в Архангельске, а потом вернулся на Украину, куда были возвращены родители. Но он их не застал: мать умерла в тюрьме, сестра пропала, отец ушел куда глаза глядят. Самого его заочно судила «тройка» и вторично ему пришлось проделать путь на север...

Мэтр Нордманн: Все это нам уже рассказывала немецкая пропаганда.

Мэтр Гейцман: Мы не приводим сюда привилегированное сословие, послушайте простого русского человека. Вам очень скучно?

Председатель: Почему вы не вернулись? (Движение в публике.)

Мэтр Нордманн: Пусть он объяснит, что такое кулак!

Жебит: Мой отец был кулак. У него была одна пара лаптей и никакой другой обуви.

Мэтр Нордманн: Почему беднота не сочувствовала коллективизации?

Жебит: Потому, что это был обман, все отбирали, люди должны были идти в рабство.

Мэтр Нордманн: Думаете ли вы вернуться к себе на родину?

Жебит: Да, надеюсь, когда не будет большевиков.

Мэтр Нордманн (иронически): Когда же это будет?

Жебит: Не знаю, я об этом сейчас не думаю, я работаю в шахтах, меня, может быть, завтра завалит, и так окончится моя несчастная жизнь.

Мэтр Нордманн: Значит, вы в Бельгии достали книгу Кравченко и ее вам читали?

Жебит: В Бельгии — все читают, это вам не Советский Союз! Мы и советские газеты видим, и все вообще. И по-фламандски Кравченко издали.

Заседание закрывается, но мэтр Нордманн успеваешь свысока окинуть Жебита презрительным взглядом и громко сказать:

— Для шахтера он одет неплохо!
Следующее заседание — во вторник, 22 февраля.

Тринадцатый день

Со времени последнего заседания по делу В. А. Кравченко, 16 февраля, произошло три события, которые, несомненно, будут иметь последствия в самом ближайшем будущем: 1) коммунистический депутат д'Астье де ля Вижери предупредил, что будет интерpellировать министров в Национальной Ассамблее по вопросу о французской визе Кравченко; 2) адвокаты Кравченко, мэтры Изар и Гейцман, передали суду две рукописи: русскую и американскую книги «Я выбрал свободу» и 3) советское правительство обратилось с нотой в министерство иностранных дел, требуя выдачи, как военных преступников, трех свидетелей Ди-Пи, выступавших со стороны Кравченко: Кревсуна, Пасечника и Антонова. Из них, как стало известно на суде, двое первых находятся уже в Германии.

Депутат компартии Гароди

Первым выходит к свидетельскому барьеру коммунистический депутат Гароди, человек еще молодой, черноволосый, плохо выбритый, в роговых очках. Он сейчас же заявляет, что будет «выражать свое мнение».

В руках у него — книга Кравченко, которую он, видимо, знает наизусть. Он все время цитирует ее, ловит Кравченко на противоречиях, спорит с ним, критикует его. Говорит он, как профессиональный оратор, переходя от одного общего места в другому. Чувствуется, что он весьма доволен собой.

— После каждой чистки, — говорит Гароди, — Кравченко все повышали и повышали в чинах, так что, случись еще одна чистка, и он был бы министром. — Он дает три различных версии обязанностей Кравченко по отношению к военной службе. Он рассказывает о голоде в деревне, но «как только появляется он, так голод превращается в праздник».

Председатель: Вы, кажется, преувеличиваете.

Но Гароди не может остановиться: он мчится по всем заезженным местам, какие мы только слышали за 25 лет жизни во Франции: тут и усмешка по поводу того, что «ели кору», и выражение «ле бояр дю большевизм»: он сам ничего не знает, но он что-то слышал, где-то что-то перехватил, и теперь произносит речь, в которой сквозит невежество и легкомыслие.

— Кравченко утверждает, — говорит Гароди все с той же усмешкой, — что при царе было лучше.

Кравченко: Абсолютно. При царе сидели в тюрьмах тысячи, а сейчас сидят миллионы.

Гароди иронически пожимает плечами.

Кравченко: Вы — агент Коминтерна!

Нордманн: В одной комнате с Жолио-Кюри!

Но речь, уснащенная цитатами и историческими именами, кончается.

В зале раздаются недвусмысленное «у-у-у» и несколько свистков.

Председатель (к адвокатам): Я думаю, что вопросов у вас не будет?

Мэтр Изар: После того, как нам намекнули, что коммунистами были Жанна д'Арк, Лакордэр, Карл V и Ренан, вопросов у нас нет. (Смех.)

Вслед за депутатом, выходит к барьеру резистант Абулкер, которого Нордманн рекомендует, как человека, благодаря которому американцы смогли высадиться в Африке. Это молодой врач, лет тридцати. Он

рассказывает об ужасах американской оккупации в Африке, о том, что законы Виши не были ими отменены. Что касается книги Кравченко, то он возражает на ее заглавие: Кравченко ничего не «выбирал», — это его выбрали антирузвельтовские силы Америки для антисоветской пропаганды.

Кравченко (с любопытством смотря в лицо свидетелю): Когда мне было столько лет, сколько ему, мне было совестно лгать...

Но Абулкер не обращает на него никакого внимания.

Комментарии Изара к советской ноте

Прежде, чем вызвать к свидетельскому барьеру Николая Антонова, о котором заявлено советским правительством в его ноте, мэтр Изар комментирует этот документ, присланный накануне на Кэ д'Орсэ.

— Мы не критикуем дипломатических документов, — говорит он, — но мы требуем от них известной добросовестности. (Он читает текст ноты по «Юманите» от 22 февраля.) Советская власть говорит, что она из французских газет узнала, что на территории Франции находятся три советских военных преступника. Это неправда! В газетах никогда ничего не было об Антонове, которого вы сейчас увидите. Следовательно, если было что-либо о Кревсуне и Пасечнике, то о третьем свидетеле в прессе не было ни одного слова. Об Антонове знали только мы и адвокаты ответчиков. Значит, советская власть от адвокатов ответчиков узнала об Антонове. Ответчики открывают Советскому Союзу подробности процесса. Это весьма интересно знать. Таким образом — иностранное государство вмешивается в наш процесс.

Мы уже до этого слышали о двух официальных документах: первый был опросник, второй — военная фишка, о которой упоминал генерал Руденко и которая свидетельствовала о военных обязанностях Кравченко. Теперь это — третий случай официального вмешательства советской власти в дело Кравченко. Но обвинения, которые содержатся в ноте, совершенно неосновательны. За четыре года у советской власти было время истребовать у американских и английских властей «военных преступников». Она это и сделала, и в списке этих преступников никогда не фигурировали ни Кревсун, ни Пасечник, ни Антонов.

В зонах Германии была создана комиссия контроля. Она несколько раз «чистила» лагеря Ди-Пи. Союзники выдали военных преступников. Если Кревсун, Антонов и Пасечник могли свободно приехать во Францию, значит, они не были записаны на черную доску.

Больше того: 4 января 1946 года американцы сообщили, что последняя «чистка» контрольной комиссии была сделана в присутствии советских представителей. Советский же инженер Василенко нам сказал, что еще в 1944 г. в Днепропетровске Пасечник был признан военным преступником. Если это так, то почему до сего дня о нем никто не вспомнил?

Советская нота находится в противоречии со всей действительностью. Никаких доказательств преступлений этих трех свидетелей мы не имеем. И

я предлагаю суду выслушать Антонова.

Председатель: Правительство Франции ответит на эту ноту, как найдет нужным. Это нас не касается.

Нордманн: Ди-Пи подозрительны по своему прошлому. Мы не отказываемся выслушать Антонова, но согласитесь, что мы совершенно не знаем прошлого этих людей. Они всегда бежали от красных, никогда не бежали от немцев... Вы говорите, что в зонах Германии были «чистки», а я вам скажу, что чистки эти никого не вычистили. В американской зоне, например, выходит газета «Обзор». В ней мы читаем, что 7 октября 1948 года было собрание в лагере Ди-Пи, прошедшее под знаком Андреевского флага. Флаг этот — флаг власовской армии. Руководит этими событиями генерал Глазенап. Русский национал-социалист. Что было бы, если бы в Канаде слушали господина Деа?..

Председатель: Но «господин» Деа — военный преступник, его имя в списке. Это не одно и то же.

Нордманн: Да, но они все бежали от русских и не бежали от немцев...

Николай Федорович Антонов

Седой, крепкий, спокойный, Антонов выходит к свидетельскому барьеру. Он был арестован в Днепропетровске после того, как три года проработал с Кравченко. Он хорошо его знал. Кравченко считали хорошим товарищем, честным сердечным человеком, он был прост «не только с равными, — говорит свидетель, — но и с подчиненными». Пять лет Антонов работал на Беломорском канале, затем еще девять лет. Три раза был арестован.

Он связно и дельно рассказывает французскому суду о недостатке рабочей силы на крайнем севере, на лесозаготовках, на золотых приисках, в копиях. НКВД время от времени устраивает «чистки» и вылавливает нужные рабочие руки из деревень, сел и городов. Пресса выкидывает лозунги, устраиваются соответственные митинги, собрания. Так было с «Промпартией» — что это такое, свидетель до сих пор не знает. Слыхал, что был такой процесс.

На вопрос председателя, что именно испытал он сам на допросах и во время тюремного сидения, Антонов подробно рассказывает, как его мучили и пытали в застенке НКВД: его рвало кровью от побоев; в собственных нечистотах он лежал пять дней, пока не впал в полное беспамятство. Рассказывает он и о палаче, некоем Сологубе, который говорил ему: «тут не курорт, тут тюрьма. Веди себя прилично». Сперва — застенок, потом — лампа в две тысячи свечей, под которую Антонова ставили.

Председатель: Сколько же вас было в лагере?

Антонов: Около 800 000.

Председатель, вероятно, вообразивший «лагерь» похожим на среднего размера тюрьму, удивлен.

— Какого же этот лагерь был размера?

Антонов: 280 километров в длину шел канал. Это и был лагерь.

Мэтр Изар: Мы представим суду деньги, которые имели хождение в этом лагере. Это было государство в государстве.

Антонов: Мы каналами соединяли озера. Целые города строили.

Мэтр Гейцман просит рассказать свидетеля о чистке в Никополе.

Антонов дает имена арестованных и вычищенных инженеров. Сперва исчез Хатаевич, после него — Марголин. С ними исчезли все их товарищи, все их родные.

Мэтр Гейцман: Что вы знаете о Татьяне Черновой, которую «Лэттр

Франсэз» собирались выписать из России на процесс, называя ее «третьей женой Кравченко»?

Антонов: Она была агентом НКВД, как и ее сестра. Она никогда не была замужем за Кравченко. Я знал ее лично. Она руководила группой секретных сотрудников в нашем Драматическом театре. Режиссером был Макавейский, его жена играла, ее звали Мерцалова. Чернова за ними следила.

Председатель объявляет перерыв.

Антонов выходит, на глазах у него слезы. Жена его, ожидавшая на лестнице, вытирает ему их платком.

Инцидент

После перерыва Антонова опять вызывают к барьеру. Ему читают ноту советского правительства, обвиняющего его в военных преступлениях, и спрашивают, что он может на это возразить. Там он назван агентом Гестапо, о нем говорится, что он присутствовал при расстрелах, что присвоил себе добро расстрелянных, и торговал им.

Председатель: У нас нет его досье. Он только свидетель. И даже время всех этих происшествий нам в точности неизвестно. Пусть ответит покороче.

Антонов: Это очередная ложь советской власти.

Неожиданно выясняется, что Антонов живет вовсе не в американской зоне, где, как говорил мэтр Норманн, никаких серьезных чисток не было, а во французской зоне. (Движение в публике.)

Мэтр Гейцман: Вас допрашивали французы? Назовите кого-нибудь из контрольной комиссии.

Антонов: Полковник Рош.

Мэтр Изар делает выводы из этого показания.

Оказывается, французы чистили лагерь Ди-Пи в своей зоне, да еще в присутствии представителей советской власти! Тем самым окончательно необоснованным он называет обвинения советской ноты, предъявленные всем свидетелям.

Адвокат «Л. Ф.» Матарассо считает, что, если Антонов при немцах мог путешествовать с багажом по железным дорогам, то он явно — коллаборант.

Мэтр Гейцман: Меня самого перевозили из лагеря в лагерь в Германии, и у меня был багаж! Что же, я тоже был коллаборант?

Из дальнейших показаний Антонова выясняется, что немцы его препроводили сначала в Шаково, а потом в Бреславль, и что в 1914 году он был на фронте... — во Франции!

Мэтр Нордманн: А мы знаем другое...

Мэтр Изар: «Лэттр Франсэз» получают сведения прямо из советского посольства!

Но в это время полковник Маркие желает очной ставки со свидетелем.

Полк. Маркие уже выступал. Это — глава репатриационной миссии в Москве, отозванный французским правительством после ликвидации Борегара. Он выходит из зала к барьеру и становится рядом с Антоновым.

Мэтр Изар (громко): Он вовсе не полковник! У него нет никакого права!

Маркие желает спросить Антонова, знал ли он в Днепропетровске коллаборантов, военных преступников?

Антонов: Нет. Вам их лучше знать.

Маркие: Что это за комиссия? Что это за полковник Рош?

Антонов: Полковник Рош — наше начальство до сих пор!

Маркие протестует: Все это ложь!

Мэтр Изар: Я заметил, что все, что делают французы, Маркие называет ложью. Он не имеет права! Он должен идти на свое место!

В это время Вюрмсер бросается вперед и кричит что-то. Мэтр Изар и мэтр Гейцман отвечают, все адвокаты встают со своих мест: вокруг Антонова и Маркие, которые продолжают стоять в центре, начинается горячий спор, слышны ругательства.

Кравченко: г. председатель, обратитесь к французским властям и вы все узнаете...

Но Вюрмсер опять кричит что-то и Кравченко бросается к нему. Жандарм преграждает ему дорогу.

Кравченко (Вюрмсери): Вы получаете документацию из советской полиции, а я из французской зоны!

Все кричат. Мэтр Изар требует, чтобы Маркие ушел.

Председатель считает, что очная ставка кончена. В общем шуме Антонова отпускают.

Жена Антонова

Маленькая блондинка, жена Антонова, рассказывает об аресте своего первого мужа. Он был коммунист, выдвиженец. Но это не помогло. Он погиб во время чистки. Она тоже была арестована, как жена инженера. Тюрма была полна «жен». Она перечисляет Матвеева, Марголина, Филиппова, — всех, кто стоял во главе треста, и кто был арестован и сослан.

Затем идет потрясающий рассказ о сидении в тюрьме, о том, как три женщины спали на одной узкой кровати, как водили на допросы, как отправляли детей в детдома.

Мэтр Нордман: Это все пропаганда наци!

Мэтр Изар: Вы же знаете, откуда она. Вам даны документы.

Кравченко: Слушайте, слушайте!

Антонова перечисляет еще погибших: Вишнева, Крачко, Акулова...

Кравченко: Имейте мужество слушать до конца!

Антонова продолжает трагическую повесть своей жизни. Когда пришли немцы, она была одна и ей не к кому было пойти, не с кем посоветоваться. В это время она познакомилась с Антоновым.

Нордман: А как вы оказались здесь?

Антонова: Мы написали мэтру Изару, когда узнали, что будет процесс.

Мэтр Изар: У нас 5 000 таких писем получено!

Васильков и его семья

Следующий свидетель — Васильков. Сейчас он на костылях, а в начале процесса его привезли на носилках. Это — громадный мужчина с яркими синими глазами. В начале января он сломал себе ногу.

Он работал на Трубостали и видел чистку инженеров. Некто Иванченко был так популярен, что, чтобы его арестовать, его пришлось вызвать в Москву — рабочие бы не допустили его ареста в Харькове. Он тоже называет длинный список фамилий: Стрепетов, Щепин, Манаенко... Семьи услали в Сибирь или просто выгнали из домов и квартир.

— Это все были выходцы из рабочего класса, — говорит он, — а не люди царского режима.

Сам Васильков — сын священника, профессора Духовной Академии. Отца его несколько раз арестовывали, затем, в 1937 году, когда ему было 74 года, его сослали. Мать умерла с горя. Одна сестра (всех сестер было пять) уехала разыскивать отца и ее арестовало ГПУ и сослало. Другая сошла с ума от горя. Третью выгоняли отовсюду за непролетарское происхождение и она умерла, в конце концов. Четвертая пропала без вести... Пятая покончила с собой.

Вюрмсер, слушая этот рассказ, весело смеется.

Председатель: Не над чем смеяться! Все это совершенно не смешно.

Мэтр Изар: Вы неприличны. Вас интересует нужда только тогда, когда она на вашей стороне.

Вюрмсер: Она всегда на нашей стороне!

(Публика угрожающе гудит.)

Вюрмсер (к публике): Кагуляры!

Мэтр Изар: Немножко уважения к чужим несчастьям. Вы не всегда были того мнения, что теперь: Морган подписывал коллективные письма вместе с Абель Бонаром и Леоном Додэ.

Отвечая на вопрос мэтра Гейцмана, Васильков рассказывает о вечном страхе, об условиях каторжной жизни, о слежке НКВД. Политических разговоров вовсе не было, а если бывали, то только с глазу на глаз, с другом, которому можно было довериться.

Мэтр Нордманн: Был ли Кравченко директором завода? Переводчик переводит вопрос адвоката.

Васильков отвечает: большого цеха (1800 чел. рабочих).

Кравченко считает, что переводчик не уточнил: идет ли разговор о

Сибири или о Харькове? Он делает замечание переводчику. Г. Меликов обижается и уходит.

Завтра г. Андронников вновь вступает в свои обязанности, к большому удовольствию обеих сторон.

Заседание закрывается в 7 часов.

Четырнадцатый день

Заседание суда начинается в 1 ч. 30 м. Председатель Дюркгейм вызывает свидетеля со стороны Кравченко. Это — Лебедь, Ди-Пи, приехавший из Германии.

Приговоренный к смерти

Лебедь — последний свидетель из длинного ряда Ди-Пи, свидетельствовавших по делу Кравченко.

Председателем и адвокатами Кравченко получены десятки писем с предложением выступить на процессе.

Г. Дюркгейм оглашает письмо литовского министра, у мэтра Изара в руках письмо от крупного польского военного...

Но процесс и без того затянулся, и потому суд решает ограничиться уже назначенными свидетелями, не вызывая новых.

Лебедь начинает свой рассказ: в 1939 году военный суд в Харькове приговорил его к расстрелу.

— Я сын железнодорожного рабочего, — говорит Лебедь, — начал свою карьеру с должности машиниста. Был членом партии и, как таковой, под контролем НКВД, устраивал в железнодорожных мастерских и на станциях встречи знатных иностранных гостей. Мастерские украшались цветами, рабочим раздавалась новая спецодежда. Иностранцев встречали торжественно, а после их отъезда новая спецодежда отнималась и все приходило в прежний вид.

Вот почему никто из иностранцев понятия не имеет о том, что происходило и происходит в СССР.

В 1937 году я был арестован. Это было время чистки на железных дорогах. Донецкий район долго держался, но и до него дошла очередь. Директора дороги Яковлев, Любимов, были вызваны в Москву. Когда они вернулись, начались аресты. Начальник НКВД Кочергинский арестовал из 45 000 рабочих около 1 700. Их судил железнодорожный суд.

Председатель: Что такое железнодорожный суд?

Лебедь объясняет, что при каждой крупной железнодорожной сети имеется учреждение, которое ведет следствия и выносит приговоры.

Мэтр Нордманн: При царе было то же самое!

Адвокаты Кравченко протестуют.

Мэтр Нордманн: Когда вы говорите «НКВД», то это по-французски значит — министерство внутренних дел. Во Франции имеется то же самое.

(Публика шумно протестует.)

Мэтр Гейцман объясняет разницу: министерство внутренних дел во Франции не судит и не выносит приговоров.

— Меня арестовали без всякого права на то, — продолжает Лебедь. —

Только в 1939 году я узнал, что арест был незаконным. Меня били, заставляли признать вину, которой я за собой не знал. Мне давали подписать бумагу, говоря: здесь немного, всего три-пять лет! Отработаешь, возвратишься. Но я не подписал. Тогда судебный следователь меня бросил в подвал.

Председатель: Следователь или полиция?

Мэтр Гейцман объясняет, что это в России делает судебный следователь. Лебеда предупредили, что, если он будет упорствовать, жена его также будет арестована. Тогда он бумагу подписал, даже не прочтя ее.

В марте 1939 года состоялся суд. Военный трибунал Харьковского округа вынес приговор: расстрелять.

Председатель: За что же?

Лебедь: Ни за что. Вынесли приговор по статьям 54–11, 54-7 и 54-8 — участие в контрреволюционных организациях, попытке свергнуть советскую власть, вредительство.

Далее свидетель переходит к рассказу о своем тюремном сидении, о болезнях, о паразитах. В один прекрасный день трибунал пересмотрел свое решение и постановил выпустить Лебеда, но тем не менее он все оставался сидеть. Несмотря на полную реабилитацию, он был выпущен только в мае 1941 г., за месяц до войны, совершенно больным:

Мэтр Изар: Вот какой суд в СССР!

Мэтр Нордманн: Но-но, не преувеличивайте!

Мэтр Изар: Это не мы преувеличиваем, это НКВД преувеличивает, моему!

Мэтр Гейцман просит свидетеля рассказать о голоде на Украине.

Лебедь: В 1932—33 гг. я состоял членом «эпидемической тройки». (Движение в зале.) Мы работали в Славянске по борьбе с тифом. Ежедневно убирали трупы из вагонов, с улиц, с путей, в это время государство начало продавать хлеб в свободных государственных лавках: по карточкам он стоил 70 коп. кило, а в этих лавках 2 р. 80 к. Люди умирали иногда в очередях.

Внезапно председатель обращается в сторону ответчиков:

— Почему вы все время смеетесь? Это, наконец, несносно! Все это не смешно. Я устаю смотреть на вас. Перестаньте смеяться.

Мэтр Матарассо начинает задавать вопросы: когда свидетель ехал в Германию? Что делал во время оккупации? Что делал в Германии?

Лебедь: Так голодал, что ходил в поле и выкапывал морковь...

Мэтр Изар: Он коллаборировал морковью!

Мэтр Нордманн: Он не вернулся в СССР!

Мэтр Изар: Если бы он вернулся, то он не был бы здесь.

Лебедь: Я прошел четыре контрольных комиссии, из них последнюю — в присутствии советских делегатов. Я ни на какие инсинуации гг. адвокатов отвечать не буду. Благоволите обратиться в эти комиссии. Не желаю отвечать этому НКВД (показывает рукой на мэтра Нордманна и др.)

Мэтр Нордманн: Мы не НКВД. Он нас оскорбляет.

Мэтр Изар: Ничуть. Вы и есть НКВД. От кого, как не от вас, узнало советское правительство о свидетеле Антонове? Вы — полицейские осведомители.

Начинается сильный шум. Все кричат одновременно.

Кравченко неподвижно следит за спором адвокатов.

Мэтры Гейцман и Изар нападают на своих противников, те пытаются возражать.

Председатель требует тишины.

Допрос Лебеда закончен.

Еще одно мнение

Г. Ланг, выступавший уже свидетелем со стороны «Лэттр Франсэз», председатель союза комбатантов (пленных и сосланных), коммунист, находящийся в зале, просит слова. Он выходит к барьеру и сообщает суду, что имеется три рода Ди-Пи: первые сидели в лагерях смерти, вторые — вывезенные на трудовые работы и третьи — коллаборанты. По его мнению, все русские свидетели, показывавшие за Кравченко, принадлежат к третьей группе.

Мэтр Гейцман: Мне написали несколько писем бывшие пленные и сосланные. Выходит, что вы вовсе не председатель... И вообще не имеете никакого права говорить от имени комбатантов.

Г. Ланг, заявив, что в его организации насчитывается 8 000 000 членов, оскорбленный, возвращается на свое место.

Интермедия

К свидетельскому барьеру выходит некто Иарелли, почтенных лет француз, рекомендуящий себя «репрезентан де коммерс». Живой, с красочными жестами, с речью, пересыпанной словами «арго», он сообщает, что всю жизнь был учеником Ленина, Троцкого и Плеханова, знал революционеров еще до первой войны, когда они готовились перевернуть мир.

— Я не какой-нибудь правый, — говорит он, — и я умею говорить по-русски.

Осенью 1944 года ему случилось познакомиться в Экс-ан-Прованс с одной красноармейской частью. У него перебивало около ста русских в доме. Все — молодцы ребята, называли его «папашей», и он их очень любил. Одно его удивляло, никто из них не хотел ехать домой!

— Я им говорю, господин председатель, что же это вы, а? А они мне: не выдавайте, папаша, нельзя ли как-нибудь у вас, во Франции, устроиться. Ах, ты черт! Вот так история...

В публике — хохот и его едва слышно, но он не смущается и повышает голос.

— Когда я узнал, что вот его (показывает на Кравченко) критикуют, я сейчас же решил: надо выступить. Книга — первый сорт. Красноармейцы именно такое и рассказывали. Я — старый революционер, работал для красных испанцев. Но в России жить нельзя. Это каждому дураку ясно.

Председатель его отпускает и объявляет перерыв.

Вдова Гейнца Неймана

После перерыва слово предоставляется женщине, еще молодой, небольшого роста, говорящей по-немецки. Это — немецкая коммунистка, вдова погибшего в России Гейнца Неймана, члена германского Политбюро и члена (до войны) Коминтерна.

Ее свидетельство было выслушано залом с напряженным вниманием, и надо сказать правду: это свидетельство стоило десяти лет антикоммунистической пропаганды!

Г-жа Нейман живет сейчас в Стокгольме. Она писательница. В 1921—26 гг. она была членом германского комсомола, с 1926 по 1937 г. состояла членом германской компартии. До 1931 года ее муж состоял членом Коминтерна, затем за уклоны был отстранен. Уклон его заключался в том, что он готов был вести с Гитлером любую борьбу, Сталин же требовал бороться с Гитлером только на «идеологическом» фронте. «Если Германия будет национал-социалистической, — говорил Сталин, — то Европа ею займется и нас оставит в покое».

Нейман и его жена были сначала посланы в Испанию, затем эмигрировали из Германии в Швейцарию. Отсюда они были высланы и очутились в Москве в 1935 году. Они жили там, как в тюрьме. За ними следили. Муж ее был на подозрении, считался непокорным.

В 1936 году его вызвал в Коминтерн и допросил Дмитров, тогдашний секретарь Коминтерна. Ему предложили написать книгу, в которой он бы признал все свои ошибки, но он отказался.

В 1937 году Нейман был арестован. Только через восемь месяцев жена его узнала, что он находится на Лубянке. Но она его не видела и больше никогда о нем не слыхала. Саму ее арестовали в 1938 г. Она рассказывает о ночных допросах, о сестре Уншлихта, о чтении приговора (пять лет лагеря), о поездке в Казахстан.

— Я увидела лагерь. Он был величиной с две Дании, — говорит она. — Я подала жалобу. За это меня посадили в специальный отдел, где было еще строже.

Мэтр Блюмель (адвокат «Л. Ф.», единственный — не коммунист, член социалистической партии, бывший директор кабинета Леона Блюма): Это был вовсе не лагерь. Это была просто ссылка. Как может лагерь быть таким большим? Но г-жа Нейман объясняет, что, хотя не было стен, но была стража, нельзя было общаться, нельзя было выходить дальше, чем за

полкилометра. Она подробно рассказывает о четырех разных кухнях лагеря — одним готовилась еда получше, другим похуже; о трудовых нагрузках, о карцерах.

Наконец, наступил январь 1940 года. По советско-германскому пакту всех германских подданных советы обязались вернуть Германии. За нею приехали, вместе с другими женщинами она попала на пересылочный пункт, где ее одели во все новое, хорошо накормили и даже парикмахер причесал ее. После этого 30 человек были посажены в вагон. Поезд тронулся. Они не могли поверить, что едут в Германию, где каждому из них угрожали репрессии.

На границе они увидели первых «эс-эсов».

Немецкий рабочий, ехавший с ними, приговоренный заочно немецким судом за принадлежность к компартии, и венгерский еврей отказались перейти границу. Их силой потащили через мост. Они были немедленно застрелены немцами. Когда по листу вызывали фамилии, сказали: не может быть, что вы жена Неймана. Вы просто агент Коминтерна. Она немедленно была отвезена в Равенсбрук, где просидела до апреля 1945 года.

Мэтр Нордманн: Когда вас освободили русские! Вы должны были быть им благодарны.

Г-жа Нейман: сказать правду, когда они подошли близко, я бежала из лагеря.

Мэтр Блюмель: Мне трудно себе представить, но я хотел бы уточнить, что такое советский лагерь? Мне кажется, это такая зона... С чем бы сравнить?

Мэтр Изар: Я думаю, что сравнить это ни с чем невозможно. У нас такого не имеется.

Мэтр Нордманн (упорно): Ее освободила красная армия! Кроме того, я знаю коммунистов, которые считают ее мужа предателем, — я очень извиняюсь!

Г-жа Нейман: Его считают предателем сторонники Сталина.

Начинается опять довольно сильная перестрелка между адвокатами.

Мэтр Изар кричит: Вам на это нечего сказать! Эти показания для вас убийственны!

Председатель отпускает свидетельницу и водворяет тишину.

Последний свидетель Кравченко

Последний свидетель Кравченко — молодой моряк Федонюк.

Плавая вокруг берегов Европы и Азии, он постепенно стал задумываться над тем, да так ли уж хороша советская власть? Медленно, упорно сравнивая жизнь у себя на родине и жизнь за границей, он пришел к заключению, что «Сталин и его помощники обманывают русский народ». Расстрелы без суда, ссылки, вечная нехватка хлеба, все это, видимо, до последней степени опротивело ему и он остался в Испании, где отсидел в тюрьме, а затем был переслан в Танжер.

Председатель: Он, значит, как бы в оппозиции?

Мэтр Нордманн: Он просто дезертир!

Мэтр Изар: Оппозиция там невозможна. Он остался здесь.

Федонюка отпускают.

На часах — семь. Следующее заседание — в понедельник, 28 февраля. Адвокаты ответчиков готовятся задавать Кравченко вопросы.

Пятнадцатый день

Вступая в шестую неделю процесса Кравченко, можно приблизительно предугадать, когда именно он окончится.

Во вторник, 1 марта, будет обсуждаться манускрипт книги «Я выбрал свободу». 2 марта будут, вероятно, выступать особые «свидетели нравственности», т. е. люди, знавшие гг. Моргана и Вюрмсера во время резистанса.

На будущей неделе начнутся речи адвокатов.

Из Лондона, в спешном порядке, был вызван в пятнадцатый день процесса Эвлет Джонсон, пастор и старшина Кентерберийский. В черных гетрах и в целлулоидном воротничке, 74-летний представитель англиканского духовенства, сотрудник коммунистической газеты «Дэйли Уоркер», в 1 ч. 20 м. вышел к свидетельскому барьеру.

Нагрудный крест патриарха Алексия

Джонсон несколько раз бывал в России и провел там три месяца после последней войны. Им написаны три книги о Советском Союзе.

— Если Кравченко сказал правду, — заявляет Джонсон, — то я лгал. (Смех в зале). — Если же я сказал правду, то лгал он.

Прежде всего, Джонсон считает, что Сталин, в описании Кравченко, совершенно «непохож». Затем он заявляет, что в СССР ему позволяли бывать всюду и он видел решительно все.

— Я видел всех главарей русской церкви, — говорит Джонсон. — Они были все довольны свободой, в которой живут. Я присутствовал на выборах армянского католикоса, куда меня доставили на аэроплане. Я видел главного раввина, я видел главу баптистов. Я сидел на торжественном месте. Все мне клялись, что церковь в СССР свободна. Патриарх Алексий подарил мне вот этот нагрудный крест (показывает).

Затем переводчик читает собственноручное письмо патриарха Алексия Джонсону, в котором тот выражает восторги по поводу его последней книги.

— Я, как инженер (?), пастор и моралист, предугадал исход войны, — говорит Джонсон. — Я был и в колхозах, где видел шестнадцатилетних детей, которые не работают, а учатся.

Мэтр Изар: Сколько в английском парламенте коммунистов?

Джонсон: Два.

Мэтр Изар: «Дэйли Уоркер», в котором вы сотрудничаете, 1 ноября 1948 года (поместив вашу фотографию) напечатал вашу статью, в которой вы утверждали, что настоящих патриотов в Англии только двое! (Смех!)

Джонсон: Я горжусь этим.

Мэтр Изар: Почему вы не поддержали кардинала Миндсенти, вместо того, чтобы нам рассказывать о ваших встречах с патриархами всех религий?

Джонсон: Я не вижу связи этого вопроса с процессом.

О Чаплине, Левине и Лайонсе

После этого начинаются вопросы Кравченко.

Адвокаты ответчиков приготовили их около полусотни. Кравченко, заявивший, что он сегодня «в хорошем настроении», предупреждает, что будет отвечать на них, если они не будут «полицейскими».

Мэтр Матарассо: Каких лиц видел Кравченко между тем моментом, как ушел из советского посольства и тем, как дал интервью в американские газеты? Виделся ли он с Чаплиным?

Кравченко: Я уже сказал раньше, что отвечу на этот вопрос после того, как получу разрешение от родственников этих людей.

Матарассо: Когда Кравченко познакомился с Чаплиным?

Кравченко: В апреле 1944 года.

Матарассо: Был ли Чаплин при том, как давалось интервью?

Кравченко: Да, как корреспондент «Нью-Йорк Таймс». Всего было 5–6 интервьюеров. Это делалось без шума и рекламы.

Матарассо: Чаплин служил переводчиком во время интервью?

Кравченко: Нет. Текст был заранее заготовлен. Я только роздал его.

Матарассо (раздраженно): Но кто же был переводчиком?

Кравченко: А вот этого-то я вам и не скажу! Чаплин с тех пор умер. Мы только теряем время даром, говоря об этих вещах. Давайте говорить лучше о живых, чем о мертвых.

Матарассо: Газета «Пост Меридиан» (близкая к коммунистам) указывала, что Чаплин — друг Керенского, известного врага советской власти.

Кравченко: Это мне все равно. А вот русский текст моего интервью находится в редакции «Нью-Йорк Таймс» — оттуда вы можете его затребовать. Знакомство Чаплина с Керенским — их личное дело.

Матарассо: Когда Кравченко познакомился с Исааком Дон-Левиним?

Кравченко: Копия показаний Дон Левина находится в деле, Мэтр Изар тоже оглашал ее.

Матарассо: Жил ли Кравченко у Дон-Левина? У него есть дом за городом.

Кравченко: Что у него есть — это его дело. Его и спросите. Вы доказываете этими вопросами ваше убожество.

Мэтр Изар: Вы просто хотите спросить, очевидно, был ли Кравченко «секретным американским агентом», как писал Сим Томас? Так и

спрашивайте! (Смех.)

Матарассо: Сотрудничал ли Кравченко с Дон-Левиным?

Кравченко: Я уже все сказал, и г. Матарассо все знает. Вам не удастся этими вопросами отвлечь меня от существа дела.

Мэтр Гейцман напоминает, что суть всего дела, причина процесса — статья Сима Томаса, напечатанная «Лэттр Франсэз», где Кравченко изображен «дураком и невеждой». (Смех.)

Кравченко: Мне не на что отвечать: это мое дело, с кем я сотрудничал и сколько кому платил.

Матарассо: В июле 1944 г. Кравченко напечатал статьи в «Космополитэн Магазин» вместе с Дон-Левиним. Когда они работали вместе?

Председатель: Ну, не все ли вам равно?

Кравченко: Мы занимаемся моей книгой, а не статьями. Какое вам дело?

Матарассо: Сколько в этих статьях писали вы и сколько Дон-Левин?

Кравченко: Вы просто теряете время!

Матарассо: В сентябре 1944 г. «Новое Русское Слово» в Нью-Йорке писало о Кравченко, что, он «живет на вилле видного русского эмигранта и пишет книгу». Это была вилла Дон-Левина?

Кравченко: Эта газета оказала нечаянную услугу советской полиции. Я написал в эту газету опровержение. Ни у какого «крупного эмигранта» я не жил. Кстати, газета почерпнула свои сведения из монархического источника. А, кроме того, Дон-Левин — не русский эмигрант.

Председатель (к Матарассо): Куда вы клоните? Мне кажется, это было бы всем нам интересно знать. Предположим, что он был друг Дон Левина. Что же это доказывает?

Матарассо: Статья в «Америкэн Меркури» в октябре 1944 года была ваша?

Кравченко: Не помню. Да это было и не в октябре!

Матарассо: Ну, не в октябре, так в другое время.

Кравченко: Зачем же вы сказали «в октябре»? Вы плохо ведете вашу роль. Разве я не вправе был напечатать статьи, где хотел? Потом я их частично использовал для своей книги.

Меня не интересует, что вы, например, делали до этого процесса и что будете делать потом. Меня интересует сейчас диффамация Сима Томаса.

Матарассо: В 1945 году прошел слух, что Лайонс, известный американский журналист, был автором вашей книги. Послали ли вы в газеты опровержение?

Кравченко: Когда я слышу о себе какие-то слухи, я не пишу опровержений. «Лэттр Франсэз» утверждала обо мне ложь в статье Сима Томаса, тогда я начал процесс. На слухи я не реагирую. Кто вообще реагирует на сплетни?

Матарассо: Но «Дэйли Уоркер» перепечатал это сообщение.

Кравченко: Я «Дэйли Уоркер» читал два раза в своей жизни. Больше не читаю.

Председатель (к Матарассо): Неужели вы думаете, в самом деле, что все это так интересно?

Матарассо: Но знакомы ли вы с Лайонсом?

Кравченко: Да, я познакомился с ним в июле 1944 года.

Матарассо: О Лайонсе, как об авторе вашей книги, было в прессе.

Кравченко: Но вы, т. е. Сим Томас, не говорили в вашей диффамационной статье о Лайонсе. Зачем же столько сейчас о нем говорить?

Мэтр Изар: Что Лайонс, меньшевик, что ли? Сим Томас писал, что книгу Кравченко написали меньшевики. (Смех.)

Кравченко: Нахальство моих противников не имеет границ. Кто здесь обвиняемый?

Вюрмсер (кричит с места): Он — инструмент!

Мэтр Изар: А вы не инструмент, что ли?

Сильный спор адвокатов. Слышен голос Изара:

— Не вы судите здесь, а мы судим.

Перестрелка приобретает весьма острые формы. Чтобы успокоить всех, мэтр Изар начинает читать письмо г-на Марка Хиной, живущего в Америке с 1912 года, натурализовавшегося в 1922 году. У него в доме жил Кравченко, работал над своей книгой. Ему г. Хиной сдал комнату с пансионом. В письме указывается, что Кравченко был честен, аккуратен, скромнен, трудолюбив и т. д.

Матарассо: Мы хотели бы знать, как и когда был Кравченко допрошен американской полицией?

Кравченко: Зачем он меня об этом спрашивает, честно говоря?

Матарассо: Мы хотели бы знать, как и где его охраняли?

Мэтр Изар: Его охраняли, и хорошо делали. Вспомним некоторые случаи... Троцкий, например...

Матарассо повторяет свой вопрос.

Председатель: Он уже вам ответил «нет». (Смех.)

Кравченко: Пусть г. Матарассо обратится к американской полиции. Да, я был ею опрошен через 3–4 дня после моего ухода из посольства. Вы

хотите знать, какой у меня паспорт? Палата представителей обсуждала мою натурализацию, но сенат еще не обсудил ее. У меня есть документ, по которому я живу. Америка — свободное государство. Никто ни разу не спросил меня о паспорте в этой стране. В СССР без документа нельзя переехать из одного города в другой. У меня же «право жительство» еще то, которое мне выдали, когда я был на службе в советском посольстве. (Сенсация в публике.)

Адвокаты «Л. Ф.» продолжают свои вопросы. В них идет речь о средствах Кравченко к существованию, о его статьях, напечатанных в свое время в различных американских газетах, об его отце...

Председатель: Я позволю себе заметить вам... Мне кажется, что довольно вопросов.

Но адвокаты продолжают дальше. Они, видимо, либо слишком бегло прочли книгу Кравченко, либо ее забыли, потому что на большинство вопросов отвечено уже в книге, о чем председатель им все время напоминает.

Мэтр Изар: Если вы припасли какие-нибудь новые советские документы, то обнародуйте их! Это ускорит дело.

Но адвокаты «Л. Ф.» никаких документов не предъявляют.

«Я вернусь в освобожденную Россию»

После перерыва возобновляются вопросы, которые мэтры Матарассо и Брюгье ставят Кравченко. Мэтр Нордманн отсутствует — не то по болезни, не то изучает рукопись, и его отсутствие чрезвычайно заметно: меньше яда, меньше злобы, но зато и меньше силы.

Матарассо и Брюгье делают упор на ничтожных мелочах, которые сердят председателя и вызывают скуку в зале.

Долгий разговор происходит по поводу друга Кравченко, Карнаухова. Адвокаты упрекают Кравченко в том, что он «не все написал» в своей книге, или «не так написал». Или находят, что главы книги не совпадают со статьями, напечатанными в газетах, или что «можно было написать иначе».

Кравченко по поводу всего готов рассказать подробности, которые он в свое время упустил, «иначе книга была бы в десять раз длиннее». Так, он рассказывает о случае изнасилования студентами нищенки.

Адвокаты желают затем говорить о показаниях, которые Кравченко давал комиссии по расследованию антиамериканских действий.

Мэтр Изар: Мы будем отвечать только на вопросы о книге.

Матарассо: Он лгал этой комиссии. Его будут преследовать в Америке за ложные показания!

Мэтр Изар: Вы — НКВД, я уже это сказал. Где ваш Сим Томас?

Матарассо: Пусть он ответит о своих показаниях комиссии!

Кравченко: Я буду отвечать только по поводу книги.

Вюрмсер: Завода, о котором он говорил комиссии, не существует!

Мэтр Изар: Это ваш Сим Томас не существует!

Опять — перестрелка адвокатов.

Вюрмсер (кричит): Назовите завод!

Мэтр Изар: Покажите нам Сэма Томаса!

Адвокаты Кравченко указывают на ошибки французского перевода книги, разговор переходит на тему о совнаркоме.

Мэтр Брюгье: Я хочу задать еще один вопрос: свидетелю Колыбалову Кравченко обещал «сорвать голову», когда он вернется в Россию. Как Кравченко думает вернуться в Россию?

Кравченко: Я верю, что вернусь в освобожденную Россию, иначе моя жизнь не имела бы смысла. Я верю в то, что мир вздохнет свободно. В этом смысл моей борьбы. Для вас Россия — машина, для меня — в России важен человек.

Брюгге: Я знаю, как он надеется «освободить» Россию: он — человек войны! Но французский народ не пойдет воевать за Кравченко!

Право задавать вопросы Кравченко переходит к его адвокатам.

Мэр Гейцман просит его рассказать суду о всех должностях, которые он когда-либо занимал, и Кравченко рассказывает свою жизнь, начиная с 1920 года. Это продолжается более часа, после чего заседание закрывается.

Шестнадцатый день

Вторник, 1 марта, был днем рукописей — манускрипт книги «Я выбрал свободу» появился на столе регистратуры.

Адвокаты Кравченко несколько раз подчеркнули, что не обязаны были предъявить суду этот документ, но, по доброй воле, его предъявляют.

«Дело» это состоит собственно из русской рукописи (18 глав из 28-ми), из американского перевода, с исправлениями, как Кравченко, так и его переводчика, из фотокопий, из большого количества корректурных гранок, тоже с многочисленными исправлениями.

Зал суда снова переполнен, как в самые важные дни. Среди публики снова — иностранные послы, французские писатели (среди которых Жан-Поль Сартр, Артур Кэстлер, Симон де Бовуар, Эльза Триоле и другие известные лица.

Прежде, чем дать слово Кравченко и выслушать историю написания им своей книги, мэтр Изар просит суд выслушать очередную корреспонденцию о процессе, напечатанную в «Литературной Газете».

Как известно, в «Правде» только что, с чрезвычайной грубостью, было заявлено о зависимости министра внутренних дел, Жюля Мока, от американского доллара.

Теперь, грубейшей бранью советская газета раздражается по поводу французской прессы и особенно — агентства «Франс-Пресс». Три представителя этого агентства, сидящие в первом ряду мест для журналистов, шумно выражают по этому поводу свой восторг.

История написания книги

Виктор Кравченко встает и начинает свой рассказ. Г. Андронников его переводит. Автор «Я выбрал свободу» чрезвычайно подробно и обстоятельно повествует о времени, месте и способе написания своей книги.

— Манускрипт мною предъявлен суду, — говорит он, — между прочим, не для удовлетворения моих противников, которые желали его видеть, но для того, чтобы послужить делу, то есть — благу моей родины. Я принес его сюда из уважения к суду и к французскому общественному мнению.

Кравченко поясняет, что манускрипт не полный, что отдельно имеются главы более подробные, что в манускрипт входят страницы, в книге не использованные, которые он надеется использовать в будущем для второй своей книги. (Движение на скамье ответчиков.)

— Я начал работать над всем этим еще в России. Я точно тогда не знал, что мне пригодится и что нет. Я прошу вспомнить, что настроение Америки, когда я все это писал, было не то, что сейчас. Я мог быть выдан СССР. Шла война. У меня не было друзей, или почти не было. Я был беден, я не знал языка. С тех пор столь многое изменилось... Но я не приписываю себе заслуг, которые мне не принадлежат: заслуга того, что переменилось отношение к СССР, принадлежит самому СССР и его политике.

Я работал в Нью-Йорке, в Детройте: сначала меня переводил г. Маламут (переводчик книги Троцкого о Сталине. — Н. Б.). Когда было переведено около 500 страниц рукописи, мы предложили ее издательству Харперса, но оно отказало. После этого Маламут бросил перевод. Я с трудом уплатил ему и обратился к Скрибнеру. Это издательство, после того, как просмотрело русский текст моей книги, приняло ее к изданию. Я получил аванс, подписал договор.

У меня появился второй переводчик, а также «редактор», т. е. человек, исправлявший отчасти переводчика. Когда книга была переведена до конца, я обратился к другому человеку, который мне ее снова перевел (устно) на русский язык, чтобы узнать, насколько точен был сделан американский перевод. Этим человеком был Бернар Никольский. Редактора же и переводчика я называть не желаю.

Бюрмсер: Ага! Ага!

Мэтр Изар: Разве вы говорили в вашей диффамационной статье о

«редактировании» книги? Вы, кажется, говорили о ее написании другим лицом?

Кравченко: Таким образом, имеется первая, вторая, третья редакции и корректуры. Первоначально я хотел назвать книгу «Измена ли это?» Так начал свою речь однажды депутат сената Патрик, и мне понравилось это. Но потом я решил назвать книгу «Я выбрал свободу». Все это я говорю для суда и общественного мнения Франции, а не для этого зоологического сада (широкий жест в сторону ответчиков. Смех в зале.).

Изар оглашает письма из Америки и Европы

Первым оглашается свидетельство эксперта, проф. Санье. Он сделал анализ чернил и пришел к заключению, что рукопись написана, по крайней мере, год или полтора тому назад, никак не меньше. Следовательно, она не «сфабрикована» для процесса.

Вторым идет письмо Ивана Лодыженского, переписавшего рукопись на машинке по-русски. Третьим по очереди — письмо Бернарда Никольского, который пишет, что работа была очень трудная, Кравченко был чрезвычайно требователен и педантичен и вмешивался буквально во все.

Мэтр Изар: Он, кажется, дрался с ним по телефону.

Председатель: Мы это себе хорошо можем представить!

Четвертое показание — издателя Скрибнера, который сообщает, что поправок в корректуру было столько, что Кравченко пришлось заплатить отдельно за слишком многочисленные исправления.

Пятое показание — В. М. Зензинова, который рассказывает о своем знакомстве с Кравченко в Нью-Йорке в 1944 году, о том, как Кравченко начал писать свою книгу, как читал ему некоторые страницы и даже продиктовал ему кое-что.

Председатель: Кто этот г. Зензинов?

Нордманн: Это адъютант Керенского.

Зензинов пишет, что много и по существу говорил с Кравченко о его книге.

Шестым идет показание Эльзы и Конрада Штейнигер. Оба они приехали из России в Америку в 1939 году и, узнав, что Кравченко порвал с советской властью, предложили ему приехать к ним жить и писать свою книгу. Он это и сделал. Живя у Штейнигер, в Детройте, Кравченко на виду у своих домохозяев, работал сутками над своей книгой. Они оба видели ее в рукописи, читали ее и обсуждали.

Седьмое показание принадлежит г. Раскину, у него Кравченко тоже жил, когда писал «Я выбрал свободу».

Восьмое показание — Д. Ю. Далина. Он встречался с Кравченко в 1944—45 гг., бывал у него, видел рукопись и ее в отрывках читал.

Последнее показание — престарелой Анжелики Балабановой, адресованное в газету «Попюлэр». Балабанова (находящаяся сейчас в Италии) была в Нью-Йорке в то время, когда Кравченко писал свою книгу,

она видела его работу и просматривала рукопись.

Все эти свидетельства даны под присягой.

После этих показаний и показания самого Кравченко, впечатление создалось такое, что для успеха в Америке вовсе не обязательно писать книгу вдвоем, непременно в сотрудничестве с американским журналистом, как утверждали «Латтр Франсээ». Но адвокаты ответчиков нашли необходимым задать свои вопросы.

Выводы Нордманна

Мэтр Матарассо: Вы обращались до Скрибнера еще в разные издательства?

Кравченко: Возможно, что за меня обращались в одно или два.

Мэтр Изар: Американский агент, которого не хотели издавать!

Мэтр Нордманн: Помогал ли вам кто-нибудь писать вашу книгу?
(Ропот в зале.)

Кравченко: Я уже сказал, что писал ее сам.

Мэтр Изар: Я жду от вас диверсии. Вы — маньяк диверсии!

Кравченко: Он опять сейчас начнет играть краплеными картами.

Мэтр Нордманн: Аванс был получен для вас и для переводчика?

Кравченко молчит.

Нордманн: Для двух соавторов?

Кравченко пожимает плечами.

Мэтр Нордманн (достаёт страницу рукописи с пометками): Для кого эти пометки?

Кравченко: Они были сделаны для меня самого.

Нордманн: Но тут написано в повелительном наклонении.

Эксперт «Лэттр Франсэз» перевел неверно: г. Андронников поясняет, что глагол стоит не в повелительном, а в неопределенном наклонении.
(Движение в зале.)

Председатель: Я должен заметить, что г. Кравченко все время остается хозяином положения!

Кравченко: Я отвечаю на все. Я ничего не оставлю без ответа.

Но мэтр Нордманн считает, что находится «в самой сердцевине процесса».

— Мы докажем, что все, что Кравченко сейчас сказал, есть ложь!

Женский голос из публики: Вы сами лжец!

Председатель требует вывести даму. Жандарм ее выводит.

Мэтр Нордманн: Я делаю три вывода из всего, что было сказано: первый — текст манускрипта, предъявленного нам, не есть текст книги. Второй — рукопись не принадлежит Кравченко, и третий — фотокопии рукописи есть попытка фальсификации.

Мэтр Изар вскакивает. Вюрмсер не дает ему говорить. Все одновременно кричат.

Кравченко: Морган, дайте холодной воды Вюрмсеру!

Мэтр Нордманн: Мы докажем, что в рукопись были позже вписаны антисоветские вставки!

Председатель: Значит, по вашему, Кравченко менее антисоветский человек, чем американцы? (Смех.)

Нордманн: Часть рукописи написана по старой орфографии...

Кравченко внимательно слушает в переводе весь этот спор. Он почти все время улыбается и кажется очень уверенным в себе. Иногда он делает заметки на листе бумаги — он собирается отвечать по пунктам, когда адвокаты ответчиков и их эксперты кончат говорить.

Председатель объявляет перерыв.

Экспертиза Владимира Познера

Перед тем, как, после перерыва, выслушать эксперта «Л. Ф.», г. Познера, председатель дает Кравченко сказать несколько слов по поводу выводов Нордманна.

— Вы лжец и вводите в заблуждение французский суд, — говорит Кравченко. — Вы бросаете тень и на меня, и на моих адвокатов, обвиняя нас в фальсификации. Вот главы, которых не хватало в деле — они были у эксперта трибунала. Они идентичны с копиями.

Владимир Познер выходит к свидетельскому барьеру. Присягать его не просят, так как он не свидетельствует, а выступает со стороны «Л. Ф.», как ими приглашенный эксперт.

Мэтр Изар: Присягать ему ни к чему. Это — их человек!

Познер, все время шевеля пальцами перед своим лицом, словно играя на невидимом кларнете, объясняет французскому суду, что разница между манускриптом и книгой доказывает, что эти две вещи были написаны двумя разными людьми, иначе говоря, рукопись Кравченко была дополнена «меньшевиками», вдохновлена американскими журналистами и только после этого появилась в свет.

Мэтр Изар: Значат, вы считаете, что рукопись все-таки Кравченко?

Познер мнется. Но, видимо, он считает, что первоначальная работа была сделана Кравченко.

— Текст рукописи скромнее текста книги, — говорит он. — В книге все было приукрашено, усилено, тени резче, характеры очерчены рельефнее, и пристрастие чувствуется на каждом шагу.

Председатель делает из ладони рожок у уха, голос эксперта едва слышен, монотонно и пространно объясняет, что там, где в рукописи стоит «два человека», в книге напечатано «два коммуниста», где в рукописи «я шел», в книге — «я ехал».

Председатель: И это все?

Познер: Нет, у меня еще есть двадцать пять примеров. И сто в другом роде.

Он усмотрел в русской рукописи «гривуазные» места, которых в американском переводе нет. До этого несколько раз говорилось, что «советский гражданин Кравченко» не мог написать гривуазных сцен, что это, несомненно, приписали ему американцы «для коммерческого успеха книги». Теперь выходит — наоборот.

Познер рассуждает, как человек, сам никогда ничего не написавший, хотя за ним, как говорят, числится несколько книг (не считая разных переводов). Он считает, что если часть рукописи написана карандашом и часть пером, то это подозрительно: что, если есть страницы без исправлений, то они фальсифицированы. Он говорит о стиле «а» и стиле «б». Стиль «б» — несомненно, стиль «меньшевицкий».

Председатель: Манускрипт был несколько романсирован. Это несомненно. Но кто же это сделал?

Познер: Стиль «б», это стиль русских эмигрантов, долго живущих в Америке. Кравченко не мог сказать: «стейк», он бы сказал «бифштекс», как говорят русские из России.

Кравченко: В России нет ни бифштексов, ни стэйков. (Смех в зале.)

Председатель: Вы все-таки допускаете мысль, что Кравченко участвовал в написании своей книги?

Познер: В известной мере.

По словам эксперта русские эмигранты придали книге «антисоветский» вид. На все эти темы он говорит около двух часов, в течение которых зал постепенно пустеет. Наконец, показания его окончены. Заседание тем самым тоже — так как уже больше семи часов, и второй эксперт, м-ль Годье, принуждена будет выступить завтра.

Неожиданный скандал

Все встают со своих мест. Адвокаты подходят к столу присяжных.

Мэтр Нордманн и мэтр Изар одновременно хватаются за рукопись. Начинается шумный спор: кто сохранит эти папки до завтра?

Председатель (к Нордманну): Г. Кравченко не обязан был доставлять рукопись суду. Он добровольно это сделал. Она была в ваших руках больше недели. Я считаю, что мэтры Изар и Гейцман могут ее взять до завтра.

Нордманн повышает голос. Вюрмсер, Морган и все их адвокаты хором требуют рукопись. Слышны голоса: «он сделает в ней подчистки», «Он внесет поправки», «Он выдернет листы».

Мэтр Изар настаивает, предлагает, в крайнем случае, оставить ее на сутки в регистратуре.

Председатель обращается к прокурору.

Прокурор считает, что суд не вправе отказать Кравченко получить обратно свою рукопись.

Председатель (решительно): Я передаю ее мэтрам Изару и Гейцману. Вы даете слово, что Кравченко не изменит в ней ничего.

Адвокаты отвечают согласием. В эту минуту Вюрмсер и Морган отпускают какое то замечание, которое не доходит до публики, но доходит до председателя. Он встает... сильно покраснев, и грозно объявляет во всеуслышание:

— Никогда за двадцать с лишним лет работы моей в магистратуре я не был свидетелем такого возмутительного недоверия к чужому слову. Где мы находимся? Что же, вы думаете, что они будут копаться^[5] в этих страницах? Побольше уважения, господа, к тому, что здесь делается!

И с силой отодвинув кресло он выходит в сопровождении судей.

В кулуарах, среди журналистов, циркулировала шутка, что «пробный приговор уже был сегодня объявлен».

Семнадцатый день

В среду, 2 марта, должно было закончиться разбирательство дела Кравченко и на понедельник, 7 числа, назначены были прения сторон. Но экспертиза г. Познера еще не кончена. Его утверждения кажутся адвокатам Кравченко несколько голословными, и они просили его их уточнить.

Поэтому в понедельник, суд вернется еще раз к обсуждению рукописи. Возможно, что к концу заседания, начнутся речи.

Заседание семнадцатое началось продолжением речи г. Познера, который накануне не закончил своих выводов касательно манускрипта книги «Я выбрал свободу». О стиле «а» и «б» он выскажется, с примерами в руках, лишь в понедельник. Сейчас же он возвращается к рукописи, как таковой.

Еще экспертиза Познера

— Она не была напечатана — говорит Познер, — в таком виде, в каком нам ее дали. Над ней была в свое время совершена работа, о которой Кравченко не говорит, и которая сделала из нее книгу. Она полна поправок, которые набросаны чужой рукой, но ведь невозможно было диктовать поправки! Антисоветские места в ней подчеркнуты и затем в книге развиты. Если в рукописи мы читаем «невинные люди», то в книге мы уже встречаем «сотни тысяч невинных людей».

Познер говорит довольно долго, при полупустом зале.

Председатель берет в руки переданный ему экземпляр книги Кравченко, где красным карандашом отчеркнуты места, которых в рукописи нет.

Председатель: Их вовсе нет в рукописи?

Познер (после колебания): Их нет в этом месте.

Председатель: Мне все равно, в каком они месте. Я хотел бы знать, фигурируют ли они в рукописи где-нибудь?

Познер (запинаясь): Но там, где говорится совсем о другом...

Председатель: Словом, они имеются, но не в этой главе!

(В публике движение).

Познер говорит и о Сталинабаде-Ашхабаде, и о старой орфографии, которой написаны некоторые слова: Кравченко не мог писать по старой орфографии.

Председатель настаивает на этом пункте, который кажется ему довольно существенным. Но через минуту выясняется, что дело идет не о букве «ять» и не о твердом знаке, а о «зс» и «ее» в таких словах, как «рассказывать».

Познер: Я плохо выразился вчера...

Забрав с собой рукопись, эксперт выходит из зала, чтобы продолжить ее изучение.

Последние эксперты

Второй эксперт, Тереза Годье, учительница русского языка французской школы, некрасивая, немолодая дама. Она считает, что текст рукописи Кравченко «не спонтанейный».

Она сделала открытие: фотокопии не всегда соответствуют оригиналу. Красноречия у нее не много, она несколько раз говорит не то, что надо: «простите, я ошиблась», «ах, нет, я не ошиблась!» «да, я ошиблась».

Публика, которая скушает, придирается к случаю и смеется.

Председатель: По вашему, фотокопии сделаны не с рукописи, а с американского текста?

Но свидетельница боится ответить на такой вопрос утвердительно, это может завлечь ее довольно далеко. И ее отпускают.

Последним экспертом по рукописи выходит г. Зноско-Боровский, переводчик «Лэттр Франсэз», советский патриот. Он тоже занимался сравнением рукописи и фотокопий.

— Страница? Издание? — спрашивает Кравченко. — Пожалуйста, говорите точно, я хочу, чтобы все это осталось в стенограмме.

Зноско-Боровский указывает на разницу двух текстов...

В это время возвращается с папками Познер, и они оба вместе дают свое заключение.

Кравченко: Вы сегодня радуетесь, чтобы умереть в понедельник!

Сегодня он возражать экспертам не собирается, он ждет, чтобы Познер закончил свои изыскания в области стиля «а» и «б».

Документы via prague

Так как «свидетелей нравственности» «Л. Ф.» еще нет, мэтр Нордманн просит слова.

— Нас спросили вчера, — говорит он, — нет ли у нас советских документов? Да, они у нас есть, и настал момент их предъявить. Первый документ, впрочем, не советский, а американский. Это статья Джорджа Себиэса, автора книги «1 000 американцев», в «Нью-Йорк Пост» от 1946 года. Из нее следует, что Евгений Лайонс, о котором говорилось вчера, как о возможном авторе книги Кравченко, был разоблачен в военном американском журнале «Старс энд Страйк», как наци: в архивах генеральных штабов Германии и Италии были найдены его писания. Во время оккупации статьи Лайонса перепечатывались во французском журнале «Сигнал». Вот, кто был автором книги Кравченко!

Кравченко: Плохая у вас защита, Нордманн!

Нордманн: Затем идут советские документы: первый относится к управлению Кравченко завода в Кемерово. Этот завод никогда не существовал. Он был только в проекте. Кравченко имел под своим началом... семь человек!

Председатель: Но это же были не рабочие? Вероятно, это были директора и старшие инженеры?

Нордманн: ничего не было! Никакого строительства! Был только проект.

Он вынимает из шапки документ, вернее — копию документа, полученную из СССР, и читает текст, из которого следует, что Кравченко получал 11 000 рублей в месяц (все удивлены): один раз в этом документе он назван «директором завода», другой раз — «старшим инженером».

Мэтр Гейцман вскакивает, торжествуя, но мэтр Изар его тянет за рукав: они сохранят этот камень за пазухой до понедельника.

Далее мэтр Нордманн оглашает справку о судимости Кравченко (по делу о растрате).

Председатель: Это все есть в его книге.

Нордманн читает о приговоре, о кассировании дела. Кравченко не отбыл наказания только потому, что был призван на военную службу.

Кравченко: Вы теперь сфабриковали этот документ. Где оригинал? Все было не так.

Брюгье читает справку о воинской повинности, снова поднимается

вопрос о Харьковском университете, о дезертирстве, оставлении закупочной комиссии. Документ о комиссии подписан Руденко.

Мэтр Изар: Ну, конечно, генерал все еще в Париже!

Ничего нового, кроме подтверждения, что Кравченко был назначен в свое время на высокий пост, эти «документы» не дают.

Мэтр Изар встает и просит две минуты внимания.

— В последний день дебатов, — говорит он, — нам преподносят новые документы. Вы сносите с правительством другой страны и можете от него получить все, что хотите от него получить, все, что вы хотите! И это есть лучшее доказательство, что Кравченко говорит правду, потому что ни на какие другие его утверждения вы опровержений не принесли! Вы могли их достать сколько угодно — все советские учреждения открыты вам. Но у вас нет ничего серьезного, что вы можете противопоставить его книге... Кстати, я должен сказать два слова об одном из ваших свидетелей.

Изар вынимает два письма. В свое время коммунистический депутат д'Астье де ля Вижери сказал, что, если бы книга Кравченко появилась в 1944 г. в Алжире, он бы арестовал его и уверен, что все члены алжирского правительства сделали бы то же самое. Одно письмо, полученное Изаром, подписано Ле Трокером, социалистом и бывшим министром. Он пишет, что никогда бы он Кравченко не арестовал. Второе письмо — Андре Филиппа. Этот последний не только пишет, что Кравченко мог бы свободно в Алжире издать свою книгу, но также добавляет, что, если бы д'Астье его арестовал, то был бы немедленно из министерства «выгнан».

— И это не правые, это левые люди пишут!

Вюрмсер: Вы называете социалистов — левыми?

Изар: Нет, я забыл, что по вашей терминологии, это гидры империализма.

Объявляется перерыв.

Демократия — что дышло!

После перерыва появляются три «свидетеля нравственности»: известный писатель Жан Кассу (женатый на сестре Вюрмсера), бывший министр Ив Фарж, ныне близкий к коммунистам, и небезызвестный Пьер Кот, «друг СССР».

Ни одному из них не ставится ни одного вопроса. Мэтры Изар и Гейцман слушают их совершенно равнодушно, адвокаты ответчиков — с подобострастным восторгом. (Ни г-жа Марти, ни г. Жолио-Кюри свидетельствовать не явились).

Кассу, которого Брюгье отрекомендовал не только, как писателя, но и как друга Жана Зея, считает, что Кравченко «служил врагу», «хотел разделить союзников».

Фарж произносит слово во славу «моих дорогих друзей», которые не испугались пойти против пропаганды Геббельса. Он тут же выражает свое мнение о том, как ведется процесс, за которым он следит по газетам.

Пьер Кот был в России несколько раз. Он считает, что 100 процентов населения стоит за власть, что культурный расцвет там — небывалый. Он поехал в Грузию, так как сам из Савойи и хотел взглянуть на страну, схожую с его родиной. Население было счастливо, все было действительно очень похоже на Савойю, только дороги были хуже.

— В каждой стране — своя демократия. В Англии — выбирают префектов, у нас их назначают, но и Англия, и Франция — демократии. В России — свой режим, там не так, как у нас, но тоже демократия. Книга Кравченко — однобока и пристрастна. В России все довольны правительством, которое позволило народу победить фашизм.

В 5 час. 15 мин. заседание закрывается.

Восемнадцатый день

Процесс Кравченко идет к концу. В зале исправительного суда, где до сих пор разбирались дела об украденных велосипедах или о драке двух соперниц, и где ныне слушается самое большое дело о диффамации, какое когда-либо пришлось разбирать французскому суду, снова переполнены все скамьи — публика, адвокаты, журналисты до самого последнего дня с затаенным дыханием будут слушать этот процесс, о котором пишут все газеты мира. Начались речи, близится заключение прокурора (которое, как говорят, будет коротким), близится приговор, о котором гадают в кулуарах...

Восемнадцатый день принес окончание судебного разбирательства. Оно было закрыто председателем в понедельник, 7 марта, в 6 час. дня, когда начались прения сторон.

«Свидетель нравственности» г. Жолио-Кюри

Заседание начинается с показаний Жолио-Кюри, известного ученого, директора Института атомной энергии, нобелевского лауреата и коммуниста.

Небольшого роста, невзрачный, худой, он начинает с того, что воздаст должное «смелости, таланту и честности» редакторов «Лэттр Франсэз». Жолио-Кюри был в России три раза: в 1933, 36 и 45 гг. и «старался книгу Кравченко читать беспристрастно». Он понял, что она неверна особенно тогда, когда узнал, как героически вели себя резистанты во время немецкой оккупации. Об ужасах лагерей в СССР написано в ней с единственной целью — принести ущерб престижу СССР.

Особенно возмутили ученого главы о Харькове: он сам был в Харькове и видел там среди студентов и профессоров огромный энтузиазм. Все критиковали действительность безбоязненно, указывали на ее слабые стороны. «Когда Кравченко говорит об „обскуратизме“ советов, то это просто смешно», — сказал Жолио-Кюри.

— Я видел в Харькове замечательную школу: в нее посылали учиться всех первых учеников. Это была школа вундеркиндов. Она помещалась в каком-то дворце. Профессора тоже были самые лучшие. Я говорил с учениками...

Председатель: Вы говорите по-русски?

Жолио-Кюри: Нет, но переводчиком был тоже ученик, ему было 13 лет. Он не мог быть подослан нарочно. Он говорил со мной об атомной энергии. Что случилось с этими детьми? — спрашивает Жолио-Кюри. — Это все должны были стать замечательные люди. Но нам с женой неизвестно, где они теперь.

— Книга Кравченко — грязная книга, — продолжает ученый. — Он критикует мелкие недостатки, как, например, недействующие уборные. Сам он из рабочих стал инженером, при царе это было невозможно. Ева Кюри (сестра жены ученого) тоже написала книгу о СССР. Ее книга — беспристрастна. (Следуют длинные цитаты из книги Евы Кюри.) Рацион хлеба был в России во время войны огромным.

Председатель: Но только хлеба!

Жолио-Кюри: Ева Кюри говорила о том, что, благодаря процессам была уничтожена пятая колонна. А теперь Кравченко создает «климат войны». Этот климат похож на то, что мы уже видели в 1938—39 гг. (Ропот

в публике.)

После чтения еще нескольких длинных цитат из книги родственницы Жолио-Кюри, ученый кончает свои показания.

Не совсем понятно было, почему был приглашен он сам, а не его свояченица?

Д'Астье де ля Вижери оправдывается

Депутат д'Астье де ля Вижери, уже дававший суду свои показания, просит, чтобы его выслушали еще раз.

Ле Трокер и Андрэ Филипп письмами заявили, что, будучи во французском алжирском правительстве, они никогда бы не арестовали Кравченко, если бы он не в Америке, а в Алжире «выбрал свободу».

Возражения депутата на эти письма довольно бледные. Он напоминает, что у французов были всякие недоразумения с Рузвельтом и Черчиллем, но никогда не было недоразумений со Сталиным. Он говорит, что при де Голле в Алжире существовала цензура, и Кравченко не позволили бы дать свое интервью; что коммунисты в резистансе играли первую роль: что в Алжире арестовывали многих, которые сеяли рознь между союзниками (например, либанского президента.) Что касается выражения «гениальный вождь» в применении к Сталину (о чем писал в своем письме Ле Трокер), то впервые это имя было дано ему... Леоном Блюмом и самим де Голлем (?). Повторив несколько раз одно и то же, д'Астье умолкает.

Мэтр Изар: Здесь у нас сегодня парламентские дебаты! Говоря короче: два человека из алжирского правительства с вами не согласны, а вы сказали: если хоть один найдется, то я неправ. Комментарии излишни!

Разведка г. Нордманна

Прежде, чем дать Кравченко высказаться о рукописи и ответить экспертам «Лэттр Франсэз», мэтр Блюмель читает письменные показания, полученные ответчиками.

Английский королевский советник, депутат палаты общин Притт, шлет им свое сочувствие.

Г. Вермер пишет, что «мировая реакция всегда обвиняет СССР в грехах, которыми грешит сама».

Г. Лир (из Бельгии) рассказывает, что ему говорил один американский журналист (?) о школе пропагандистов в Америке, где обучаются агитаторы, которые затем работают против СССР. В этой книге, как пишет Лир, был в свое время и Валтин. О Лайонсе он говорит, как о бесспорном авторе книги Кравченко.

Поль Вьено сообщает, что Вюрмсер и Морган — это Габриэль Пэри (коммунист, погибший от руки Гестапо), а Кравченко — Дорио и Абец.

Американский адвокат Кинг, специалист по иммиграции в Соединенные Штаты, утверждает, что правительство Америки никому не дает виз на выезд, кто путешествует под чужим именем. Между тем, мэтр Нордманн добыл из «Эр Франс» список пассажиров того дня: когда приехал Кравченко, он действительно путешествовал под именем Павла Кедрина.

Председатель: Не хотите ли вы сказать, что Кравченко никогда уже в Америку не сможет вернуться?

Мэтр Нордманн: Нет, но все это была протекция!

Мэтр Изар: Как пломбированный вагон Ленина!

Кравченко: У Нордманна исключительные полицейские способности.

Мэтр Изар: Кравченко, выходит, по-вашему, не только американский агент, но и французский?

Нордманн: В этом французское правительство следует за американским. (Ропот в публике.)

Мэтр Гейцман: Откуда вы достали список пассажиров «Эр Франс»?

Нордманн: Этого я вам не скажу.

Гейцман: Тогда я прошу копию этого документа.

Ответ Кравченко экспертам

— Спасибо Нордманну за беспокойство о моем будущем, — начинает Кравченко свою речь, — и за объяснение американских законов. Все документы, оглашенные ответчиками, лишнее доказательство тому, что коммунистическая опасность велика в Америке и во Франции. Иначе Нордманн все эти документы достать бы не мог.

Г. Познер, экспертизируя мою рукопись, не нашел в ней многих страниц, которые потом оказались в книге. Я уже сказал, что я представил суду 700 страниц, а вот еще — 400, полученных из Америки вчера. Все это сделано мной по доброй воле, я не был обязан это делать. Все это написано от руки. Материалы о НКВД — собраны особо. Их я не могу дать на руки, так как из них составитя частью моя вторая книга. И эта вторая книга будет звонкой пощечиной советскому режиму и его деятельности за границей.

Познер сказал, что книга моя более антисоветская, чем моя рукопись. Это неверно. Жизнь под кремлевскими тиранами и сравнение Сталина с Гитлером — все это есть в рукописи. Если я не убедил вас (в сторону ответчиков), то это потому, что у вас извращенный вкус кремлевских обезьян. (Смех в публике.)

Я писал, что советский режим мало чем отличается от фашистского режима. Если взять приговор нюрнбергских процессов и заменить имена немецкие именами советскими, то все можно оставить на месте — все будет верно. Говорить, что я самого себя представил в книге более важной персоной, чем в рукописи, тоже неверно.

Вы плохо читали, г. Познер! Вы плохо читали ваше дело! Вы игнорировали все, что я сказал о том, как я писал свою книгу.

Мэтр Матарассо: Кто был ее редактором?

Мэтр Изар: Не мешайте ему говорить!

Кравченко: М-ль Годье видела 8 листов из 700. Она говорила о несовпадении фотокопий с рукописью. М-ль Годье хочет лишить меня права писать, как я хочу, и о чем я хочу. Если гг. Нордманн и Матарассо пишут без помарок, то это — большие таланты. К сожалению, талантов-то за ними мы до сих пор и не заметили.

Тут Кравченко переходит к существу дела. Он передает председателю переводы нескольких листов своего манускрипта, где переведены и разобраны не только все без исключения слова, но и зачеркнутые места —

то, что делают обычно специалисты с рукописями Пушкина в России, Шекспира в Англии и Гете в Германии.

Председатель долго изучает листы. Эти листы были у м-ль Годье, и Кравченко желает доказать, что все в них — соответствует книги.

Г. Андронников переводит почти безостановочно: председатель держит теперь в руках книгу, переводчик читает перевод рукописи той страницы, за которой следит председатель.

Таким образом Кравченко поясняет около десяти мест, которых, по Познеру, не было в рукописи. Часть листов — была в руках у экспертизы, часть, присланная только вчера, им незнакома. Этим способом Кравченко выясняет довольно много неясных мест, в частности, место об Орджоникидзе.

— Вы три дня ввали, — говорит он Матарассо, — дайте мне теперь говорить.

Адвокаты ответчиков все время прерывают Кравченко, говоря, что листы, которые переводит г. Андронников, у них в руках не бывали. По ним, Орджоникидзе выходит покровителем и другом Кравченко.

Познер пытается взять какой-то лист, но Кравченко кричит:

— Я потом вам дам! Не трогайте ничего!

Председатель: Во всяком случае, вы можете сделать анализ чернил. Если чернила употреблены больше года тому назад, то спора, конечно, быть не может.

Мэтр Изар: Есть многое, чего мы не дадим читать: это материалы для второй книги.

Кравченко: Г. Познер, подойдите сюда!

Познер, сидящий на скамье адвокатов ответчиков, не двигается.

Председатель: Мне не очень нравится вся эта группа: эксперты, адвокаты, ответчики — все друг с другом шепчутся. Пусть эксперты идут на свои места. Да они и не эксперты. Это ваши эксперты. (Познер уходит вглубь зала).

Председатель (который знает книгу Кравченко наизусть): Теперь мы перейдем к «пассажу дяди Миши».

Кравченко читает «пассаж дядя Миши». Познер становится рядом с ним.

Председатель: Есть в рукописи об этом?

Познер (мнется): Тут одна фраза...

Переводчик читает по рукописи. Тексты почти совпадают.

Кравченко переходит к вопросу о новой орфографии: он учился до революции русской грамоте, а после, в университете, все науки

проходились по-украински. Он мог ошибаться.

— Если вы проэкзаменуете Романова или генерала Руденко, то я окажусь, наверное, грамотнее их!

Вся эта часть заседания требует от судей чрезвычайного внимания: надо ясно себе представить процедуру: Познер показывал по-французски, имел дело с русским текстом; Кравченко перевели по-русски стенограмму этих показаний. Теперь он возражает на них по-русски, г. Андронников переводит их по-французски. Но суд терпеливо слушает и «пассаж дяди Миши», и «пассаж Саши», и «пассаж Фромана».

После перерыва, Кравченко продолжает доказывать, что рукопись и книга — одно и то же. Адвокаты ответчиков, время от времени поднимают шум, говоря, что эти листы у них в руках не были.

Мэтр Нордманн: Мы не можем работать в таких условиях!

Мэтр Изар: Я ничего никогда вам не обещал.

Наконец, Кравченко заканчивает:

— Эту книгу писал я сам, даю в этом честное слово. Я писал и буду писать, а вам предстоит решить, кто в этом процессе прав... Весь мир смотрит на вас. Взгляды всего свободного человечества обращены к вам. Прошу трибунал вывести решение во имя справедливости и свободы.

Матарассо и Познер хотят еще поговорить о «пассаже Орджоникидзе».

Кравченко: Вы все лжете! Я уже говорил об этом, а вы сидели и молчали.

Познер: г. председатель, я кажется, лучше знаю этот манускрипт, чем г. Кравченко, который говорит, что написал его. Он не может найти некоторых мест и что-то долго ищет.

М-ль Годье выводят к барьеру, но она оказывается не нужна.

Председатель прекращает обсуждение рукописи.

Слово предоставляется мэтру Гейцману.

Речь мэтра Жильбера Гейцмана

Речь мэтра Гейцмана продолжалась всего час и будет продолжаться завтра. Сегодня она разделена была на две части: первая — фактическая и вторая — юридическая. В фактической части, мэтр Гейцман блестяще обрисовал сущность дела:

— Почему не откроются границы, чтобы, наконец, поехать в эту страну и на деле узнать, что правда и что неправда? — воскликнул он в самом начале своей речи. — Как было бы просто решить вопрос!

Статья Сима Томаса, диффамационные статьи Вюрмсера и (почти все анонимные) статьи Моргана были Гейцманом анализированы чрезвычайно детально.

«Дурак. Пьяница. Неспособный. Интриган. Преступный тип. Продажный человек.» — вот в чем заключается диффамация Кравченко.

«И подумать только, что профессор Байе сказал об авторах этих статей, что они рассуждают, как историки. Неужели он хотел посмеяться над судом?» — иронизирует Гейцман, лукаво и умно блестя живыми глазами на широком, подвижном лице.

— Кравченко просто хотели замарать. Это их тактика — грязнить врага, — заключает он и переходит к юридической основе дела.

Он цитирует законы о диффамации, рассказывает суду, как и когда начато было дело и были вызваны свидетели, и напоминает, что истец не должен ни объявлять своих свидетелей, ни сообщать своих документов. Факт диффамации, по его мнению, налицо. Но, кроме факта, есть еще злая воля, есть дурное намерение — и это, быть может, наиболее важная сторона процесса.

В семь часов вечера заседание закрывается.

Конец речи мэтра Гейцмана и речь мэтра Изара — во вторник.

Девятнадцатый день

Накануне, в понедельник, 7-го марта, мэтр Жильбер Гейцман начал свою речь. Весь день вторника был посвящен окончанию его речи, которая длилась четыре часа, и началу речи мэтра Жоржа Изара, длившейся два часа.

Эти две речи были двумя образчиками французского красноречия, в самой совершенной его форме: Гейцман, спокойно, искусно, упорно, хитро, жестоко, плел сложную паутину вокруг «Лэттр Франсэз», основанную на точных данных; он перебрал в своей речи весь процесс, с его истоками, с его свидетелями, с его документами.

Мэтр Изар — в блестящем, умном, очень «человеческом», ярком словесном фейерверке, говорил о личности истца, о его книге, которая есть выражение этой личности.

Зал слушал с затаенным дыханием. Ответчики молчали. Кравченко, следя за французской речью адвокатов, был весь напряженное внимание.

Политики, христиане и профессора

Мэтр Гейцман поделил свидетелей ответчиков на несколько групп. О каждой из них он нашел слова убийственные, уничтожающие. Отличительная черта этих свидетелей — их принадлежность к коммунистической партии.

«Почему среди них не было человека, который сказал бы: я против коммунизма и против „Лэттр Франсэ“, но я должен сказать — книга Кравченко — вредная книга! Почему все эти профессора, христиане и политики принадлежали к партии или сочувствовали ей?»

— Мы не можем забыть, — сказал Гейцман, — что партия для тех, кто в ней состоит, находится выше всего: выше правды, выше справедливости, выше идеи, выше присяги. Партия диктует им все. И пусть нам не говорит Сим Томас, что Кравченко «использовали немцы», когда самих редакторов «Лэттр Франсэ» используют коммунисты.

Мы хотим точных слов! Когда Кравченко говорит об обскурантизме в СССР, а Жолио-Кюри говорит, что обскурантизма там нет, то этот последний хочет сказать, что там есть образцовые школы, но мы знаем, что есть вещи, которым в школах не научаются. Этот же Жолио-Кюри удивляется, что Кравченко «говорит о грязи», но кто, как не Маленков, в июне 1941 года, говорил о грязи на заводах, на строительствах и призывал рабочих и инженеров к чистоте и порядку? Было время, Жолио-Кюри протестовал против советско-германского пакта (следует цитата), а сейчас он, став коммунистом, его оправдывает.

«Полковник» Маркие выступал в Эльзасе и уверял, что пленных французов больше в России нет, но все знают, что это неправда!

Противоречия убивают свидетельства наших противников: у Тома одно отношение к власовцам, у Ланга — другое.

Генерал Пети считает Кравченко дезертиром, а Пьер Кот говорит, что об этом не может быть и речи. Но что такое генерал Пети? Это — благодарный человек: с ним полчаса разговаривал сам Молотов и теперь ему служит. Впрочем, что будет через два месяца? Будут ли «Л. Ф.» так же рьяно говорить о Молотове, как сегодня? (Смех.)

Нам говорили, что, благодаря процессам, в СССР не было коллаборантов. Но почему же тогда троих наших свидетелей называли «военными преступниками»? Уж, если на то пошло, то они не «военные преступники», а только возможные обвиняемые... Но русскому суду эти

тонкости непонятны.

Это процесс — диффамационный. Мы не судим здесь правительство дружественной страны. Мы не судим здесь Кравченко, как мужа и семьянина. Горлова в свое время лгала ему — пусть тот, кто не способен разлюбить женщину за ложь, бросит в него камень!

Христианский свидетель цитировал здесь невозвращенца Корякова, говоря, что этот человек осуждает Кравченко за его книгу. Мы уже читали статью этого автора о Кравченко — он считает «Я выбрал свободу» книгой правдивой и честной. И о. Шайе тоже сказал нам об этом свое мнение. Что до «белого» Говорова, то неужели «Л. Ф.» не чувствуют, что это-то и есть настоящий предатель? До чего можно дойти, чтобы вызвать Говорова свидетелем в таком процессе!

Перед нами прошли профессора. От проф. Брюа летят щепки от одного вида свидетельницы Ольги Марченко! Профессор Баби и депутат Гренье вообще были не свидетели, а скорее — разновидность ответчиков, потому что они говорили «мы». Тут перевирались цифры населения СССР. Не будем говорить об этих цифрах, скажем только, что перепись 1937 года была уничтожена и была произведена другая, в 1939 году, потому что первая перепись была признана «не созвучной», и часть людей, которые занимались ею, была «вычищена» безвозвратно.

И вот перед нами появились «эксперты» — Познер, Куртад, Эрман. Все они говорили разное. Мы слушали их и недоумевали: где же обвинения, которые возвел на Кравченко пресловутый Сим Томас? Нам дали Зинаиду Горлову. Увы, не в нравах нашего французского суда слушать разведенную жену, которая свидетельствует против своего бывшего мужа.

Наконец, явились московские чиновники. Они присягали говорить «всю правду», но на наши вопросы о чистках, о невозможности переписки с Россией, о многом другом, они отвечали, что говорить об этом не считают нужным. Это ли «вся правда», господа Руденко и Романов, Василенко и Колыбалов?

А когда появились Цилиакус, Кан и инженер Жюль Кот, то уж тут мы просто недоумеваем: они все трое льют воду на нашу мельницу. Дайте их нам! Из их показаний мы делаем нужные для истца выводы.

Наши свидетели

Но вот я представляю суду новый документ: это письмо матери Кравченко, написанное ему в Америку, в 1943 году. Она пишет об ужасах немецкой оккупации, а теперь мы знаем, как она переживала эти годы.

Наши свидетели — не дают своих мнений, но рассказывают точные факты! Этим они отличаются от свидетелей ответчиков. О, они иногда были многоречивы, русские говорят часто слишком подробно, но как же иначе?

Ведь люди, которых мы вызвали сюда, страдали слишком много и слишком долго, чтобы умолчать о деталях — им хочется все рассказать французскому суду.

Это люди-мученики, и они глубоко пережили все ужасы, о которых нам передали в бесхитростных, искренних показаниях.

Их называют коллаборантами. Но это ложь!

В декабре 1945 года была резолюция ООН, в которой было установлено, что такое «депортация» и кто может называться «Ди-Пи». И право было Кэ д'Орсе, когда на советскую ноту о выдаче Пасечника, Кревсуна и Антонова ответило: это не наше дело, это дело администрации союзных зон в Германии. Туда надо было обращаться несколько лет тому назад...

Им ставилось в вину бегство от красной армии. Я сам был пленным и знаю, что, когда наступали союзники, лагеря эвакуировали на восток, а когда наступали русские, лагеря эвакуировали на запад. Ловкачи успевали сесть в поезд. За это нельзя их упрекать — каждый делает что может в тяжелые минуты жизни. И когда каждого свидетеля из Германии адвокаты «Лэттр Франсэз» спрашивали одно и то же (где был в Германии? почему там оказался?), то, мне кажется, у последних свидетелей было время придумать что-нибудь, зная, что их будут об этом спрашивать, но они ничего не придумывали и говорили правду, не боясь.

Пусть Вюрмсер отправит в Москву новый список военных преступников — всех наших свидетелей! Мы не изменим нашего мнения о них.

Здесь был Муанэ герой «Норманди-Неман», и он рассказал нам о СССР в войне. Почему «Л. Ф.» не пригласило сюда других героев этой эскадрильи, если она не верит Муанэ? Потому что других, думающих иначе, не нашлось.

Когда наш свидетель Борнэ показывал, его упрекнули, что он был за Петэна, а не за де Голля. Но можно ли было быть за де Голля, когда в Москве сидел посол Петэна, а советский посол — сидел у Петэна в Виши? (Движение в зале.)

Мы видели здесь г-жу Лалоз. Мы видели Ольгу Марченко и жену Неймана. Из этих двух женщин одна была крестьянка, другая — писательница. Их одних было бы достаточно для того, чтобы потрясти сердца. И, однако, передо мной 2 600 страниц стенограммы. Процесс длится девятнадцатый день.

Для кого он не ясен, я не знаю.

Мне говорят, Кравченко — предатель. Но вы забываете, господа, что этот человек рисковал и рискует жизнью. Он меняет имена и будет еще долго их менять. От него потребовали явиться на процесс, и он явился. После убийства Троцкого позволено окружать себя телохранителями и путешествовать под чужим именем. Опыт нас этому научил.

Цена иска

Затем мэтр Гейцман переходит к возражениям по пунктам: он говорит и о растрате на заводе, и о приказе Меркулова, и о кассации дела Кравченко, и о документе, который доставлен был защите из Москвы. Он касается Ашхабада-Сталинабада, знакомства с Орджоникидзе, Харьковского института, «документа Молотова» и работы в Совнаркоме. На все это он отвечает с исчерпывающей полнотой.

— Вы упрекали Кравченко, что он себя в книге возвеличил. Нет, это вы его преуменьшили! Вы лгали на него, вы облили его грязью.

Мы просим возместить нам моральный и материальный ущерб. Мы просим десять миллионов франков. Один символический франк нас не удовлетворит, потому что «Л. Ф.» должны почувствовать, что такое быть наказанным.

Вы заработали на Кравченко, господа, вы можете заплатить эту сумму! — восклицает иронически мэтр Гейцман. — Вы продаете ваши романы, г. Вюрмсер, на которых книготорговцы теперь клеят надпись: «книга противника Кравченко», а ваша фамилия печатается мелким шрифтом. (Смех.)

Ваша газета, в которой вы продолжаете клеветать на Кравченко, ищет все новых и новых подписок. Помните, у Домье: «Дайте мне еще пять су и я скажу, что у вас парша!» Так вот и вы. Вы стали знаменитостями, благодаря Кравченко, до этого вас никто не знал. Платите же за это! И не говорите, что Кравченко продавал свою книгу лучше, благодаря процессу, — он бы все равно распродал ее.

Клод Морган должен бы понять, что человек меняется, эволюционирует, что Кравченко свободен из инженера стать политическим человеком. Морган сам не всегда был тем, чем стал теперь. В 1935 году он был единомышленником Анри Берро, Леона Додэ, Морраса, Бразильяка...

Морган: Я не предавал родины.

Мэтр Гейцман: Мы просим возместить наши 10 миллионов. Они найдут эти деньги. (Смех.) Ведь, по их словам, 33 проц. французов с ними, ну, так пусть платят!

Мэтр Изар начинает свою речь

В половине шестого речь мэтра Гейцмана окончена.

Мэтр Изар встает со своего места.

— Шесть недель со страниц «Л. Ф.», — говорит он, — льется на нас грязь. Но мы орудуем только аргументами и фактами. Я предлагаю вам на минуту вообразить, что было бы, если бы Кравченко в апреле 1944 года вернулся в Россию, как этого требовал ген. Руденко. Этот процесс происходил бы в Москве. Вероятно, Романов и Колыбалов были бы вызваны свидетелями. И вот, на скамье подсудимых, сидел бы этот самый человек, которого мы здесь узнали. Кравченко, который бил бы себя в грудь и признавался в несовершенных преступлениях — по способу, который уже сейчас ни для кого не тайна. Ему пришлось бы, в лучшем случае, выбрать между веревкой и ядом.

Но здесь, в сердце Парижа, он защищает свою честь. Он — не политик. Доктрины политические его не интересовали никогда и он не принадлежит ни к какой партии. Он вспыльчив и чувствителен, он ценит человеческие взаимоотношения. Он индивидуалист, человек яркий и горячий. И таким мы узнали его. Но в России все эти качества не могли бы проявиться. Вы знаете, что с ним делало НКВД: днем он работал на заводе, ночью его допрашивали, пока, наконец, он едва не сломился. И тогда же, в 1937 году, он замыслил стать свободным. После страшных побоев и допросов — родился человек. Он — перед вами.

Он никого не искал, никого не имел в Америке, когда сделал свой шаг. Но он чувствовал, что настало время для выполнения его миссии. Он нигде не пригрелся — Раскин, Хиной, Штейнигеры — все это были этапы. Он работал над книгой день и ночь, книга эта должна была открыть миру глаза на ужасы режима его родины.

Свидетель ответчиков, на которого они возлагали такие надежды, Кан, два часа говорил нам авторитетным тоном о связи Кравченко с неким Лук Мишуа, украинским наци.

Нами получено письмо, я передаю суду его копию, в котором Кан извиняется перед Мишуа в том, что ложно показывал на него и уверяет его, что во втором издании книги Кана все места о Мишуа будут вычеркнуты. (Движение в зале.)

Вот, чего стоил ваш американский свидетель!

Наши свидетели были взяты нами из тех пяти тысяч, которые заявили

о своем желании приехать на процесс. Мы отобрали людей из Днепропетровска. Шесть месяцев мой переводчик читал мне эти письма, которые шли на всевозможные адреса: на русские газеты, на мой адрес, или просто — «Вашингтон, Кравченко». Эти люди прошли перед нами. Они взволновали вас. Они выражали не мнения, они рассказывали факты...

Книга, о которой мы говорим, равна человеку, ее писавшему. Он — левый человек. Он ничего не прячет из своих убеждений. Он жил почти что в келье два года, когда писал ее, он читал ее друзьям, которых видел редко, но которых встречал, чтобы им говорить о своей работе.

Мэтр Изар цитирует снова письма Никольского (переводчика), Далина, дополнение, присланное к письму Зензинова, дополнение Марка Хиной.

— Нам называют Лайонса, как «редактора» книги. Какое нам дело, кто это? Пусть будет, хоть Лайонс. Но это уже не «экип» меньшевиков, о котором писал Сим Томас. Ведь в Соединенных Штатах не существует «политруков» для литературы, а вот в СССР, как сообщили газеты сегодня, существуют политруки даже для цирков!

Мы разбираем здесь книгу не литератора, мы оправдываемся не в том, что у автора есть талант. Вопрос поставлен о лжи и правде.

И так как г. Морган не мог представить суду доказательства своей правоты, мы не обязаны были, по закону, подставлять доказательства правоты нашей.

Но мы доставили суду манускрипт — не 60 страниц, как было написано у Сима Томаса, но 600–700 страниц.

Три тезы разрушили мы здесь: тезу Сима Томаса (что книгу писали меньшевики), тезу Баби (что книгу писал американец) и тезу Куртада (который сказал, что книга написана и русскими, и американцами).

Нам выставили эксперта, г. Познера. Вчера он менял свои выводы, как надлежит члену компартии, по приказу компартии и, в конце концов, сказал что «не может следить по-русски»!.. Да, были куски глав, которые шли из других мест, но не из других рук! Все это совершенно нормально, и если книга «романсирована», то, что же это значит? Какое кому дело, что она романсирована?

Мэтр Изар прерывает свою речь до следующего дня. Время позднее: на часах восемь.

Двадцатый день

Адвокат Кравченко, мэтр Жорж Изар, начавший накануне свою речь, продолжал ее в течение пяти часов (заседание продолжалось шесть часов, час был посвящен перерыву).

Эта речь, как и речь мэтра Гейцмана, будет полностью опубликована в книге о процессе Кравченко, которую готовят оба адвоката. В полном смысле слова — это была историческая речь, как по форме, так и по содержанию.

Обилие данных, благородный тон этой речи, насыщенность глубоким смыслом, заостренность мыслей — все в ней было исключительным. Под сводами залы французского суда она звучала страстной защитой книги Кравченко, уничтожающим приговором его врагам.

Конечно, как уже говорилось на этом процессе не раз, «горбатого могила исправит», но тем не менее, слушателям мгновениями казалось, что рушилась стена между двумя мирами, и Истина, которая невидимо присутствовала в зале, принимала осязаемые формы. Что-то, быть может, дрогнуло — не в сознании гг. Моргана и Вюрмсера и их адвокатов, но в сознании единомышленников «Лэттр Франсэз», кто без предвзятости, с полным беспристрастием, слушал речь Изара.

Он — не народный трибун в том смысле, в каком это приложимо к некоторым прежним и нынешним французским ораторам. Жесты его — скромны, голос никогда не переходит в крик. Но то, что он говорит и как он говорит, потрясает сердца и оставляет в памяти след надолго.

Сим Томас только призрак

Мэтр Изар начал с того, что подверг разгрому автора диффамационной статьи «Лэттр Франсэз» Сима Томаса.

— Сима Томаса просто не существует, это — фантом, и когда американский коммунист Кан — специалист по шпионажу и американской разведке — говорит с нами, то он ничего не может сказать о Симе Томасе. Нам объявляют с таинственным видом, что был некто Чаплин, который помогал Кравченко писать его книгу. Но Чаплина все знают: это бывший редактор «Нью Йорк Таймса» и ничего нового о нем мы от Кана не узнаем.

Нет секрета в том, что он присутствовал на интервью, данном Кравченко в апреле 1944 года в Нью-Йорке. Кан нам и здесь ничего не открыл. Он назвал Дон Левина — и это было нам известно. Дон Левин, вместе с Кравченко, написал три статьи. Что же из этого?

Нас уверяли, что американское НКВД схватило бы Томаса, если бы он показывал на этом процессе. Он не смог бы вернуться. Какая чепуха! Не только вся его статья есть ложь, но и автора-то такого нет. И потому проверить эту статью не представляется возможным, и все дело о диффамации приобретает совершенно другой, чем обычно, вид.

В 1944 году коммунисты говорили в Америке, что Кравченко — агент наци. Теперь, как и в 1944 году, нас уверяют, что он — агент Америки. Времена и настроения изменились, придумана новая версия. Но цель дана: дискредитировать человека и объявить, что книга его — ложь.

Мы притащили на этот суд железный занавес. Он был здесь! И ответчики, сидя перед ним, молчали, замалчивая то, о чем мы говорили миру.

Морган и Вюрмсер молчали о чистках; Василенко молчал об уничтоженной большевистской головке; Руденко молчал обо всем решительно, а между тем не мы, но ваш же адвокат спросил его о левой и правой оппозиции. Руденко отнесся к Блюмелю, как СССР относится к французской компартии.

Советские свидетели узнали, что они приглашены на суд через несколько месяцев после того, как Морган узнал, что они приедут. Лучше было Моргану прямо переселиться в советское посольство в Париже!

Из этих свидетелей никто ничего не сказал о СССР.

Английский священнослужитель говорил о том, что видел колхоз между двумя банкетами. Но мы здесь присутствовали не для того, чтобы

рассуждать о битой посуде г-жи Горловой. Мы здесь находимся для решения важных вопросов: я не хочу ни преуменьшать важность этих вопросов, ни переносить их на политическую почву. Будем же говорить о диффамации.

Может быть, вы захотите принять формулу некоего профессора Ветлоэма? Он в своих работах говорит прямо, что коммунизм — это насилие, это террор, это полиция и привилегии одного сословия. Он коммунист и считает, что иначе нельзя.

Может быть, вы можете поверить книге Кравченко и остаться коммунистами? Но нет, вы объявили, что все, им написанное — ложь. А я докажу вам, что он пережил и видел все то, о чем писал. И это единственное, что важно.

О кулаках и коллективизации

— Сталин в 1930 году сказал (вы можете об этом прочесть в «Вопросах ленинизма»), что не надо насильственной коллективизации.

Осталось ли это распоряжение только на бумаге, или было превратно понято? Но мы знаем теперь, что были ошибки, и были ужасы, и ошибки были ужасами, и одно невозможно было отличить от другого.

Ольга Марченко пережила ужасы.

— Это были ошибки! — сказал Сталин.

Но пришел Кравченко и описал нам эти ужасы, которые на вашем языке называются ошибками. За неуплату налогов в СССР крестьяне ссылаются в Сибирь. В тридцатых годах с ними поступали так же, как поступали немцы с евреями.

Мэтр Изар читает письменные показания раскулаченных, возвращается к показаниям Жебита, Кревсуна и других. Он цитирует книгу Литоля Пэтча, которую считает правдивой и честной, и в которой английский деятель называет коллективизацию — второй революцией.

Месяцами из тысяч деревень шли днем и ночью поезда в Сибирь — говорит мэтр Изар, — с сотнями тысяч семейств. Это было раскулачивание людей, у которых было три десятины пахотной земли! И об этом писал Кравченко.

Чистки

— Предположим, что коммунисты любят громкую исповедь и постараемся понять эту систему публичного покаяния партийцев.

Я беру книгу, изданную по-французски в Москве и продающуюся, как все книги в Париже, очень дешево. В ней рассказывается о терроре 1930—39 гг. Эта книга — история СССР. Террор, которого Гренье не увидел, и о котором инженер Жюль Кот говорил с такой легкостью, по официальным цифрам, носил совершенно исключительный характер: в 1934 году состоялся 17-й съезд партии, а в 1939 г. — 18-й. На первом присутствовало 22,6 проц. старых большевиков, на втором — 2,4 проц. Позвольте процитировать цифры «Правды» о составе коммунистической партии (хотя Сталин в 1934 г. и сказал: у нас нет ни фракций, ни оппозиций, ни групп): в 1934 году был 71 старый большевик в партии, а в 1939 — 15. За это время зарегистрированы были 4 смерти, 3 исключения; что касается 49-ти других, то они исчезли. О них никто ничего никогда не узнал.

Я перечислю только главные процессы с 1928 года:

в 1930 году была «промпартия»,

в 1931 — процесс меньшевиков,

в 1933 — процесс 18 инженеров,

в 1936 — процесс Зиновьева, Каменева и друг.,

в 1936 опять же — процесс в Новосибирске,

в 1937 — процесс Радека.

За ним — процесс Тухачевского, когда исчезло 384 генерала, 54 процента общего состава. В том же году — процесс тифлисских грузин и еще один — процесс судей Тухачевского. После него — процесс судей судей Тухачевского и, наконец, в 1938 году — процесс Бухарина и Рыкова.

И это я называю только те процессы, на которых люди сознались. Большинство этих людей — делало режим и было сделано режимом. И о них писал Кравченко.

НКВД

— По вопросу об НКВД были большие противоречия: Морган сказал, что НКВД никакого нет, Цилиакус объявил, что НКВД не Россией выдуман. Наши свидетели рассказали вам о всеобщей слежке, добровольной и профессиональной.

В 1937 году сам Калинин говорил о добродетелях доносительства (цитата). Знаете ли вы, что такое 58-я статья? Это статья о контрреволюции не только на деле, но и в мыслях.

Мэтр Изар рассказывает суду пространно о том, что такое суд в России, и почему советский режим есть полицейский режим. Он говорит о «тройке», об ОСО: он показывает суду подлинные документы — протоколы обысков и арестов; говорит о том, что НКВД само ведет следствие. Он поясняет французам весь механизм полицейской системы СССР.

Председатель Дюркгейм слушает его очень внимательно, как и судьи. Прокурор не спускает с него глаз.

— Вот как в России! — восклицает мэтр Изар. — А г. Морган говорит, что это государство — как все другие.

Лагери

С первых же слов о лагерях, мэтр Изар упоминает о решении ООН обратить внимание на изучение принудительного труда в СССР. Но он снова повторяет, что не судит режим, а лишь доказывает, что Кравченко в своей книге писал правду. Он приводит цифры населения в России, говорит, что сосланные считаются в переписи, что официально Украина во время голода потеряла 4 000 000 жителей. Он рассказывает о размерах лагерей и показывает суду бумажные деньги, которые ходят внутри лагеря и выпускаются лагерным начальством.

— Это фараоны и рабы! — восклицает он, — и всю эту документацию я передаю суду с показаниями Пасечника, Антонова, Жебита и г-жи Нейман.

В этой стране возможна выдача национал-социалистам (со всеми документами, удостоверяющими их личность) таких людей, как коммунистка Нейман и венгерский еврей Блох. И в этой стране Кравченко не хотел и не мог больше жить!

О дезертирстве

Доказав, что Кравченко в Америке не был военнообязанным и, следовательно, никогда не был дезертиром, мэтр Изар напоминает, как именно Кравченко бежал из закупочной комиссии.

«Лэттр Франсэз» обвиняют его в измене не только за книгу, но и за интервью, данное в 1944 г. Это интервью, писала газета, есть интервью «Геббельса, Дарлана, Лавалья и Кравченко». Но и «Паризер Цейтунг», и «Фелькиш Беобахтер» цитировали Черчилля и де Голля, стремясь разъединить союзников, и факт цитирования этими газетами Кравченко, по мнению Изара, не означает ничего. Он напоминает, что Кравченко отказался сказать «Нью Йорк Таймсу» что-либо о военно-экономическом положении СССР и никогда не говорил о сепаратном мире с Германией, а, наоборот, желал продолжения войны и победы над немцами.

Он говорил и против СССР, но как он говорил, и что он ставил в вину своей родине? Во-первых, он говорил о Коминтерне, о возрождении его, — и в этом он оказался пророком. Во-вторых, он говорил о Польше, которую СССР заберет после войны и сделает своим сателлитом. В третьих — о все растущем империализме СССР — и это тоже оказалось правдой. В четвертых — о том, что СССР будет готовиться к третьей войне, о попытках его укрепиться в Италии и Австрии, и в пятых — он говорил об освобождении народов России.

Он говорил об иллюзорности близкого мира и уважал общие цели союзников. Ему говорят: «вы должны были подождать!» Но ждать он не мог: он ждал и так 7 месяцев, когда был в Америке; в апреле 1944 года он понимал, что война выиграна, и он спасал мир. И Франции в то время было полезно услышать его предупреждения о хрупкости этого наступающего мира...

Что такое предательство?

— Мы видели здесь, — продолжает мэтр Изар, — все тот же «экип», тесную группу: ответчики, адвокаты, свидетели. Почему не пришли свидетельствовать за вас ваши беспартийные сотрудники из «Л. Ф.»? Они бросили вас! Вы оказались одни! А было время, интересы компартии и Франции совпадали, — это было во время резистанса, и даже цели СССР в то время совпадали с целями французов. Но теперь все изменилось. Ваши цели — не цели Франции. И вы не можете говорить от имени всей страны.

Вспомнив Ленина и его отношение к войне 1914 года, вспомнив Ромэна Роллана в ту же эпоху, мэтр Изар переходит к измене Торэза, которая для него есть пример непревзойденного предательства.

— Пьер Кот сказал, что предательство, это, когда человек бросает службу во время войны, остается в чужой стране и делает соответствующую декларацию. Он думал, что говорит это о Кравченко! Но Кравченко бросил штатскую службу, остался в союзной стране и сделал декларацию, в которой заявил, что желает помочь Америке продолжать войну. Торэз же бросил военную службу, бежал в страну, которая была в союзе с нашим врагом и помогала ей, и в своей декларации (декабрь 1939 и март 1940 гг.) требовал мира с Гитлером во что бы то ни стало. Кто же из них предатель?

Заключение

— Что же это за страна, которая прежних палачей Бухенвальда и Равенсбрука назначает на высокие полицейские посты в Восточную Пруссию? — спрашивает мэтр Изар, цитируя французскую газету, орган комбатантов. — Что это за страна, в которой, когда ее атакуешь, а то и просто критикуешь, ты уже преступник? Что это за люди, ее слуги, которые кидаются словом «предатель» во все стороны (читает): «Шуман, Мок, Мейер — предатели». (Не антисемиты ли вы? Это звучит, право, несколько странно!). «Леон Блюм — предатель!»... Блюмель! Ваш бывший друг назван вашими нынешними друзьями — предателем. Что вы скажете на это? (Блюмель молча разводит руками). Коммунист Куртад грозит социалистам, что народ когда-нибудь «расправится с ними, как с Петковым»... Или еще вот, в «Литературной газете», в Москве, о председателе Дюркгейме сказано, что он — ханжа. У меня десятки газет и журналов, и всюду — одно: «предатель, предатель, измена, доллары, подкуп»... И о Поле Низане вы сказали, что он «предатель», потому что этот честный коммунист не захотел принять германо-советского пакта!

Кравченко своей книгой нам показал, что это за методы, и откуда они идут. Эти методы теперь мы видим в коммунистической партии Франции. О, как много хотели вы сказать на этом процессе, но вы только противоречили себе и не сказали ничего. Пресса ваша была день ото дня грубее.

Я прошу суд: не давайте им выйти сухими из воды! Накажите их по всей строгости наших законов, которыми мы дорожим, потому что в них залог нашей свободы. Они тоже пользуются этой свободой, но еще немного, и у нас установится диктатура диффамации.

Я прошу, я требую самого строгого наказания. Они пачкали человека, они пачкали его дело.

Он указал нам на страшную действительность, в которой живет его родина.

И если он выбрал свободу, то и свобода выбрала его, чтобы он защитил ее правое дело!

Двадцать первый день

В понедельник, 14 марта, в 3 часа дня, начались речи адвокатов ответчиков. Их четверо: мэтры Брюгье, Матарассо, Блюмель и Нордманн. Каждый взял себе особую тему.

Молодой член компартии, Брюгье, который собирается выставить свою кандидатуру на будущих кантональных выборах, изучил жизнь и деятельность Кравченко в целом; Матарассо посвятил себя изучению рукописи; Блюмель предупредил, что будет говорить об измене, как таковой, и Нордманн — для которого приготовлен весь день среды (шесть часов) — будет громить Кравченко за клевету и разоблачать ложь его книги.

Пока что говорил один лишь Брюгье.

Когда он кончил (при полупустом зале) свою унылую, монотонную и совершенно бессодержательную речь, выяснилось, что на скамье адвокатов «Лэттр Франсэз» — всего один Блюмель. Нордманн — болен, а Матарассо, бывший в начале заседания, исчез.

На вопрос председателя, нельзя ли вызвать спешно Матарассо, который, по расписанию, должен выступить, Блюмель заявил, что это невозможно.

Поэтому заседание, начавшееся позже обычного, окончилось ранее обычного, — в шесть часов.

Надо сказать правду: многие спали или дремали, и жандармы, которых вместо десяти обычных, было всего два, ходили и будили публику, так как для благолепия суда спать в зале запрещается. Места для публики были на две трети пусты и войти мог всякий с улицы — настолько слаб был в этот день контроль. Этому способствовало, конечно, и то обстоятельство, что сам Кравченко отсутствовал: не понимая французского языка, он не счел нужным слушать усыпительную речь Брюгье, из которой бы все равно ничего не понял.

Пот, тем не менее, струился градом с лица молодого адвоката, у которого, кроме всех прочих недостатков еще и маленький недостаток речи — он слегка шепелявит.

Слушая его, мэтр Изар подавлял зевоту, а мэтр Гейцман читал под столом какую-то книгу.

— Мы семеро сошлись не случайно, — сказал Брюгье, не обладающий чувством юмора. — Двое ответчиков, четверо адвокатов и переводчик —

это люди, которые, естественно, нашли друг друга. Мы все — товарищи по резистансу делаем дело резистанса и будем его делать, несмотря ни на что.

Затем он перешел к «Коммунистическому Манифесту» Карла Маркса. Говорили об одной шестой части света, которая осуществила режим свободы, и о ее лютых врагах, жаждущих крови невинных.

— Маркс с 1848 года был уже пугалом для этих людей, — сказал Брюгье, после чего прямо перешел к закупочной комиссии в Вашингтоне, где Кравченко занимал «ничтожнейшее место» какого-то приемщика труб.

— Он не был никогда крупной личностью, — сказал адвокат «Л. Ф.», и пространно доказывал это, опираясь на показания Колыбалова и Василенки. — Он никогда не был министром.

С таким же успехом он мог доказать, что Кравченко никогда не был ни архиереем, ни адмиралом.

Никто не прерывал адвоката, и лишь председатель Дюркгейм один раз выразил мнение, что Кравченко все-таки был «старшим инженером» треста.

— Новый Мессия родился не просто, — продолжал Брюгье, — но в шуме первой русской революции 1905 года. Он сказал нам, что отец его был революционер, что был арестован при царском режиме, но он никогда не уточнил, в каком именно концентрационном лагере он сидел в царской России!

После этого, Брюгье сделал свой первый рейд по русской литературе: он сравнил детство Кравченко с «Детством» Горького и нашел, что оба детства чрезвычайно похожи. И тут и там были дяди, и тут и там ребенок бредил героизмом... Подчеркнув, что Кравченко никогда не был в комсомоле, Брюгье перешел к другим спорным местам книги: к постройке завода в Кемерово, к документу Молотова и пр.

Оставив совершенно в стороне свидетелей-французов, он основывал свою речь исключительно на свидетельствах Романова, Колыбалова, Василенко и генерала Руденко.

— Не танки и пушки делались на заводе, которым управлял Кравченко, — сказал, между прочим, Брюгье, — но кальсоны и сапоги, потому что это был не трест тяжелой промышленности, а маленькая группа фабрик ширпотреба.

Морган слушал своего адвоката довольно равнодушно, но Вюрмсер делал умиленное лицо. Половина французской прессы отсутствовала, в том числе и — крайняя левая.

Переходя к «растратам» Кравченко, Брюгье называл его и вором, и трусом, и корыстолюбцем, и уголовным преступником, и «окопавшимся».

Он призывал суд с особым вниманием отнестись и к показаниям «мосье» Колыбалова, и к документу, который он огласил впервые в своей речи: это была бумага, сфабрикованная в Москве в июле 1944 года, т. е., после того, как Кравченко уже на всю Америку был известен, как человек, «выбравший свободу» — в которой советская власть доказывала, что он растратчик, подлежащий советскому суду.

После этого, Брюгье сделал второй рейд по русской литературе: он сказал, что Кравченко, это — Хлестаков. Пространно и скучно рассказал суду о Гоголе, о «Ревизоре», о 35 000 курьеров и даже о «Юрии Милославском», но улыбки ни у кого не вызвал.

После явного желания «насмешить» суд, он решил попробовать его растрогать: последовал рассказ о «бедной матери» Кравченко, которую он бросил на произвол судьбы и которая томится в разлуке с ним...

— Смотрите на него, — сказал Брюгье (хотя смотреть было не на кого, так как Кравченко на заседании отсутствовал), — он совершенно один! Он одинок во всем мире, никого нет рядом с ним! Несмотря на антисоветскую клику, которая ему сочувствует, он не имеет никого... Против него — генерал Руденко и другие свидетели, и весь СССР, который поражает нас силой, молодостью, здоровьем и искренностью! Там не формальная свобода, которую, якобы, выбрал Кравченко, там реальная свобода!

Затем, сделав небольшую паузу и слегка возвысив голос, Брюгье прочувствованно прочел длинную цитату из Сталина.

Публика, слегка зашумев, выслушала, однако, все до конца.

Председатель в ее сторону сделал успокоительный жест рукой, и Брюгье закончил поток своего красноречия к общему удовольствию.

Двадцать второй день

Адвокат «Лэттр Франсэз», мэтр Матарассо, специализировался на рукописи книги «Я выбрал свободу», а также на русских эмигрантских группировках в Америке. Вся первая часть его речи была посвящена антисоветской деятельности в Нью-Йорке журналистов и политиков, которые группировались и группируются вокруг журналов «Социалистический вестник» и «За свободу». Во второй части адвокат разобрал рукопись книги Кравченко. Зал был далеко неполон. Сам Кравченко отсутствовал.

Звезды первой величины

Период жизни Кравченко между апрелем 1944 года и временем выхода в Америке его книги, в 1946 году, особенно интересовал Матарассо. Он так же, как и Брюгье, говоривший накануне, называл Кравченко «новым Мессией» и «пророком».

— Люди в Америке только и ждали Кравченко, — сказал адвокат, — и сейчас же, как только нашли, лансировали его. Эти люди разделяются на две группы: первая, это бывшие эс-эры и эс-деки 1917 года, которых для простоты называют теперь меньшевиками. Разница между двумя партиями почти стерлась. Вторая группа — это американские журналисты, отчасти русского происхождения, посвятившие себя антисоветской пропаганде.

В первую группу входят звезды первой величины: Зензинов, Николаевский, Далин, Керенский. Во вторую — Чаплин, Лайонс, Дон Левин и Маламут. Эти последние — опора американской реакции, они враги Франции и союзники Германии.

Во время войны 150-ти тысячная русская эмиграция Америки вся была настроена антинемецки. Она была настроена патриотически к Советскому Союзу. Только маленькая группа эмигрантов, во главе с вышеназванными звездами первой величины, считала, что Сталин — не лучше Гитлера и не желала победы красной армии. Те, что забыли на время свой антибольшевизм, организовались под председательством кн. Кудашева, в комитет, который помогал, чем мог, советскому народу. Группа же меньшевиков делала дело Геббельса и его пропаганды.

Даже бывшая партия Милюкова примкнула к комитету Кудашева, даже меньшевик Дан стоял на просоветской платформе.

Но «звезды первой величины» остались на своих позициях: они делали что могли, чтобы сеять рознь между союзниками. Они считали победу красной армии — победой Сталина.

Куда дальше идти: в 1941 году Зензинов писал, что при царе было лучше, чем при большевиках! Николаевский проник в американскую печать Херста. В «Нью-Йорк Таймсе», в 1941 году, было напечатано его интервью, на которое «Нью Лидер» прямо ответил, что это «геббельсовская пропаганда». Зензинов, Николаевский и Далин уговорили американскую реакционную печать использовать Кравченко. Далин даже писал, что «последний выстрел этой войны должен быть сделан уже не в немца, но в большевика».

Мэтр Матарассо, назвав трех русских журналистов-социалистов «мизераблями», переходит к их биографии:

— Зензинов — в свое время редактор «Ля Рюсси Опримэ», бывший лейтенант Керенского, вместе с Дон-Левиным написал книгу «Дорог забвения». Во время финской войны он побывал у врагов своей страны, его принимали в генеральском штабе и допустили на фронт. Он издал свою знаменитую книгу «Встреча с Россией». Николаевский был в прошлом году в Германии. Он имел возможность посетить лагеря Ди-Пи, виделся с власовцами и оправдал их. Он реабилитировал Власова и власовцев, не тех, что видел наш свидетель Тома, в лагере Матаузен, но именно тех, которых Кравченко вызвал свидетелями по своему делу, т. е. военных преступников. Далин тоже был в Германии и реабилитировал германофилов.

«Каниферштан» Дон-Левин

— Кто такой Дон-Левин? Он — соавтор Зензинова, соавтор статей Кравченко, соавтор генерала Кривицкого (который с ним не поделил денег и покончил с собой), соавтор Валтина, известного автора книги «Без родины и границ». Контракт между Дон-Левиным и Кравченко по поводу книги «Я выбрал свободу» должен бы был найтись в архивах издательства Скрибнера, он, вероятно, тождественен с контрактом, заключенным между Дон-Левиным и Валтиным... Теперь он написал свой последний шедевр: мемуары Косьенкиной. Добавить к этому нам нечего.

Что касается Лайонса, то он редактор «Америкэн Меркури». Для него всегда Гитлер и Сталин стояли на одной доске. Радио наци предавало статьи Лайонса в Берлине и Риме. «Старс энд Страйкс» рассказало нам, что он был на службе у генеральных штабов Германии и Италии, о чем было говорено даже в Конгрессе.

(Матарассо вынимает из папки газетную вырезку.)

— 4 апреля 1944 года Кравченко дал свое первое интервью. Он использовал для этого все темы, любезные сердцу Зензинова, Далина и Николаевского.

Мэтр Изар: Вы цитируете американскую газету коммунистического направления?

Матарассо: Почему вы улыбаетесь?

Мэтр Изар: Не спрашивайте, почему я улыбаюсь, и я не буду вас прерывать.

Матарассо: Уже в июле Кравченко пишет свою «биографию», под названием: «Как я порвал с Россией Сталина», и эта биография подписана им и Дон-Левиным. Из этой биографии вышла потом вся его книга.

Мэтр Изар: Почему вы не пригласили сюда Дон-Левина?

Матарассо: Нам известно, что Кравченко гостил у Дон-Левина, не то около Нью-Йорка, не то в восточной части Соед. Штатов.

Мэтр Изар: Нью-Йорк и есть в восточной части Соединенных Штатов. (Смех.)

Матарассо: Около дачи Дон-Левина находится дача Керенского. Это — в Коннектикуте. Таким образом, устанавливается связь всех со всеми.

Зензинов, Далин и Николаевский, кстати, даже выдали аттестации Кравченко, которые нам были прочтены. Он нам сказал, что это были единственные люди, которых он видел, когда писал свою книгу. Эти

люди — профессионалы антисоветской пропаганды. Они были все разоблачены во время войны, как агенты Геббельса и Гитлера. Еще был Маламут, но это — калибром поменьше.

Все это и есть процесс, а не речи о Торэзе, которыми вы занимались здесь. Каждый раз, как мы задавали вопросы Кравченко, он не отвечал. Справьтесь со стенограммой 28 февраля. Это был «день молчания». На своей пресс-конференции Кравченко обещал поставить суду важные документы. Он ничего не доставил, а принес свою рукопись, когда прошли все сроки.

Матарассо читает выдержки американской коммунистической прессы, где были сомнения, что книга Кравченко написана им самим, а также те выдержки, где были указания на Лайонса, как автора книги. Он сообщает суду, что клуб «Книга месяца» не дал премии Кравченко, так как считал, что он писал «Я выбрал свободу» не один.

Затем Матарассо переходит к комментированию рукописи Кравченко.

Председатель напоминает, что время идет и что скоро перерыв.

Матарассо говорит еще с полчаса и заседание прерывается.

«Американский метод»

После перерыва Матарассо продолжает разбор рукописи. Опять: Ашхабад-Сталинабад, опять — Орджоникидзе. Он цитирует Познера, находит ошибку в дате смерти Ягоды, находит выкинутый эпизод: отец и мать Кравченко пострадали от белой армии.

Вывод его следующий: рукопись не сфабрикована для процесса, но такая, какая она есть, она доказывает способ работы Кравченко, путь, по которому он шел — от первого варианта до печатного текста, — и с несомненностью можно утверждать, что ему создавать ее помогали.

Матарассо утверждает, что у профессора Санье, эксперта трибунала, были какие-то листы, которые не принадлежат рукописи.

Председатель: Откуда же эти листы?

Матарассо: Это варианты: есть на ту же тему другие листы в рукописи.

Мэтр Изар: Я хочу заметить, что ними получены еще новые листы, которые возвратил Санье. Он считает, что они были напечатаны более полутора лет тому назад.

Матарассо: Есть страницы совершенно чистые и есть с поправками, есть несколько версий одного и того же случая. Это — фабрикация американской системы.

Газета «Лэттр Франсэз» — французская, это газета — для французов. Нам чужды такие методы. В Америке есть специалисты, которые пишут книги за других, они рекламируются в газетах. Объявления кончаются иногда так: мы пишем — вы подписываете!

Если вы вынесете вердикт в пользу Кравченко — мы знаем его! — он будет продолжать делать то же самое. Его сделали символом свободы. Он просто скучал на приемке труб, в то время, как партизаны и красная армия сражались за свое отечество.

Начало речи Блюмеля

Блюмель — самый старый из всех шести адвокатов. Это — оратор старой школы. Он шепчет, он кричит, он машет снятыми очками, вздевает руки к небу и выходит то и дело на середину подиума. Речь его полна цитат: он цитирует Пиранделло, Монтескье, Черчилля, Робеспьера, Сталина и еще два десятка знаменитых людей. Он задает сам себе вопросы и сам же на них отвечает. В первые дни он никак не мог произнести имени Кравченко, теперь он его запомнил. Но о России — ни прежней, ни нынешней — он не знает ничего.

Набор общих мест, выпренных фраз, ложной учености, ничего не значащего глубокомыслия... Пусть оба, до сих пор выступавшие, молодые адвокаты, люди не талантливые, но они — бескорыстно или корыстно — изучили вопрос и стараются не ударить в грязь лицом перед своей аудиторией и печатью. Блюмель же безответственен, легкомыслен и многоречив.

Признавшись в полном уважении и симпатии к Моргану, Блюмель, удивившись рекламе, которая была устроена процессу, сразу переходит к оценке советского режима.

— Режим этот — жестокий, — говорит он, — и каково было перевоспитание! Сталин — это в одном лице Ришелье, Кромвель и Кавур. Нам 30 лет рассказывают ужасы про этот режим, а мы все не верим! Там — ни голода, ни безработицы, ни личных интересов. А что до чисток, то чистки любил делать и Ришелье, о чем можно прочесть в его завещании^[6].

Далее он около часа цитирует показания, как он говорит, некоммунистов-французов, о благосостоянии современной России. Затем переходит к показаниям немецких генералов, о подготовленности России к войне.

— Победил режим, а не народ, — говорит он. — Была армия, созданная режимом, было вооружение, которое дал режим. С этой страной все хотели быть в мире. Барту хотел. Гамлэн хотел. Удивительно ли, что хотели германо-советского пакта и немцы?

Ряды в зале редеют. Становится поздно. Председатель предлагает Блюмелю окончить свою речь на следующий день.

Двадцать третий день

Заседание в среду, 16 марта, началось в 1 ч. 45 мин. Мэтр Блюмель, третий адвокат «Л. Ф.», продолжает свою речь, начатую накануне.

Он опять возвращается к советско-германскому пакту, старается его оправдать с точки зрения СССР (что не трудно) и с точки зрения Франции (что значительно труднее). Он цитирует речь Сталина от 3 июля 1941 г., в которой тот сказал: «Мы спасли нашу страну от войны на целых полтора года!»

— Кравченко лгал, — восклицает Блюмель, — и Вюрмсер написал об этом. Всякую ложь необходимо разоблачать. Вюрмсер писал, что Кравченко — враг нашей страны. И я докажу это, как доказал уже, что он лжец.

Мэтр Изар протестует.

— Он — лжец, — повторяет Блюмель. — я вас не боюсь! И он дезертир, потому что господин генерал Руденко нам сказал, что он мог быть призван на фронт в любую минуту. Кроме того, по советским законам, каждый, кто бросит свою работу — дезертир.

Мэтр Изар протестует.

Блюмель: Не будем делать здесь политического собрания, мы можем встретиться с вами в другом месте для этого. Я повторяю: Кравченко дезертир.

Затем адвокат «Л. Ф.» переходит к случаю с Торэзом. Он считает необоснованным обвинение его в предательстве. Министр Боннэ летом 1939 г. обещал германскому послу «обезвредить» французскую коммунистическую партию. Это и было сделано в сентябре 1939 года. Торэзу необходимо было скрыться. Если бы он этого не сделал, он был бы расстрелян правительством Виши. Между тем, после ухода немцев, он сделался министром, сидел рядом с де Голлем, Венсен Ориолем и называл их: «мон шери ами!»

Блюмель ставит в упрек Кравченко, что он семь месяцев сидел в Америке, а не сразу «выбрал свободу».

Председатель: Он должен был хоть немного научиться языку! (Смех.)

Блюмель: Можно себе легко вообразить, как обрадовались меньшевики, когда он появился на их горизонте! Я сам был меньшевиком...

Мэтр Изар: Но с тех пор вы перекрасились...

Блюмель рассказывает суду о большевиках и меньшевиках, о расколе РСДРП в 1903 году, о Дане, Мартове и Троцком.

— Я их всех отлично знал! — восклицает он. — Николаевский — это просто одержимый! Они все полусумасшедшие, до того их довел их антибольшевизм. Во всем мире только Франко и меньшевики не признали советскую власть. Николаевский в 1945 году сказал мне, что генерал де Голль — большевик. Но их группа не вся думает одинаково: Дан, ныне умерший, был с ними несогласен.

Советское посольство в Вашингтоне пригласило к себе «нотаблей» эмиграции, когда Германия была разбита. Все пошли и пили за СССР, как было и в Париже, когда в советское посольство отправились эмигранты, во главе с самим бывшим русским послом, и пили за здоровье красной армии и Сталина. Им всем дозволено было вернуться на родину. Но меньшевиков вашингтонское посольство не пригласило. Дан был очень этим огорчен.

Блюмель цитирует статью Дана о Кравченко, где Дан называет его «новым ренегатом», а затем переходит к цитатам из американской (некоммунистической) прессы, также нелестным для Кравченко.

От одной цитаты к другой, от Вольтера к сыну Рузвельта, он, наконец, доходит до парижской газеты «Монд», где знаток России и, в конце 20-х годов, соредактор В. М. Зензинова по газете «Ля Рюсси Опримэ», Андрэ Пьер, 25 июля 1947 г., разбирая книгу Кравченко, осудил его, как «предателя своей родины».

Рассказав суду о показаниях Кравченко в комиссии по расследованию антиамериканских действий и обвинив его в разоблачении государственных тайн СССР, Блюмель удивляется, что преследуются «Лэттр Франсэз», а не «Монд» за статью Андрэ Пьера.

— Это было задание! Это был план, — повторяет Блюмель. — Вот смысл этого процесса!

Затем он переходит к совещанию в Тегеране, на котором Черчилль говорил о высадке в Средиземном море. Сталин же настаивал на высадке во Франции. Таким образом, говорит Блюмель, он хотел как можно быстрее освободить французов.

Блюмель читает речь де Голля о России, голос его дрожит, и он почти кричит:

— Эти две страны предназначены друг другу!

Еще две-три цитаты, и, наконец, Блюмель доходит до Мицкевича:

— Мицкевич сказал: «дай нам, Боже, священную войну для освобождения Польши!» И Кравченко говорит о войне. Он хочет ее. Он молит о ней. Он хочет свободы для своей родины, но свобода не приходит

на концах винтовок и с атомными бомбами. Мир еще возможен!

Так, несколько смутно, дойдя голосом до зловещего шепота, окончил Блюмель свою речь.

В понедельник — речь мэтра Нордманна.

Двадцать четвертый день

Понедельник, 21 марта, был целиком посвящен речи адвоката «Лэттр Франсэз», мэтра Нордманна.

Из всех адвокатов ответчиков, он был наименее ярок, сочетая в себе одном недостатки трех своих коллег, говоривших до него.

Между тем, по внешности и природным данным, он, конечно, превосходит и тусклого Брюгье, и малоталантливого Матарассо, и легкомысленного Блюмеля. Но на его красивом лице раз навсегда застыла улыбка, без которой он вообще во все дни процесса ни разу не появился в зале.

Видимо эта улыбка должна была дать сардонический тон всей его речи. Эту речь он построил на иронии: с ней говорил он и о пытках, и о казнях, и о голоде, и о лагерях, и о чистках... Не удивительно, что такой подход совершенно не удался ему и произвел тягостное впечатление.

Первая часть речи Нордманна

Он повторил вначале все то, что было говорено до него: рукопись Кравченко не есть книга Кравченко, американцы подделали, переделали, отделали ее.

Опираясь на показания полковника Маркие, Нордманн говорит о том, что Россия была подготовлена к войне, — и что утверждения Кравченко о скверных противогазовых масках и плохой амуниции — только антирусская пропаганда.

И красный генерал Пети, и коммунистический депутат Гароди утверждали как раз обратное. Когда Кравченко говорит, что тот факт, что немцы не взяли Москвы, есть чудо, Нордманн считает, что Москва не была взята потому, что СССР располагал крупным военным потенциалом, о чем писали впоследствии немецкие генералы. Когда Кравченко говорит о бунте в Москве в ноябре 1941 года, он лжет, так как никакого бунта не было.

Затем Нордманн переходит к статьям Б. Николаевского о власовцах, напечатанным в «Новом Журнале» номера 18 и 19, к статье Андрэ Пьера в «Монде», о единстве народа и режима к показаниям д-ра Фишеза об энтузиазме, с каким русские пленные возвращались к себе домой...

Процессы 1930—38 гг. Нордмани объясняет, как борьбу Сталина с саботажниками и изменниками.

Радек о Тухачевском твердил как о патриоте, но теперь мы знаем, что Бенеш выдал Тухачевского Сталину как изменника, значит и Тухачевский, и сам Радек были преступниками, и процессы над ними были справедливы. Американский посол в Москве, Дэвис, сам считал, что заговор Пятакова существовал, он был на суде и впоследствии написал об этом. Так же и Литтон Пэтч, который еще в 1931 году в Берлине заметил, что Пятаков заказывает втридорога машины, которые СССР вовсе не нужны. Это было вредительство, и людей необходимо было за него казнить.

По словам Нордманна — советский режим гуманнейший режим. Все работают, довольны. Даже Ди-Пи, которые показывали за Кравченко, работали и жили в СССР, несмотря на то, что часть из них была «непролетарского» происхождения. Что до Рамзина, осужденного по процессу промпартии, то ему недавно выдали сталинскую премию и он прощен, и работает на пользу родины.

— Здесь нам цитировали проф. Гравенна, знатока советской статистики. Откуда он берет свои данные? Он берет их из книг Кестлера и

Кравченко, а Кравченко подпирается Гравенном. Вот их система — они поддерживают друг друга.

Мэтр Изар (прерывая): Гравенн орудует официальными советскими данными.

Нордманн: Не прерывайте меня! Здесь не палата, в которой вы когда-то сидели, а теперь не сидите больше, и вам это обидно.

Мэтр Изар: Я еще очень добр с вами...

Нордманн: Вестлер видел испанские ужасы и описал их, говоря, что они имели место в России. И он, и Кравченко рассказывают бесчисленные случаи, когда осуждены были невинные. Это ложь! Бухарин, будучи за границей, виделся с Николаевским — за это он и пострадал.

Нам много здесь рассказывали о чистках. Что это такое? Это проверка лучших людей, большевиков, партийцев, которые все полусвятые, потому что за маленькое жалованье — работают не за страх, а за совесть. Если один из них окажется слабым, или ошибется, или не будет постоянно жертвовать собой, то его исключают из этого «избранного» круга людей. Это делалось и у нас, во время французской революции, и это было правильно. Сеансы чистки — публичные, совершенно законные. Мне смешно, когда говорят, что во время чисток исчезали люди: в 1928 г. было 800 000 партийцев, а в 1931 — три миллиона! Какие же тут чистки? Жертвенных людей все прибавляется.

Нордманн посмеивается и продолжает:

— Партийцы одно время получали 500 рублей в месяц за работу, за которую беспартийный получал 1200 рублей. Теперь этого нет, теперь им прибавили. Среди них нет карьеристов. Они все — пацифисты, но если будет война, они пойдут в первую голову добровольцами. Это лучшие люди СССР, которые строят социализм.

Затем адвокат объясняет, что такое лагеря.

— В СССР очень мало тюрем, — говорит он, — потому устроены исправительные, а вовсе не концентрационные лагеря. Там перевоспитываются люди. Они работают, они строят каналы. СССР оказывает преступнику кредит. Все давно знают, что это существует, ничего нового мы здесь о лагерях не узнали: на Беломорский канал возили в свое время иностранцев. Все были восхищены методами работы. Когда Кравченко говорит, что в России 20 миллионов каторжан, то он берет эту цифру у Далина. А тот откуда их взял? Все это только ложь и антисоветская пропаганда!

В этой стране нет эксплуатации, все живут свободным трудом... Там осуществлен социализм. И потому враги СССР злобствуют.

Возвращаясь к полиции и НКВД, мэтр Нордманн признает, что в СССР существует, конечно, полиция, как и всюду.

— Прокламация Гитлера, изготовленная для России — вот корни Кравченко — даже не Далин, даже не Николаевский! Потому что там существует полиция — мы здесь свободны! Иначе немцы закабалили бы нас и всю Европу на многие столетия. Этой советской полиции мы должны быть благодарны. Она спасла мир!

Мэтр Изар: А не Англия в 1940 году?

Нордманн: Откуда берутся эти маньяки, которые, якобы, сажают в тюрьму одних невинных? Да, голод был на Украине — так что же из этого? Мы даже собирали здесь на голодающих и посылали им. Это было в 1931 году. А что происходило в деревне в 1945-ом? Об этом Кравченко молчит.

Там осуществлена земельная реформа, самая передовая в мире: коллективизация дала русскому народу огромные аграрные возможности. И население так этим счастливо, что, когда немцы захотели его освободить от колхозов, то крестьяне отказались, и остались в колхозах.

В 8-м часу вечера речь Нордманна была прервана председателем.

На вторник назначено последнее заседание по делу Кравченко, когда Нордманн закончит свою речь и будет говорить прокурор.

Двадцать пятый день

Последний день процесса возвратил нас к напряженной атмосфере самых бурных заседаний. Зал был переполнен. Заседание, начавшееся в 1 ч. 45 м., кончилось в 10 ч. 20 м. вечера (с двумя небольшими перерывами).

Мэтр Нордманн продолжал свою речь, начатую накануне. Он говорил около 4-х часов, затем ему отвечал мэтр Изар. После кратких выступлений трех адвокатов ответчиков, была речь прокурора, после которой Кравченко, Морган и Вюрмсер сказали свое последнее слово.

Кравченко вновь появился в зале на своем месте. В перерыве его окружила публика и ему пришлось надписать около ста экземпляров своей книги.

Вторая часть речи Нордманна Антисоветский заговор

Все с той же улыбкой, которая не покидает его лица, мэтр Нордманн, говоривший весь день накануне, встает со своего места.

— 30 лет вам твердят о «злодее с ножом в зубах», — говорит он, — задолго до Кравченко существовали профессионалы антисоветизма. Был француз, Клебэр Легэ, был полурусский полунемец Альбрехт. Был однофамилец Кравченко, автор книги «Я был узником Сталина», который работал у немцев, и который, собственно, ничем не отличается от этого Кравченко, хотя имя его и начинается с буквы Р. Его книга тоже продана была в количестве полумиллиона экземпляров. Был Валтин, агент Гестапо, посланный в Соед. Штаты для пропаганды. Он несет ответственность за аресты немецких коммунистов; сотрудник прессы Херста, он ныне — подданный Соединенных Штатов.

— Одним из первых книгу «Я выбрал свободу» оценил диктатор Испании Франко. Зензинов объявлял об испанском издании книги Кравченко еще в № 14 «Нового Журнала». В Америке реакция подняла его на щит. В Америке нет свободы. Сын певца-негра Поля Робсона вынужден был поехать в СССР, чтобы поступить в университет — в Америке он не мог этого сделать (смех). Томас Манн писал об угрозе фашизма в этой стране.

— Предшественник Кравченко был и Бармин, этот агент ОСС. А за издателем Скрибнером стоит Рокфеллер. Миллионы долларов идут на антисоветскую пропаганду, по плану некоего Бридж-Дэса. Незаконно Кравченко — Кедрину были устроены визы! Он — ренегат, а все ренегаты, как известно, агенты ОСС (секретная американская служба). Бывают и анонимные агенты — как например автор неподписанной статьи «Сэтердэй Ивнинг Пост» от 17 янв. 1942 г., под названием «Сталин думает, что я умер».

— Бармин бежал из СССР в 1937 г. Он был пятой колонной, но 5 окт. 1944 г. ОСС объявил, что выгнал Бармина. Валтин до сир пор не выгнан.

Лайонс — сотрудник ОСС, как и все прочие. Он и есть автор книги Кравченко. Нам пишет об этом наш друг Ренэ Лир.

— Кравченко пишет в своей книге, что Америка предупреждала СССР, что Германия нападет на него. Откуда он это знал, если он не агент? Его называет «политическим информатором» журнал «Европа — Америка»,

издающийся на американские деньги. Когда «Советский Патриот» писал о нем то же приблизительно, что и «Л. Ф.», Кравченко не притянул его к суду... (смех в публике). Он сказал здесь, что «Л. Ф». — была, из всех клеветущих, самая опасная. Мы гордимся этим!

Затем Нордманн переходит к характеристике Ди-Пи.

С одной стороны он считает, что русские, оставшиеся в Германии, — военные преступники; с другой говорит, что русских среди Ди-Пи вообще нет. Он говорит о Власове и Глазенапе, о «Часовом», который беспрепятственно выходил при немцах в Бельгии, при том же редакторе.

— Мы не удивились, когда о трех свидетелях Ди-Пи, Пасечнике, Антонове и Кревсуне, была советская нота! — восклицает Нордманн и вынимает из папки документ. Это бумага, присланная из СССР, где три свидетеля Кравченко обвиняются в убийствах партизан и евреев, в краже имущества расстрелянных, в выдаче Гестапо коммунистов. Антонов значится а этом списке под № 9. Пасечник — под № 5. Кревсун же был начальником Сумской жандармерии при оккупации.

Мэтр Изар (вскакивает): Вы при свидетелях этого не говорили! (он быстрым шагом подходит к столу председателя).

Эти документы нам неизвестны! Отчего вы молчали до сих пор?

Нордманн (все улыбаясь): Вы поздно дали нам их имена и адреса. Мы только что получили эти документы.

Мэтр Изар: Все давно было у вас! Вы знаете, что эти люди прошли все комиссии, на которых присутствовали представители советской власти.

Нордманн: Советского контроля не было. Американцы никого не выдают. Они до сих пор не выдали нам убийц Оратура!

Объявляется первый перерыв.

Г-жа Нейман сама приехала в Равенсбрук

После перерыва мэтр Нордманн переходит к показаниям г-жи Бубер-Нейман, жены крупного немецкого коммуниста. «Воспоминания» этой женщины, которая отбывала наказание в Караганде и которую СССР выдал Гестапо, вышли только что по-немецки и сейчас печатаются по-французски в «Фигаро Литерэр».

— Нами получено письмо от философа Мартина Бубера, из Иерусалима, — говорит Нордманн. — Эта профессиональная пропагандистка никогда не была его дочерью.

Мэтр Гейцман: Мы этого и не говорили. Она была его невесткой.

Нордманн: Она была женой его сына лет 20 тому назад. После Неймана у нее был третий муж.

— Кто такой Нейман? Это ренегат и изменник! Он хотел бороться с Гитлером, но один, без социалистов, которые были так сильны в 20-х годах в Германии и без которых ничего сделать было нельзя. Его лозунг был: бей социал-фашистов! Этим самым он помогал национал-социализму. Был ли он сознательным агентом наци или только заблуждался? (Ропот в публике.) Политика троцкистов есть политика пятой колонны. Троцкий и Гитлер работали вместе, для одной цели (гул в глубине зала). И французских троцкистов мы теперь знаем хорошо. Они во время войны работали на немецкую пропаганду.

— В СССР, — продолжает Нордманн, — поведение Неймана было заклеено. Он стал шпионом в пользу Германии, как все троцкисты, как вся левая оппозиция (движение в зале). Прочтите книгу Стевенса «Нет русской загадки!». Там написано, что Гитлер послал в СССР своих агентов и шпионов! Нейман и был одним из них. Жена его сказала, что он был невинен. Она солгала!

— Немецкий писатель А. Норден пишет нам из Берлина, что г-жа Нейман никогда не была выдана Россией Гестапо. Он пишет, что жена другого писателя, Ганса Кнуда, бывшего редактора газеты «Роге Фане» (живущая сейчас в Америке), ему в свое время рассказывала, что г-жа Нейман свободно и добровольно приехала в 1940 году из России в Германию. Она обратилась в Москве в германское посольство, прося о репатриации, и ее водворили на Родину. Она думала, что ее встретят там с почестями, как жену гитлеровского агента. Но она почему-то оказалась в Равенсбруке. Нордманн делает передышку, усмехается, и возвращается к

делу Кравченко.

— В книге — все ложь, да он и не писал ее! О диффамации может говорить человек, у которого есть честь. У Кравченко ее нет. Наваety на СССР идут параллельно с наветами на французский резистанс. Если бы Кравченко был в России, то сейчас он был бы в тюрьме!

Мэтр Изар: Вернее — на кладбище!

Прочитав Бардеша, французского защитника национал-социализма, сидящего ныне в тюрьме, и, сказав, что Кравченко это тот же Бардеш, мэтр Нордманн просит у суда полного оправдания своих подзащитных.

Возражения мэтра Изара

— Я протестую против поведения адвокатов противной стороны, — заявляет мэтр Изар. — Я протестую против лжи и клеветы, против фальшивых документов, против всей этой кухни подтасовок и передержек. Если мы до этого дошли во Франции, то можно себе легко представить, до чего доходит суд в СССР!

Мэтр Нордманн ковал цепь — звено за звеном, так что от одного к другому все были ею соединены. Знаете, кто орудовал такими средствами? Шарль Моррас в «Аксион Франсэз» делал это в свое время: от иностранного капитала, к издательству, от издательства — к писателю, от писателя — к газете, от газеты — к партии, от партии — к ее лидерам. И таким образом устанавливалась связь между каким-нибудь американским трестом и Блюмом...

Вот до чего довели вас ваши способы действия. Нетрудно показать, что председатель Кэй — наци, если пользоваться такими методами.

В 1939—40 гг. ваша партия называла нашу войну «империалистической» и требовала мира. Вы — новые Деа.

Вюрмсер истерически кричит, протестуя, поднимается страшный шум. Председатель требует тишины.

Вюрмсер продолжает кричать.

Председатель: Прошу вас! Иначе я вас принужден буду вывести.

Мэтр Изар: Если кто-нибудь не стоит на коленях перед СССР, то он — Бардеш! Я знаю, что вы не надеетесь быть оправданными, но эти методы — недопустимы! Сим Томас на суд не явился... Но обратимся к утаенному вами документу.

Я сообщаю суду, что мы достали опросник Кравченко, анкету, заполненную им не а 1941 году, а в 1943 г., накануне отъезда его за границу. (Мэтр Изар высоко поднимает над головой бумагу.)

Из него следует, что опросник, который достали «Лэттр Франсэз» либо фальшивый, либо просто очень неполный и устаревший. Из нашего опросника следует, что Кравченко вовсе не был амнистирован, но что дело было прекращено. Это разница!

Это значит, что он не был прощен за преступление, но что суд признал, что преступления не было. Из него следует также, что Кравченко занимал крупные посты, что растрата была перетрата в 4 000 рублей, и что в Совнарком, да, да, в Совнарком, слушайте, слушайте! он состоял

начальником группы военных инженеров. Он управлял целым коллективом заводов...

Вся карьера Кравченко в этой анкете! Но мэтр Нордманн, говорят, был болен, и я боюсь, что он по болезни спутал все то, что ему велено было сказать.

Я возражаю вам по пунктам, на все ваши измышления, неточности и передержки. Кравченко писал о беспорядках в Москве в октябре 1941 г. Вы утверждали, что беспорядков не было. Вот статья Корякова, вам знакомого уже (мэтр Изар показывает суду книгу 20-ю, только что вышедшего в Нью-Йорке «Нового Журнала»). Она называется «16 октября». В ней рассказывается о бунте и погроме, имевшем место в этот день в Москве, когда власть бросила город и он едва не был сдан немцам.

Вы говорили, что насильственной коллективизации не было, так как в речи Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 г.) указывалось, что этого делать не надо. А я вам скажу, что до этой речи, была другая, 21 января 1930 года, и речь Молотова в апреле 1929 года, где говорилось обратное, и после тоже были речи и статьи о необходимости раскулачивания, как, например, в апреле 1930 года, где Сталин требовал «уничтожать кулаков, как класс» и где было даже сказано «не будем отступать от нашей программы».

Вы говорили о чистках. Оправдывая их, вы признаете, что три четверти генералов и членов Политбюро были изменниками?

Вы говорили о лагерях. На одном Беломорском канале было более миллиона подневольных. Вы утверждали, что СССР перед войной имел артиллерию... Это — обычная ваша передержка: никто не говорил, что артиллерии не было, мы говорили, что не было противотанковых орудий, и на это вы не сказали ничего. А о деревянных аэропланах вам сказать было нечего, так как наш свидетель Муанэ ни них летал, и значит, они существовали!

О НКВД вы не сказали ничего, объявив, что и во Франции имеется такое министерство. Но где же все-таки Нейман? Если бы его судили, это было бы известно. Он просто исчез.

Возвратимся к советской ноте о выдаче наших свидетелей. Я утверждаю, что ваши документы об их «коллаборации» фальшивы. С 1943 года было время объявить эти три имени в списке военных преступников, этого не было сделано.

Больше того: в России, как мы знаем, судят и заочно. Почему же Пасечника, Кревсуна и Антонова не судили заочно?! Тогда мы бы поверили, что это военные преступники. Сейчас же этому поверить мы не

можем.

И последнее: несколько слов о г-же Бубер-Нейман. О, как вам мешает эта женщина! Как вам мешает этот Брест-Литовский мост, через который волокли коммунистов и еврея Блоха! Этот мост и эти имена не забудутся, они войдут в историю, и та грязь, которой вы их обдали, тоже войдет в историю, о ней тоже нельзя будет забыть!

Несколько слов посвящает мэтр Изар возражениям Блюмеля, который, на основании ст. 29 закона о диффамации, говорил о «добрых намерениях» редакторов «Л. Ф.». По мнению Изара, ругательства не могут быть напечатаны «с добрыми намерениями». Затем он говорит кратко об эксперте Познере, «которого всерьез принимать нельзя», и переходит к измене Торэза.

— Этот был амнистирован, т. е. за ним было признано преступление, — говорит мэтр Изар. — Но вся партия обязана считать его героем.

Вюрмсер: Я предпочитаю уважать его живого, а не мертвого!

Мэтр Изар: Но он все-таки трус, потому что в один прекрасный день он исчез, ушел с фронта, будучи мобилизован.

Вюрмсер: Вы сами трус! (Публика протестует.)

Мэтр Изар: Был еще один лидер компартии, который был мобилизован. Это — Фажон. 9 января 1940 года четыре депутата-коммуниста в палате отказались встать, когда председатель Эррио предложил почтить вставанием павших на поле брани. Среди невставших был Фажон. 20 янв. он был мобилизован и говорил в палате об «империалистической войне», которая ведется, «якобы, за свободу». Его арестовали.

Вюрмсер и Морган: Нет, нет, это ложь!

Мэтр Изар: Вы солидарны с дезертирами.

Вюрмсер: Четыре года де Голль был дезертиром! (Шум в публике. Возгласы.)

Мэтр Изар: Мы говорим здесь не о политике, мы говорим о диффамации. Андрэ Пьер, которого вы цитировали вчера, прислал вам поправку. Он повторяет, что вполне понимает человека, как Кравченко, который захотел свободы. По отношению к СССР и Сталину — это продолжает оставаться изменой. Мы в этом с ним совершенно согласны!

Я прошу суд заметить, что мы стоим перед страшной угрозой: на наших глазах происходит объединение в каменную твердыню сил ненависти, злобы и клеветы, — заканчивает мэтр Изар свою речь.

В местах для публики и на скамьях адвокатов раздаются шумные

аплодисменты. Председатель их не обрывает.

Речь прокурора

После кратких ответов адвокатов Нордманна, Матарассо и Блюмеля, ничего нового не сказавших, объявляется перерыв.

Большинство публики покидает зал, на часах половина восьмого.

Председатель Дюркгейм продолжает заседание, чтобы закончить сегодня же прения.

Прокурор Куассак встает со своего места. Он говорит менее часа... Речь его была отвлеченна и несколько пышна. Его личного мнения о деле мы не узнали.

— Духовные эволюции происходят в атмосфере свободы, — сказал прокурор. — Только в свободе можно выбирать между добром и злом. Люди, жаждущие свободы, бегут от режимов, где угнетена мысль и сковано слово.

Мировая совесть судила преступников на Нюрнбергском процессе. Впервые в истории не все было прощено в войне, не все было оправдано. Существует не только право на жизнь каждого мыслящего человека, существует право на свободу его совести и на свободу его духа.

Значение данного процесса — огромно, оно интернационально. Здесь было доказано, что есть еще в мире место, где люди могут свободно защищать свои мнения. Во Франции существует, кроме физической, еще и моральная свобода, — все это поняли, кто следил за страстным диалогом, здесь происходящим, в течение двадцати пяти дней.

Что нам дал этот диалог? Он был исканием правды! Человек, если намерения его чисты, должен найти в этом процессе ответ на свои искания. Нам сказали здесь несколько раз, что демократии бывают разные, друг на друга не похожие. Мы хотели бы быть демократией независимой и объективной. Ибо предвзятость мешает истине.

Пропаганда всякая — есть насильственное действие. Только в беспристрастии и свободе может найтись правда. Мировое общественное мнение настороженно слушает нас. И наш суд должен дать ответ на вопросы огромной важности, которые ставит современность. Мы идем сквозь черную ночь, но мы идем факелами.

Я не толкаю вас к какому-либо определенному умению. Я не влияю на вас. Вы должны пребывать в свободе. Вы должны найти решение, которое не только будет Истиной, но которое останется в мире как реальность.

Последнее слово Кравченко

Господин председатель, господа судьи!

Процесс, который проходит в свободной Франции, при неослабевающем интересе и внимании общественного мнения мира, подходит к концу.

За весь период процесса, вы, господа судьи, и общественное мнение, не могли не понять всей серьезности ущерба, который нанесли мне диффаматоры.

Я всегда был готов, как готов и в будущем, разговаривать открыто и честно на любую тему, но ни один уважающий себя ум, не может согласиться с тем, чтобы политическая дискуссия сопровождалась грязью и бесчестными атаками, как это делали мои противники здесь и их кремлевские хозяева в Москве, против меня.

Этой тактикой они только продемонстрировали свою слабость и в то же время силу моей правды.

Желая искренне кооперировать с вами во имя истины, я представил суду свидетелей, различных по положению и культуре, но одинаковых по своим несчастьям, — жертв режима. Я представил вам документы, манускрипт, гранки, рукопись английского перевода, факты и цифры.

Я старался убедить вас, что не только я сам написал книгу, но что и все написанное в ней, от начала до конца, есть суцая правда.

Мои свидетели — русские, украинцы, белорусы — говорили здесь перед вами горькую правду. Они действительные представители народов России — рабочие, крестьяне, врачи, инженеры, — а не советская элита, самоуверенная, наглая, которую вы видели здесь.

Удивляться, собственно, нечему — каковы хозяева, таковы и их слуги! Достаточно вспомнить морального урода Романова, или псевдогенерала Руденко.

Эти субъекты, вместе с их французскими агентами, избегали и боялись говорить о сюжете книги. Они не могли защищать свой режим, режим АДЛЬФА СТАЛИНА.

Почему? Потому, что им нечего защищать, потому что я писал и говорил правду и приводил факты, которые они не в состоянии опровергнуть, в условиях демократического, свободного суда.

Ни они, ни их кремлевские хозяева, здесь, в суде, а равно и их пресса и радио в Москве, как и в других странах, ничего не могли опровергнуть из

того, что я написал, и из того, что я говорил здесь.

Они стали на старый испытанный путь клеветы и провокации, клятвопреступлений и лжесвидетельств, и не побрезговали представлением в суд фальшивых, сфабрикованных в кремлевском НКВД, документов. Таков их моральный отвратительный портрет и поведение. Я думаю, что вы, гг. судьи, оцените их по заслугам.

Я не сомневаюсь, что общественное мнение мира уже вынесло моральный приговор тем, которые сидят здесь на скамье подсудимых, равно как и их кремлевским вдохновителям и хозяевам.

Дело теперь за вами, гг. судьи!

К вашему решению обращены сердца народов России, миллионов заключенных советского режима, народов стран, захваченных Кремлем, и взоры народов всего мира.

К вашему решению также обращены тени миллионов моих земляков, погибших в войне с фашизмом, за наше с вами лучшее будущее.

Я всегда верил, что делаю справедливое дело.

Это был мой долг, сказать миру правду такой, какой она была. Это было необходимо не только по отношению к моей родине и народам России, но и по отношению к народам мира, чтобы они своевременно поняли серьезность опасности, которая им угрожает.

Чтобы исполнить этот долг, который очень серьезен для меня, я всем пожертвовал, и готов и впредь жертвовать и рисковать в борьбе с коммунистической тиранией, ибо этого требуют интересы народов России и прогрессивных сил мира.

Но мой акт, риск, жертвы, как и жертвы народов России не будут морально оправданы, если ваше решение, гг. судьи, не будет ясным, четким, строгим и бескомпромиссным по отношению к подсудимым.

Настало время для западного мира смело посмотреть правде и фактам в лицо и трезво понять всю серьезность положения.

Мир не может быть свободен, пока люди на шестой его части — народы моей родины — живут под диктатурой, под насилием величайшей полицейской власти, которую когда-либо знала история.

Поэтому неправда, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает! Эта формула верна только для тех стран, где существуют демократические, а не тоталитарные порядки.

Эта формула, чересчур часто употребляемая, натравливает западные страны не против советского режима, а против народов России, и этим самым с помощью кремлевской пропаганды, делает из них противников Запада, а не друзей и союзников, в борьбе против всех форм диктатуры.

Указанная формула специально придумана лицемерами, только для того, чтобы умыть руки от так неверно называемого «русского вопроса».

Нет русского вопроса — есть советский вопрос! Нет русской политики — есть советская политика! Нет русского правительства — есть советское правительство!

Понимание советской реальности Западом является положительным фактором, но часто комментарии о Советском Союзе, делаемые некоторыми западными политиками и прессой, принимают явно антирусскую форму, грубую и оскорбительную для народов России, и этим самым позволяют Кремлю возбуждать народы моей страны против внешнего мира.

— Таким образом, руссоеды вооружают, а не ослабляют советскую диктатуру!

Наступило время для западного мира понять ту пропасть, которая существует между советским режимом и народами России. Это две непримиримые, враждебные вещи, по их природе и целям.

Есть еще одна высокомерная теория у некоторых политиков Запада, утверждающих, что коммунизм, дескать, годится и приемлем для народов России, но не приемлем для народов западных стран.

Однако эти псевдо-теоретики забывают, что коммунизм, как теория, родился на Западе, что он развился теперь и окреп в ряде стран Европы, не говоря уже о колониях, что он уже вошел в жизнь их стран, и воинственно разрушает устои их жизни.

Коммунизму удалось создать большое чувство страха у народов ряда стран Европы, и даже посеять панику, и тем самым парализовать сопротивление ему.

Если народы Европы не поборют в себе этого чувства страха и неуверенности, и не организуются для отпора советскому наступлению, они серьезно рискуют потерять свою зависимость и свободу. И наконец, есть последняя, искусственно созданная теория «железного занавеса», авторами которой являются люди прошлого. Поэтому они неспособны видеть действительных причин прошлого, настоящего и будущего в развитии коммунизма, и тем более, реально разрешить те социальные противоречия общества, которые его питают духовно, и практически превращают его в серьезную силу и угрозу интересам народов западного мира.

Теория «железного занавеса» существует в фантастическом воображении ее создателей, это продукт их лицемерия. Эти господа считают для себя более удобным и выгодным только пугать свои народы

коммунизмом и даже социализмом, а не серьезно просвещать их, и за этой дымовой завесой делать очень мало или ничего не делать, чтобы серьезно улучшить жизнь своих народов.

Эта теория помогает многим политикам быть в искусственном неведении обо всем том, что творится в Советском Союзе, и лавировать своей политикой по отношению к советскому режиму, в зависимости от их надобностей.

Незачем доказывать убожество таких идей. Игра — жалкая, без шансов на серьезный успех.

Никакого «железного занавеса» нет!

Миллионы людей различного положения, покинувших Советский Союз, страну лже-социализма и лже-демократии, принесли западному миру ужасный опыт и знания о кремлевском царстве современных Чингис-Ханов.

Те, которые хотят видеть и слышать правду, как бы горька она ни была, могут познать ее в полном разнообразии: как о несчастьях народов России, так и о деятельности институтов советской диктатуры, о ее политике, равно, как и о ее целях.

Я могу повторить то, что я сказал в своей книге: борьба с советской диктатурой — это не только дело народов России, но кровное дело всех прогрессивных и честных людей повсюду. Без свободной демократической России мира в мире не будет.

Почему я говорю об этих теориях здесь? Это не просто желание критиковать их создателей. Я говорю об этом потому, что эти теории дезинформируют общественное мнение, дезорганизуют прогрессивные, антикоммунистические силы, дискредитируют народы России и не ослабляют, а, наоборот, — укрепляют советскую диктатуру.

Я не боюсь борьбы! Я ищу борьбы. Я хотел дискуссии на суде, честной и политически-принципиальной по существу книги.

— Я искал этой дискуссии не только по поводу того, что я видел, пережил, знаю и написал, но и по поводу моего поступка. Но все, что здесь произошло со стороны моих противников и советского правительства, только усилили мое убеждение, что я был прав, и я готов, пока живу, бороться, гг. судьи, за эту правду.

И именно потому, что я прав, вы, г. председатель, и вы, гг. судьи, должны решительно восстановить мою честь, честь моей деятельности, и оградить меня от грязи и клеветы. Это не только необходимо для моего настоящего, но и для будущего.

Это право всех людей, защищать свою честь и особенно мое — потому

что за эту свободу я заплатил больше, чем кто-либо.

Пусть же ваше решение, гг. судьи, вдохновит на борьбу борцов за свободу и справедливость, и бескомпромиссно и жестоко покарает душителей свободы, независимости и прогресса.

Последние речи ответчиков

Морган и Вюрмсер произносят один за другим краткие речи, в которых повторяют в общих чертах то, что было ими сказано в первый день процесса. После чего председатель закрывает прения и объявляет, что приговор будет вынесен в понедельник, 4 апреля.

Приговор

В понедельник, 4-го апреля, заседание 17-й камеры Сенского исправительного суда было перенесено из 10-й камеры в 17-ю, которая в два раза меньше той, где происходило в течение двух месяцев слушание дела В. А. Кравченко. День был летний, ветреный, почти жаркий. За две недели перерыва в Париже наступила весна.

В 1 час дня не только все скамьи были заняты, но буквально некуда было яблоку упасть — люди сидели, стояли в проходах и у окон, двери не закрывались от напиральной в зал толпы.

Журналисты, фотографы, адвокаты, жандармы, публика — все теснились, кто где мог, когда в 1 час 15 минут сам Кравченко, в сопровождении своих адвокатов, появился на своем месте. Он был несколько бледен.

Вслед за ним, из другой двери, появились гг. Морган и Вюрмсер, их адвокаты, несколько свидетелей-друзей «Лэттр Франсэз».

Прозвучал звонок, публика встала, и в напряженной тишине вошел быстрым шагом председатель Дюркгейм, двое судей и греффье (секретарь трибунала).

Сейчас же этот последний объявил, что будет прочитан приговор по иску Кравченко.

Первый иск

Первый из трех исков предъявлен В. А. Кравченко «американскому журналисту» Симу Томасу и Клоду Моргану, как ответственному редактору «Лэттр Франсзз». Председатель Дюркгейм читает первое заключение:

«Принимая во внимание, что г. Кравченко привлек к суду Сима Томаса и Клода Моргану за публичные оскорбления и диффамацию, напечатанные в газете „Лэттр Франсзз“ в статье Томаса 13 ноября 1947 года, под названием „Как был сфабрикован Кравченко“,

принимая во внимание, что эта статья содержит в себе следующие оскорбительные для Кравченко строки (следует цитата),

принимая во внимание, что Кравченко нашел в этих строках клевету, могущую нанести ему ущерб, и привлек вышеназванных лиц к ответственности, вчинив им иск в 3 миллиона франков, и требуя напечатания приговора на страницах газеты,

принимая во внимание, что 8 ноября 1948 года суд уже обсуждал вину Сима Томаса и, таким образом, ныне предстоит решить вопрос о Клоде Моргане,

принимая во внимание ст. 35 закона 29 июля 1881 года и дополнение к ней от 6 мая 1946 года, по которым от диффаматоров требуются доказательства их утверждений в лице показаний свидетелей и предъявления документов, принимая во внимание, что диффамация касалась трех определенных пунктов а именно:

1) Кравченко не автор своей книги, так как написал в свое время всего 60 страниц, которые никуда не годились,

2) Кравченко в свое время был осужден за мошенничество,

3) Кравченко — пьяница и в свое время был выгнан за безнравственность с завода в Никополе, и его долги уплатили другие,

принимая во внимание, что Кравченко доказал, что он начал писать свою книгу в апреле 1944 года, и писал ее до июля 1946 года; что в марте этого года он представил 600 страниц своей рукописи в одно издательство (в переводе Маламута), но издательство отказалось ее взять, после чего он подписал контракт с издательством Скрибнера,

принимая во внимание, что Кравченко утверждает, что он не раз правил текст книги, с помощью переводчика Б. Никольского, и правил гранки так, что ему пришлось дополнительно за это заплатить,

принимая во внимание, что Кравченко представил на суд несколько

страниц рукописи на русском языке, а также листы перевода на английский, что он доставил суду письменные показания своих американских друзей Далина, Зензинова, Лодыженского, Штейнигер, Раскина, Хиноя, Левина и издателя Скрибнера о том, как была написана книга, и была произведена экспертиза рукописи проф. Санье, нашедшего, после анализа чернил, что рукопись была написана задолго до начала процесса,

принимая во внимание, что обвиняемый Морган не представил суду ни документов, ни свидетельских показаний, которые бы поколебали утверждения Кравченко, а также, что статья Томаса была напечатана задолго до того, как была произведена тщательная экспертиза этого дела и, следовательно, у газеты не было данных сомневаться в авторстве Кравченко,

принимая во внимание, что ответчик и некоторые свидетели его говорили о том, что различные места книги принадлежат различным авторам и что орфография, употребляемая в книге, то новая, то старая, и что поэтому книга была написана по крайней мере двумя людьми,

принимая во внимание, что эти же свидетели говорили, что не нашли в рукописи некоторых мест, которые оказались в книге, и что она более враждебна советскому режиму, чем рукопись,

принимая во внимание, что вся эта критика не имеет под собой серьезных оснований, и что представлено было Кравченко 18 глав из 28-ми, так что некоторые места, найденные в книге, могли быть в части рукописи, которая не была представлена суду,

принимая во внимание, что показания свидетелей были недостаточны, чтобы вывести из них, что Кравченко не писал свою книгу, и что Морган ничего не сделал во время судебного разбирательства, чтобы убедить суд в своей правоте, но опирался на Сима Томаса, чье существование вообще не внушает доверия,

принимая во внимание, что поведение Кравченко на суде доказало, что он не только не „умственно отсталый“ человек, как было сказано в газете, но человек вполне способный написать книгу „Я выбрал свободу“, что же касается мошенничества, то из книги Кравченко явствует, что он был приговорен за растрату в Кемерово, но дело либо было кассировано, либо Кравченко был амнистирован, — чего Сим Томас в статье не говорил. Таким образом, Морган умышленно искажил факты, а что же касается исключения с завода и пьянства, то ни о Кравченко, ни о его алкоголизме ни один свидетель ничего не сказал. О якобы бывших неприятностях у него по службе в Никополе тоже ничего не было сказано, и таким образом выяснилась полная несостоятельность обвиняемого в этом пункте и

желание Моргана очернить Кравченко по этому вопросу.

Однако, необходимо принять во внимание, что ответчик был резистантом и по природе свой — ярый полемист и боевой журналист.

По сему, и основывая свое решение на том, что Кравченко не было нанесено чувствительного денежного урона, суд присуждает Моргана к уплате Кравченко 50 000 франков в возмещение ущерба, нанесенного статьей Сима Томаса, к уплате штрафа в размере 5 000 франков и к опубликованию этого постановления в газете „Лэттр Франсэз“».

Второй иск

Второй иск предъявлен Кравченко к журналисту Андрэ Вюрмсеру и к Клоду Моргану, как ответственному редактору «Лэттр Франсэз».

«Принимая во внимание, что г. Кравченко предъявил иск 15 апреля 1948 г. к автору статьи „Кравченко — вундеркинд“ Вюрмсеру, и редактору газеты, Моргану, считая задетой свою честь клеветническими и оскорбительными для Кравченко выпадами,

принимая во внимание, что в этой статье находились следующие оскорбительные для Кравченко строки (цитата),

принимая во внимание, что Кравченко требовал 4 000 000 в возмещение моральных и материальных убытков и опубликования приговора в вышеназванной газете,

принимая во внимание, что ответчики, на основании ст. 35 закона 29 июля 1881 года пожелали привести доказательства своим утверждениям, по которым, как писал Вюрмсер, Кравченко обманул свое начальство, которое ему оказывало доверие, и этим хвастал в своей книге,

принимая во внимание, что ответчики назвали Кравченко „мерзкой личностью“, и тем самым потеряли меру, допустимую в суждениях, и перешли в область грубых ругательств, не для выяснения правды о нем, но с тайной мыслью нанести ему ущерб в глазах его возможных читателей, затронув его честь,

принимая во внимание, что Вюрмсер и Морган обозвали Кравченко „предателем“ на основании его ухода из Вашингтонской закупочной комиссии в 1944 году и его интервью, данного в то же время „Нью-Йорк Таймсу“,

принимая во внимание, что до разрыва с советской властью Кравченко ни в чем недостойном по отношению к ней не был замечен,

однако, принимая во внимание, что его выпады против режима его страны были несвоевременны и неуместны, так как шла война, и в то же время — принимая во внимание его слова, что он хотел послужить союзникам,

но в то же время, исходя из того, что гг. Морган и Вюрмсер не имели права называть Кравченко „предателем“, что они могли критиковать его поведение, но не употребляя для этого...

(пропуск одной строки — прим. OCRщика)

...Кравченко в комсомоле и в Харьковском институте доказано свидетелем Лаговским, а работа его при Совнаркоме — документами, и напоминая, что не Кравченко должен был доказывать свою правоту, а, наоборот — гг. ответчики, —

суд переходит к утверждениям „Лэттр Франсэз“ о том, что рассказы Кравченко в его книге о событиях в СССР были вымыслом.

И в этом пункте, принимая во внимание, что Кравченко рассказал в своей книге о нищете и страданиях своего народа, резко обрушиваясь на режим своей страны, и что эти рассказы были подтверждены свидетелями, которые находились в тех же местах и в те же годы, о которых говорил Кравченко,

но в то же время, принимая во внимание, что другие свидетели, разных национальностей, говорили обратное,

и заключая из этого, что только тщательное изучение на месте, с возможностью проникнуть в архивы, могло бы разрешить этот важный спор,

суд считает себя недостаточно компетентным, чтобы дать свое заключение о режиме, о котором говорил Кравченко. Суду остается только отметить резкие противоречия, которые обнаружились между свидетелями обеих сторон;

принимая во внимание, что Кравченко мог допустить некоторые неточности в своей книге, и что его выводы могут быть оспорены, что „Я выбрал свободу“ иногда приобретает характер памфлета, и что автор ее умалчивает о некоторых положительных достижениях в его стране, доказывая этим свое пристрастие,

но что, с другой стороны, не было доказано на суде, что Кравченко лгал, как не была доказана гг. Морганом и Вюрмсером правота их утверждений, —

суд принимает во внимание поведение этих двух лиц во время резистанса, и то обстоятельство, что они оба ярые полемисты, и считает, что им должно вынести умеренный приговор.

На том основании, что материальный ущерб, нанесенный Кравченко диффамацией, был ничтожен, и сообразуясь со всем делом целиком, суд постановляет приговорить Кравченко 50 000 франков и обязать гг. Вюрмсера и Моргана к уплате штрафа в размере 5 000 франков и к опубликованию этого постановления в газете.»

Третий иск

Третий иск был предъявлен Кравченко к Клоду Моргану, как к автору диффамационных статей.

Суд объявляет по нему следующее решение:

«Принимая во внимание, что г. Кравченко счел себя оскорбленным, принимая во внимание, что г. Морган никаких доказательств по оскорбительным для г. Кравченко утверждениям не представил и вообще не руководился ст. 35 закона 29 июля 1881 года и его дополнением, не предъявил для своего оправдания документов и не пригласил на суд свидетелей, чтобы подтвердить свои слова, — суд может только констатировать, что выражения „предатель“ и „паяц“ были употреблены без всякого основания, с единственной целью задеть личность и замарать честь г. Кравченко.

Эта цель ясна, и тем самым установлена диффамация.

Поэтому г. Морган приговаривается к уплате Кравченко 50 000 фр., к 5 000 фр. штрафа и к опубликованию этого приговора в газете „Лэттр Франсэз“».

Публика, выслушав чтение приговора, ответила на него гулом одобрения. Видимо, ответчики и их адвокаты до последнего момента надеялись выиграть дело. Мэтры Брюгье и Матарассо с опечаленными лицами не скрывали впечатления, которое на них произвела катастрофа. Нордманн тотчас же скрылся через боковую дверь...

Что касается мэтров Изара и Гейцмана, то они стали переходить из одних объятий в другие, пока не добрались до двери, через которую первым из зала вышел Кравченко, публика и фотографы ринулись за ним. Через бесчисленные кулуары Дворца правосудия, Кравченко почти бегом, в сопровождении секретаря и толпы журналистов, добежал до выхода, ведущего на Пляс Дофин. Там стоял автомобиль. Пожимая бесчисленные руки, благодаря налево и направо за сочувствие, Кравченко сел в него и скрылся из виду.

На пляс Дофин, как и по другую сторону суда — на бульваре дю Палэ — несколько времени еще толпились любопытные.

Апелляционный суд отказал литературному еженедельнику «Лэттр Франсэз» в пересмотре дела. Кравченко выиграл свой иск во второй раз. Скоро после этого, он покинул Францию, написал книгу о своем процессе (успеха она не имела) и поселился в одной из стран южной Америки. В 1966 году он, видимо, потерял большую сумму денег и, будучи в Нью-Йорке, покончил с собой в гостинице Плаза.

Н. Б.

---

notes

Примечания

1

Французское «Сопротивление»

У Даля — одно «п» и одно «л». Н. Б.

«На Переломе», Н. Б.

Коммунисты, порвавшие с партией. Н. Б.

Tripatouiller, слово «арго», которому по-русски перевода нет, — Н. Б.

Большинство французских историков считает заветствие это апокрифом. Н. Б.